

ВИТАЛИЙ ГЛАДКИЙ
БАСИЛЕВС

Всемирная история в романах

Виталий Гладкий

Басилевс

«ВЕЧЕ»

2008

ББК 84(4Рос)

Гладкий В. Д.

Басилевс / В. Д. Гладкий — «ВЕЧЕ», 2008 — (Всемирная история в романах)

На рубеже II–I вв. до н. э. у Римской империи на востоке появился сильный и грозный противник. Царь Понта Митридат VI Евпатор бросил вызов самому могущественному государству мира и в ряде сражений разбил лучших римских полководцев, захватив провинции в Малой Азии и Греции. На протяжении почти сорока лет басилевс Митридат считался врагом номер один Вечного города и доставил немало хлопот диктатору Сулле, прежде чем тому удалось справиться с отважным и хитрым противником...

ББК 84(4Рос)

© Гладкий В. Д., 2008

© ВЕЧЕ, 2008

Содержание

Часть первая. Заговор	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	48
Глава 9	56
Глава 10	63
Часть вторая. Псы удачи	70
Глава 1	70
Глава 2	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Виталий Гладкий

Басилевс

© Гладкий В. Д., 2008

© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

Часть первая. Заговор

Глава 1

Весна 121 года до нашей эры на южном побережье Понта Евксинского¹ выдалась поздняя, с обильными дождями. Море штормило, яростно швыряя серые, вскипающие пеной водяные глыбы на скалистые берега; в горах шли снегопады. Над столицей Понтийского царства* городом Синопой* клубились тугие тучи, опущенные снизу туманной бахромой. И только изредка и ненадолго – на день-два – штормовой ветер стихал, облака нехотя уползали к вершинам дальних гор, где до поры до времени затаивались в глубоких и мрачных пропастях и густых чащобах, и по дрожащей от испарений небесной голубизне неторопливо плыл по-весеннему яркий солнечный диск.

В один из таких погожих дней месяца мунихиона* по берегу полуострова, на узком перешейке которого раскинулись белокаменные здания Синопы, шли три подростка. Самый высокий из них, по имени Гай, гибкий, как виноградная лоза, прыгал по камням, словно серна, легко и стремительно. При этом его подвижное лицо, обрамленное черными кудрями, выражало упоение и радость.

Второй – круглолицый, сероглазый крепыш с чересчур широкими для его возраста плечами, которого звали Дорилей, был куда осторожней и осмотрительней своего друга. Препятствия, встречающиеся на пути, он старался обойти, а на прыжки Гая посматривал с неодобрением.

Третий из подростков откликнулся на имя Митридат. Ростом он был выше Дорилея, плотно сбит и мускулист; в глазах цвета светлого янтаря таились упрямство и настороженность.

Наконец друзья добрались до небольшой бухточки, защищенной от ветров высокими скалами. Там, в каменном ложе, сверкала стынущим расплавом серебра водная гладь хойникиды – неглубокой впадины, по форме напоминающей боб. В нее, на ходу сбрасывая одежды, и бросились подростки.

Купались долго – морская вода, которую высокой штормовой волной нагнало в хойникиду, была там значительно теплее, чем в открытом море. Затем в полном изнеможении улеглись на песок, намытый прибоем у подножья скал, и надолго застыли в полном безмолвии, наслаждаясь парной теплотой. Воздух в бухточке был горяч, упруг; от выброшенных на берег водорослей пахло рыбой, каленой солью и терпковато-приторным запахом гнили.

Первым нарушил молчание Митридат:

– Я не хочу, чтобы ты уезжал, Дорилей...

Он сел, обхватив колени руками, и нахмурился. Прорвавшийся сквозь оцепление скал ветерок разметал его длинные, волнистые волосы цвета старой меди – темно-каштановые, с красным отливом – обнажив крутой высокий лоб с мощными надбровными дугами. На грубовато высеченном лице Митридата появилось выражение угрюмой сосредоточенности и грусти.

– Клянусь Зевсом*, мое сердце сжимается при мысли, что скоро с вами расстанусь! – с горячностью, так не вязавшейся с его несколько флегматичным нравом, воскликнул Дорилей; серые, слегка раскосые глаза подростка увлажнились.

– Признаюсь, я сегодня просил отца, чтобы твой высокочтимый дядюшка не забирал тебя с собой. Но, увы... – Митридат с силой, до хруста, переплел пальцы рук. – Он не захотел даже выслушать меня до конца. – И добавил с неожиданно прорвавшейся горечью в голосе: –

¹ Здесь и далее значение слов, отмеченных звездочкой, см. Глоссарий.

Великому царю Понта некогда заниматься делами сына, которого он до сих пор считает желторотым птенцом.

– Митридат, ты несправедлив к своему отцу. – Дорилей сел рядом и обнял его за плечи. – Он тебя любит больше всех. И ты знаешь это.

– Я тоже так думал... до вчерашнего дня. Но теперь... Теперь у него в любимчиках ходит мой братец Хрест, это слюнявое ничтожество. Вчера он получил в подарок одного из лучших боевых коней конюшни отца. Который был обещан мне! – глаза Митридата потемнели, на крутых скулах забегали желваки.

– Знаю... – потупился Дорилей. – Но это еще ничего не значит... – Он немного поколебался, не решаясь сказать своему другу нечто, как считал, не очень приятное; но все же отважился: – Царица Лаодика просила об этом. А ей отказать твой отец не смог.

– Мать... – Митридат склонил голову на колени и задумался.

До этого безмолвный Гай сделал нетерпеливый, резкий жест, порываясь что-то сказать, но, заметив предостерегающий взгляд Дорилея, сдержался. Сдвинув к переносице густые черные брови, он со злостью швырнул подвернувшийся под руку окатыш в изборожденную трещинами скалу. Камень раскололся, брызнул мелкими осколками, вспугнув низко летящую чайку, которая с криком взмыла круто вверх и полетела в сторону Синопы. Гай следил за ее полетом, пока белая птица не растворилась в колеблющейся сизой дымке, висевшей над гаванью.

Неожиданно он вскочил и, прикрывая ладонью глаза от солнца, стал пристально всматриваться вдаль.

– Что там, Гай? – с интересом спросил Дорилей – его друг отличался необычайно острым зрением.

– Посмотрите туда! – показал Гай в сторону мыса, защищавшего гавань от злых северных ветров.

Из-за скал, круто обрывающихся в море, медленно и величаво выплывали суда. Легкий бриз надувал их алые паруса, трепал вымпелы на мачтах. Окрашенные в черный цвет, с низкой осадкой, корабли по большой дуге обходили радужную пыль бурунов прибрежной отмели. Ярко начищенные бронзовые щиты, закрепленные вдоль бортов, бросали огненные отсветы на прозрачную зелень вод, резные золоченые акростоли* важно раскланивались с лодками рыбаков, сопровождавшими суда.

– Пять! – показал раскрытую ладонь Гай.

– Кто? – спросил Дорилей, шуря от напряжения глаза.

Гай молча пожал плечами.

– Это не купцы, – уверенно сказал Митридат. – Суда военные...

Корабли обогнули мелководье и подошли ко входу в гавань. С поразительной слаженностью и быстротой на них были убраны паруса, и воду вспенили лопасти длинных весел. До подростков донесся приглушенный расстоянием рокот тимпанов, задающих ритм гребцам. Обвисшие ненадолго узкие вымпелы, украшенные золотым шитьем, вновь заполоскали над головами выстроившихся вдоль бортов воинов в гривастых шлемах. И теперь уже все трое различили на палубах диковинные сооружения, напоминающие журавлиные шеи с хищными клювами на концах.

– Либуры* римлян! – вскричал Гай.

Это были боевые корабли грозного Рима – крепко сбитые посудины, напоминающие греческие биремы*. В носовой части либуры располагалась башня для пращников и абордажный мостик – «ворон».

Либуры, на ходу перестраиваясь, медленно вползали в главную гавань Синопы, где у причала сверкали доспехи гоплитов* – военачальники выстраивали их для торжественной встречи.

– Эге-ей! Господин!

Друзья обернулись. Вдоль берега, где быстрым шагом, а где срываясь на бег, пробирался высокий, плечистый юноша в сером хитоне* грубого полотна. В руках он держал короткую палку, у пояса, туго охватывавшего тонкую талию, болтался широкий нож в кожаных ножнах. Юноша был некрасив: бледное лицо густо усеяли оспины, длинный бесформенный нос нависал над большим широкогубым ртом, густые темно-рыжие волосы топорщились на голове, как иглы ежа.

– Господин... – юноша подбежал к Митридату и преклонил колени.

– Что случилось, Гордий? – резко спросил Митридат. – Почему ты здесь? Я приказал тебе забыть это место.

– Прости и смилуйся, мой повелитель. Гонец из Амастрия*...

– Ну! – нетерпеливо прищелкнул пальцами Митридат.

– В Синопу направляется посольство Рима. Царица Лаодика – да хранит ее богиня Ма*! – приказала во что бы то ни стало разыскать тебя. Во дворце готовятся к приему высоких гостей и твое, господин, присутствие необходимо. Нужно поторапливаться. Посольские суда уже на подходе.

– Прибыли... – Митридат кивнул в сторону гавани. – Теперь спешить ни к чему. Успеется... – И он, покривив губы в злой усмешке, нырнул в хойникиду...

Легат* Рима Марк Эмилий Скавр, рыхлый сорокалетний патриций невысокого роста с толстым бычьим загривком, не без интереса рассматривал приближающуюся Синопу. Он беседовал со своим старым приятелем Авлом Порцием Тубероном, которого взяли на борт посольского либуерна в Гераклею*. Они расположились на корме под легким палаточным тентом.

Авл Порций, худой, жилистый, с загорелым до черноты лицом, был в Синопе своим человеком. В Понте его знали как купца – не очень богатого и удачливого, но неизменно приветливого, добродушного и гостеприимного. И вряд ли кто мог догадаться, что любезнейший Авл Порций Туберон был доверенным лицом римского Сената на варварском Востоке и что ему покровительствовал нынешний консул* Квинт Фабий Максим.

– ...Ах, милейший мой друг! – Скавр, со снисходительностью столичного прожигателя жизни, похлопал по плечу Авла.

Порция, с непроницаемым лицом слушавшего его непринужденную болтовню. – Помоему, на тебя вредно подействовал здешний климат. Расслабляюще. И нравы. Высокая политика, наряженная в белоснежную тогу*, для непосвященных и чересчур простодушных имеет грязную изнанку. Впрочем, мне ли тебе об этом говорить... Но кто посмеет осудить великий и могущественный Рим и пусть даже намеком бросить тень на его деяния, несомненно несущие блага избранным? Какое нам дело до варваров и почему мы должны считаться с их мнением, пожеланиями и, наконец, просьбами? Разделяй и властвуй – вот фундамент, на котором зиждется могущество Рима. Это незыблемый закон, непреложная истина, не нуждающаяся в каком-либо ином толковании, кроме того, которое изначально заложено в этих постулатах еще нашими предками.

– Да, но излишняя прямолинейность на Востоке считается признаком дурного тона и может принести результат, обратный ожидаемому. Я уверен, что терпением и мягкой настойчивостью можно добиться гораздо большего. Тем более что царь Митридат – сильная личность и в дипломатических тонкостях весьма искушен. Подтверждением тому служит возросшее влияние Понта на варварские государства Востока. У Митридата многочисленное, хорошо вооруженное войско. Он за короткий срок создал такой флот, которому пока нет равных в Понте Евксинском. Царь умиротворил Галатию*, это незатухающее кострище свар, заговоров и восстаний, присоединил к своим владениям Фригию*...

– Вот! – вскричал Скавр. – Вот подтверждение тому, что я говорил! Восточная нега для тебя губительна, мой друг. Расслабляет тело, лишает жесткости, свойственной истинным кви-

ритам*, наконец – прости за откровенность – притупляет ум. Сильная личность. Тем лучше! Сила уважает лишь силу. И никакие ухищрения, дипломатические выверты, а тем более терпение и мягкость, не помогут мне выполнить поручение Сената. Только сила и натиск!

– Извини за любопытство – в чем смысл поручения?

– Уж от тебя скрывать ничего не буду: нам нужна Фригия.

– Фригия? – Авл Порций скептически ухмыльнулся. – На каких условиях? Что мы можем предложить взамен?

– А почему мы должны что-то предлагать? – Скавр надменно вскинул голову. – Мы просто обязаны заполучить новую провинцию в интересах Рима. И именно Фригию. На которую Понт не имеет никаких прав.

– У Митридата там сильные воинские гарнизоны. И я очень сомневаюсь, что царь Понта будет настолько любезен...

– А у него не останется иного выхода, – перебил Туберона легат. – Если Митридат заупрямится, – он засмеялся неприятным жирным смешком, – наши люди поднимут восстание в Пафлагонии*. Караваны с оружием и золотом для мятежников уже в пути. Там ждут только моего сигнала. И тогда царю Понта, – Скавр снова захихикал, – будет не до Фригии, поверь мне. Если он так умен, как ты мне рассказывал, будет достаточно прозрачного намека, чтобы он понял, что может грозить Понту в ближайшем будущем.

– И все же, по моему глубокому убеждению, одними угрозами Митридата не проймешь. Неплохо было бы придвинуть к границам Фригии один-два легиона*. По твоим словам, мы по уши увязли в войне с германскими племенами арвернов и аллоброгов.

– На помощь Гнею Домитию Агенобарбу уже спешит твой любимый Квинт Фабий Максим, – с нотками ревности в голосе сказал посол. – Надеюсь, в его полководческих талантах ты не сомневаешься. Победа в этой войне – дело ближайшего будущего.

– Ну а если все-таки Митридат, несмотря ни на что, отклонит предложение Рима?

– Тогда придется вступить в игру тебе, – с грубоватой прямоотой ответил посол. – Пришло время доказать Сенату, что консул Квинт Фабий Максим не ошибся, назначив тебя своим доверенным агентом на Востоке.

– Понятно... – мимолетная тень недовольства пробежала по морщинистому лицу Авла Порция и спряталась в уголках брезгливо поджатых губ. – Надеюсь, ты запасся письменным подтверждением сказанного тобой.

– Несомненно, – развеселился Скавр. – Достаточно хорошо зная тебя, мой дорогой, мне пришлось долго убеждать Сенат, что такое послание крайне необходимо, – он с силой хлопнул в ладони.

На зов прибежал раб, высоченный нубиец. Получив указания, он принес шкатулку эбенового дерева, украшенную перламутром и мелким жемчугом. Посол открыл ее и вручил Авлу Порцию пергаментный свиток с печатью на золотом шнуре. Тот внимательно прочитал написанный киноварью текст, затем свернул тонкий пергамент в рулон и спрятал его в дорожную сумку, подвешенную к поясу.

– Удовлетворен? – полюбопытствовал все еще улыбающийся посол.

– Вполне, – ответил Туберон, рассеянно приглаживая короткие седые волосы.

– Я могу на тебя рассчитывать? Ответь мне на этот вопрос не как посланцу Сената, а как старому боевому товарищу.

– Как товарищу скажу прямо – не нравится мне эта затея. От добра добра не ищут. Царь Митридат весьма благосклонно относится к Риму, и стоит ли терять те прочные позиции, которые за последние годы отвоевали мирным путем наши дипломаты...

– И ты в том числе... – не преминул вставить не без ехидства Скавр.

...А также ростовщики и купцы, – невозмутимо продолжал Туберон, пропустив мимо ушей намек на свою примиренческую позицию в отношении Понта. – Понтийская знать – по

крайней мере, большинство – видят в Риме союзника. Колеблющиеся по уши в долгах у наших ростовщиков. Стоит им только намекнуть, что на определенных условиях ссуды могут быть погашены, как они немедля примкнут к лагерю наших сторонников. Звон золота в кошельке подчас звучит громче лязга мечей на поле брани. А ведь нам нужен – и ты, надеюсь, не будешь отрицать – сильный и верный союзник на варварском Востоке. Пусть до поры до времени, пока мы не управимся с внутренней смутой и раздорами, с легкой руки Гая Гракха* воцарившимся среди римлян. Не стоит искать лишних забот и трудностей там, где их пока и в помине нет. Неразумно и небезопасно.

– Гай Гракх... – полное, слегка обрюзгшее лицо посла исказила гримаса ненависти. – Пусть гнев богов упадет на голову этого отступника и смутьяна!

– Гнев богов может запоздать, – с удовлетворением прищурил и без того узкие темные глаза Авл Порций, – наконец ему удалось вывести из себя чересчур самонадеянного Марка Эмилия – реформы Гракха больно ударили по состоятельной семье Скавров, и его приятель ненавидел бывшего трибуна*, как никого другого. – К счастью, боги наградили человека даром предвосхищать намерения божественных небожителей... Но пока не про то разговор. Где уверенность, что наши действия в конечном итоге принесут желанный результат? У меня ее нет. Впрочем... – Авл Порций правильно истолковал нетерпеливый жест посла. – Возможно, я ошибаюсь. Сенату видней. И мой долг повиноваться его распоряжениям.

Нахмурившийся Скавр повеселел, опять позвал раба и приказал принести вина.

Либурны римского посольства, перестроившись, нацелили свои форштевни в сторону разноцветных значков на копьях гоплитов, пока молча наблюдавших за их маневрами. Позади строя воинов волновалась толпа жителей Синопы, собравшихся не столько поглазеть на римлян, сколько в надежде на дармовое угощение по случаю этого визита, о чем до хрипоты кричали царские глашатаи на городской агоре*.

Глава 2

Царь Понта Митридат V Евергет с неизъяснимой тревогой в душе прислушивался к громким крикам своих гоплитов и грохоту обитых медью щитов, по которым они стучали мечами, приветствуя посольство Рима. Он стоял у одного из окон дворца, откуда открывался великолепный вид на гавань Синопы. Либурны римлян уже пришвартовались, и царь видел, как по сходням мерным шагом спускались на причал римские воины – охрана посольства. За их спинами нельзя было разглядеть легата, но Митридат Евергет знал со слов гонца, что это Марк Эмилий Скавр. И от того, что ему было известно об этом надменном римском патриции, невольная дрожь охватила царя – где появляется Скавр, жди войны...

Задумавшись, царь Понта не услышал тихих шагов начальника телохранителей, рослого галла с неимоверно широкими плечами. Только боковым зрением заметив человеческую фигуру в двух шагах от себя, Митридат Евергет повернулся и спросил:

- Что случилось, Арторикс?
- Стратег* Дорилай просит принять его.
- Зови, – оживился царь.

Перед предстоящим в скором времени отъездом на остров Крит стратег три дня назад отправился к своей рано овдовевшей сестре в город Амис*. После смерти ее мужа Филетайра он стал опекуном сына сестры, Дорилая, живущего вместе с ним в Синопе, которого стратег решил забрать с собой. Сестра хотела попрощаться с мальчиком, и Дорилай должен был привезти ее в столицу.

Стратег Дорилай, коренастый мужчина лет пятидесяти с коротко подстриженной курчавой бородкой и строго очерченным, почти квадратным лицом, словно высеченным из темного мрамора, неожиданно быстрым и легким для его лет шагом подошел к царю и поклонился. Митридат порывисто ступил ему навстречу и обнял – они были дружны с детства. Не говоря ни слова, царь подвел стратега к окну и показал на причал, где в этот момент взревели букцины* римских легионеров – легат Марк Эмилий Скавр ступил на землю Понта.

– Мне уже сообщили... – Дорилай задумчиво наблюдал за тяжелой четкой поступью римлян, плотной стеной окружавших носилки с легатом.

Посольство направлялось во дворец, где уже были приготовлены комнаты для Скавра и его свиты. Прием у царя был перенесен на более позднее время, под вечер, чтобы дать легату возможность отдохнуть с дороги и чтобы вечерняя прохлада остудила стены андрона*.

– Ничего неожиданного в его прибытии я не вижу, – лицо стратега было непроницаемо спокойным. – Когда-нибудь это должно было случиться.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Митридат Евергет, жестом приглашая стратега к столику с богато инкрустированной золотом и полудрагоценными камнями столешницей; на ней стояли кратер* с вином и фиалы*.

– Война с Римом, – просто ответил стратег, при этом на его лице не дрогнул ни один мускул.

- Страшные слова молвишь, Дорилай... – с горечью вздохнул царь.

Дорилай, за полководческие таланты прозванный Тактиком, воин, и поле брани для него – развернутый пергамент с легко читаемыми письменами. Но как прочитать ему, владыке Понта, замыслы надменных и бесцеремонных римлян, то, что они скрывают за семью печатями? То, от чего зависит само существование Понтийского государства? То, что он обязан предугадать, ибо царский жезл потяжелее меча, и нести эту нелегкую ношу его долг, его удел, наконец – его жизнь.

Митридат Евергет мысленно вознес молитву покровителю своего рода богу Дионису*. Что предначертано, да сбудется, все в воле богов...

– Нас принудят к этому, – Дорилай Тактик со свойственной ему пронизательностью понял состояние царя; почувствовал и то, что Митридат в это мгновение нуждается, как никогда прежде, в поддержке и добром слове, дабы укрепить свой дух перед грядущими испытаниями. – Думаю, речь пойдет о Фригии. Покойный Марк Перперна, победитель Аристоника Пергамского*, в одной из бесед со мной прямо заявил, что присоединение Фригии к владениям Рима на Востоке – дело решенное. Тогда мы римлян опередили, использовав их затруднения – восстание Аристоника и его борьба за престол в Пергамском царстве* отняли у Рима немало сил и средств. Но теперь... Просто уступить Фригию мы не можем. Потому что одна, даже ничтожная, уступка повлечет за собой вторую, третью... И в конце концов Понту придется довольствоваться незавидной ролью разгребателя мусора на свалке, устроенной Римом.

– Что ты предлагаешь?

– Попытаться оттянуть, насколько это возможно, начало военных действий. Сил у нас вполне достаточно, чтобы ответить ударом на удар. И в Риме это знают. Но мы должны не только достойно встретить врага, но и победить его. Что неизмеримо труднее. И для этого нам крайне необходимо пополнить войско новыми, хорошо обученными гоплитами.

– Поэтому я и посылаю тебя на Крит.

– Мудрое решение, царь.

– Золота не жалею. Средств для вербовки наемников у тебя будет достаточно. Я распоряжусь, чтобы казначей дал столько, сколько ты попросишь. Но только не медли! Промедление сейчас смерти подобно.

– Знаю. Потому и назначил свой отъезд на завтра. Перед приходом сюда я попросил наварха* ускорить подготовку суден к отплытию.

– Хорошо. Я ему прикажу... – Митридат Евергет вдруг сник, ссутулился. – Но мне будет не хватать тебя, мой Дорилай. Сердце беду чувствует...

– Принеси жертвы богам. Наши судьбы покоятся на их коленях. Будем надеяться, что мойры* не оборвут свои нити преждевременно, по случайности.

– Иди... – царь с силой привлек к себе стратега, а затем слегка подтолкнул к выходу. – Я хочу побыть один. Перед твоим отплытием прощаться не будем – дурная примета. Надеюсь в скором времени увидеть тебя снова здесь, в Синопе.

Стратег сделал несколько шагов к двери, но вдруг резко остановился, будто натолкнулся на невидимую стену. Обернулся к царю и, от сильного волнения медленно, тяжело роняя слова, сказал:

– Прошу тебя, заклинаю всеми богами олимпийскими – остерегайся сумасбродств Лаодики. Она твоя жена, и я не вправе так говорить... Прости... Но ее приверженность Риму может принести и тебе лично, и Понту большие несчастья.

Тем более что есть не мало знатных людей в Синопе, которые думают так же, как и она. Еще раз – прости...

И Дорилай Тактик, поклонившись, стремительным шагом вышел из комнаты.

Митридат Евергет долго стоял в полной неподвижности, глядя ему вслед внезапно потускневшими глазами, словно смысл сказанного стратегом не дошел до его сознания. Лаодика... Сирийская царица, дочь селевкидского* царя Антиоха Епифана... Из-за политических неудач она дважды была вынуждена бежать в Рим, где пользовалась покровительством Сената и имела обширные связи. Чтобы задобрить Рим, Митридату Евергету пришлось взять Лаодику в жены...

Царь, будто очнувшись, тряхнул головой и неверными шагами направился к двери. Но тут гримаса боли исказила черты его крупного скуластого лица, он судорожно схватился за сердце и с тихим стоном опустился на скамью, застеленную шкурой леопарда. Побелевшие губы царя зашевелились, послышался свистящий шепот:

– Люди... Лекаря... Митридат... Сын... Тебе царство... Ох!

Владыка Понта закрыл глаза, умолк, поникнув головой, и привалился к стене. За окнами слышались голоса, звон оружия – сменялась дворцовая стража...

Царица Лаодика вне себя от злости изо всех сил хлестала по щекам служанку-рабыню, которая нечаянно уронила на пол алабастр* с дорогими персидскими благовониями и разлила их. Служанка, стройная, смуглая галатка, старалась сдерживать слезы – ее госпожа не терпела плакс.

Выдохшись, царица швырнула в голову растяпы пустой сосудик и приказала принести ларец с драгоценностями – она готовилась к торжественному приему легата Рима. Служанка, обрадованная, что так легко отделалась – даже за менее значительные проступки рабынь сажали в темный и сырой подземный эргастул* и беспощадно секли розгами, – опрометью выскочила из опочивальни царицы. И тут же возвратилась, чтобы шепнуть на ухо госпоже несколько слов.

– Пусть войдет... – Лаодика суетливыми движениями поправила растрепавшиеся волосы и отошла в тень, мельком посмотревшись в большое бронзовое зеркало.

Царица вступила в ту пору, когда прожитые годы еще не успели наложить на лицо свой безжалостный отпечаток настолько, чтобы его не могли скрыть мази и притирания. Но в ее фигуре уже появилась присущая зрелым матронам округлость и некоторая тяжеловесность, которую она тщила скрыть под искусно скроенными и сшитыми одеждами, выгодно подчеркивающими только то, что хотела царица, и скрывающими некогда тонкую, а теперь расплывшуюся, потерявшую гибкость талию. В молодости Лаодика была очень красива. Да и теперь большие выразительные глаза цвета переспелой вишни, всегда влажные, как у гордой лани, сверкали остро и загадочно, заставляя мужчин не обращать внимания на едва заметные морщинки и не задумываться, сколько их еще скрыто под толстым слоем белил и румян, а только любоваться красотой, которая с годами приобрела некую откровенность, не свойственную целомудренной юности.

В гинекей* вошел высокий молодой человек с симпатичным, немного полноватым лицом. Карие глаза, обрамленные длинными густыми ресницами, буравчиками ввинтились в покрытые росписью стены, царапнули балдахин у ложа царицы. Увидев Лаодику, он быстро подошел к ней, опустил на одно колено и поцеловал край ее одежды.

– Приветствую тебя, о несравненная!

– Клеон... – с лица царицы окончательно схлынуло выражение гнева и раздражительности.

Она, как бы невзначай, прикоснулась узкой ладонью к мелким, густым кудряшкам на голове юноши и присела на скамью. Клеон расположился напротив.

– Почему ты уже неделю не появляешься во дворце? – спросила Лаодика с плохо скрытой ревностью.

– Прости, о лучезарная... – Клеон с мольбой сложил руки на груди. – На то были веские причины.

– Какие... причины? – в голосе царицы зазвенел металл.

– Я ездил в свой хорион*... – Юноша заерзал на скамье, стараясь уклониться от требовательного взгляда Лаодики.

– Зачем?

– Давно не был. Управляющий просил приехать... – Клеон смутился и умолк, потупившись.

– Давно? По-моему, в прошлом месяце, – царицей постепенно овладевал гнев.

– Да, но...

– Ты хочешь сказать, что твой управляющий не в состоянии сам навести порядок в хорионе? – перебила его Лаодика. – И ты настолько сведущ в земледелии, что можешь чем-либо

ему помочь? Ложь! Клеон! Видят боги, мое терпение не безгранично! – Она вскочила, дрожа от негодования; поднялся и Клеон.

– Скажи, скажи мне правду! – требовала царица, все больше и больше распаясь и наступая на юношу; под ее натиском он прижался спиной к стене и попытался поцеловать протянутую в гневном жесте руку Лаодики.

– Ты...! – неожиданная пощечина обожгла щеку Клеона.

Совершенно не помня себя, царица схватила его за плечи и стала трясти с силой, которую никак нельзя было угадать в довольно хрупкой с виду женщине.

– Неблагодарный! Неверный! – Лаодика в гневе стала похожа на эриннию*: черные длинные волосы рассыпались по плечам, бешеные глаза метали молнии, лицо исказила гримаса ярости.

Клеон в страхе рухнул на колени. Бормоча что-то нечленораздельное, он стал целовать ее украшенные драгоценными камнями сандалии, белоснежную столу*, обшитую понизу золотым аграмантом*.

– Иеродулы* храма Афродиты Пандемос* – вот настоящая причина твоего отсутствия!

– О нет, нет! – наконец к юноше вернулся дар речи. – Прости меня! О владельница моих грез, я все тебе расскажу. Мне нужны были деньги. Очень нужны. И срочно.

– Неужто тебе недостаточно моих подарков? А если и так, то почему ты не сказал мне об этом?

– Нужна большая сумма.

– Зачем?

– Я... задолжал ростовщику.

– Кому?

– Римлянину Макробию. Восемь дней назад он предъявил мои долговые расписки и потребовал уплаты. Я просил об отсрочке, но Макробий был неумолим.

– Управляющий собрал необходимую сумму? – Царица нерешительно положила руку на плечо коленапреклоненного юноши.

– Нет. У него не набралось и трети. Я в отчаянии. Если хорион продадут с торгов за долги, я стану нищим.

– Сколько ты должен Макробию?

Клеон, немного поколебавшись, сказал.

– Так много? – удивилась царица, постепенно успокаиваясь.

– Сегодня, с заходом солнца, истекает последний срок... – Юноша обречено уронил голову на грудь. – Мне ничего иного не остается, как продать себя в гопплиты. Только так можно сохранить хорион.

– Нужно подумать... – Лаодика запустила пальцы в густые волосы Клеона и ласково потрепала. – Сядь. Нет, не туда. Рядом... – прислонилась тесно; ощутив его горячее молодое тело, затрепетала, задышала часто, прерывисто: «Клеон... Ах...»

Но юноша не обращал внимания на взволнованную царицу. Он сидел безучастно, неподвижно, хмуро уставившись в мозаичный пол. В его позе чувствовалась настороженность, смешанная с обидой.

Лаодика вздохнула про себя виновато: «Поделом мне...» Крепко сжала его руку и заговорила вполголоса:

– Не печалься. Доверься мне. Деньги у тебя будут. Завтра, – она опередила вопрос, готовый слететь с губ юноши. – Вечером прием римского посольства, и я обязана быть там.

Денежные дела я веду обычно сама. Да и Марк Север не захочет иметь дело с посредником, тем более – слугой. Обидится...

Марк Север, как и его соотечественник Авл Порций Туберон, купил в Синопе дом, обставил его с немислимой роскошью. Все свои торговые операции он передоверил компа-

ньону-синопцу и теперь услаждал себе жизнь пирами и гетерами*. Царица Лаодика, которой он оказывал помощь еще в Риме, пользовалась у него неограниченным кредитом.

– А Макробий подождет. Я ему напишу. Сейчас же... – Лаодика позвала служанку и приказала принести письменные принадлежности...

Второй сын царя Понта, Хрест, худощавый высокий мальчик, лицом похожий на мать, необычайно серьезный и замкнутый, пристроился возле окна просторной детской комнаты дворца с пергаментным свитком в руках. Он читал сочинение по истории Сфера Боспорского*.

Неподалеку его сестры Ниса, Роксана и Статира под надзором няньки, пожилой, степенной матроны, учились вышивать. Занятие это было откровенно скучным, поэтому девочки не столько прилежно накладывали стежки на ткань, сколько дурачились и хихикали. В конце концов няньке надоело их увещевать, и она под села к самой младшей дочери Митридата Евергета, шестилетней Лаодике. Хрупкая и тихая нравом девочка старательно выводила остро заточенным стилосом* на вошеной дощечке пока еще не совсем красивые буквы – ее уже начали учить читать и писать.

Тем временем солнце перешагнуло полуденную черту и все больше клонилось к закату. Северный ветер пригнал облака, пока еще пушистые, светлые, но горизонт над морем потемнел, нахмурился – где-то там, в морских даях, вызревало ненастье. Дети с нетерпением стали поглядывать на дверь – ждали, когда появятся слуги с парадной одеждой, чтобы нарядиться и вместе с родителями отправиться на прием римского легата.

Наконец пришел дворцовый ойконом* со свитой из служанок, и дети с их помощью начали обряжаться в богато затканые золотой нитью наряды, в покрое которых больше просматривался персидский стиль, нежели эллинский или римский.

Вскоре в детскую зашла и царица-мать с раскрасневшимися ланитами, взволнованная и немного рассеянная. Мимоходом погладив по головке рыжеволосую сероглазку Нису и чмокнув в щечку пухленькую Роксану, она занялась Хрестом – нежно потрепала сына за ухо и что-то шепнула, от чего он растянул свои тонкие губы в торжествующей улыбке. Причина его радости стала понятна, когда в детскую внесли великолепный персидский акинак*, реликвию Понтийских царей – наследство деда Фарнака. До сих пор акинак вместе с другим оружием висел на стене андрона, но сегодня мать подарила его Хресту по случаю предстоящего царского выхода.

И только когда акинак прицепили к златокованому поясу царевича, Лаодика заметила отсутствие Митридата.

– Где твой брат? – обратилась она к Хресту.

– Спроси у ветра, – беззаботно ответил тот, любуясь волнистой голубизной клинка и пробуя пальцем остроту лезвия. – Наверное, опять собрал толпу полунищего демоса* и затеял какую-нибудь игру. Фи, – наморщил нос царевич, – от него так скверно пахнет, когда он возвращается после своих забав.

– Я ведь ему запретила! – разгневалась царица-мать. – Мерзкий мальчишка! Где Гордий? – спросила у няньки.

Та молча пожала плечами – держала во рту булавки, которыми крепила пышные и необычайно красивые русые волосы Лаодики-младшей.

Царица вспыхнула, накричала на служанок, подвернувшихся под руку, и неизвестно, что еще могла бы натворить во гневе, переполняющим ее, но в этот миг на пороге детской появился Митридат. Спокойным взглядом окинув собравшихся, он сдержанно поклонился матери и молча направился в угол, где на скамье лежала его одежда.

– Где ты был? – заступила ему дорогу царица.

– Купался, – коротко ответил Митридат.

– Я тебе запрещаю – слышишь, запрещаю! – без моего ведома покидать дворец. Сыну царя Понта не пристало слоняться по улицам Синопы со всяким сбродом.

– Мои друзья не сброд, – возразил Митридат довольно миролюбиво. – Сегодня я был с Гаем, сыном наварха Гермайи, и племянником мудрого Дорилая Тактика.

Но, вместе того чтобы успокоиться и удовлетвориться учтивым объяснением обычно строптивного сына, Лаодика еще больше вскипятилась: стратег Дорилай не принадлежал к кругу ее друзей и почитателей. Скорее наоборот – наушники из числа придворной знати не раз докладывали царице, что Дорилай Тактик весьма неодобительно отзывался о ее тесных связях с Римом.

– Ты... ты смеешь со мной пререкаться?! Все твои друзья – сброд, сброд, сброд! И поди вон отсюда, вымойся как следует – от тебя разит конюшней.

Возможно, Митридат и сдержался бы от резкого ответа, но тут ему на глаза попался Хрест – он подошел поближе и с вызывающим видом поигрывал дедовским акинаком. Митридат понял, что эта реликвия, которая должна была принадлежать ему по праву старшинства как прямому наследнику престола, перешла в руки брата, нелюбимого им за двуличный нрав.

Вспыхнув, Митридат надменно выпятил подбородок и, медленно роняя слова в густую, настороженную тишину детской, сказал:

– Я предпочитаю запахи конюшни тем персидским благовониям, коими некто пользуется, дабы прослыть неотразимым покорителем женских сердец.

Царица окаменела. Они стоят друг против друга такие непохожие внешне (Митридат был вылитый отец) и такие схожие характерами: сын – сверкая янтарными всполохами дерзких глаз, а мать – потерявшая дар речи от ярости.

Лаодика поняла более чем прозрачный намек сына, как и ойконом, едва не упавший без чувств в ожидании грозы – к благовониям питал слабость Клеон. О его отношениях с царицей знали почти все придворные, за исключением царя. Впрочем, в мысли повелителя Понта проникнуть не дано было никому, а его поступки всегда отличались непредсказуемостью.

Но гроза так и не разразилась: ни на кого не глядя, с высоко поднятой головой, царица вышла из детской.

Митридат, недобро взглянув на Хреста, после ухода матери сразу растерявшего весь свой гонор и поспешившего спрятаться за спину толстяка-ойконома, стал неторопливо одеваться. Ему помогал Гордий, верный слуга и оруженосец – служанкам царевич запрещал прикасаться к своей одежде. Он считал, что негоже воину уподобляться женоподобным и изнеженным прожигателям жизни. А таких водилось немало среди отпрысков понтийской знати. Они пытались подражать роскошествующим римским патрициям, при этом забывая, что и ратный труд для римлян был обыденным и обязательным.

Глава 3

Легат Рима Марк Эмилий Скавр вступил под своды андрона с непроницаемым лицом. Сопровождавшие его центурион* и десяток отборных воинов, рослых, закаленных в боях ветеранов, остались за дверью. Скавр на мгновение приостановился на пороге парадного зала, словно для того, чтобы усладить свой слух негромкими, четкими командами центуриона и звонном оружии легионеров; затем решительной, твердой поступью направился к трону, где восседал владыка Понта.

В зале, несмотря на вечернюю прохладу, все еще было душно – чересчур много придворных и понтийской знати толпилось здесь в ожидании посла грозного Рима, чье прибытие в Синопу представляло собой явление значительное и тревожное.

Царь Митридат V Еввергет чувствовал себя неважно. Только усилием воли он сдерживал дурноту, подступившую к горлу. Когда посол появился в андроне, царь ощутил, как больно сжалось сердце. По его бледному, осунувшемуся лицу пробежала тень; борода, подстриженная на персидский манер, дернулась, на скулах заиграли желваки.

Заметив встревоженный взгляд придворного лекаря, иудея Иорама бен Шамаха, не спускавшего с него глаз, Митридат на мгновение успокаивающе прикрыл веки. Лекарь с мольбой поднял выпуклые черные глаза к потолку. Царь понял эту немую просьбу – расслабься, успокойся, охлади разгоряченный мозг. Угрюмая улыбка чуть тронула плотно сжатые губы царя – Иорам бен Шамах был одним из немногих, в преданности кого он не сомневался...

Приветствие легата было кратким и сухим, что вызвало тревожный шепоток среди собравшейся в андроне знати.

Митридат Еввергет, заставив себя ответить любезной улыбкой и принятыми в подобных случаях изысканными, витиеватыми выражениями, не смог сдержать гневных всплесков в своих глазах. Взгляды царя и легата встретились, столкнулись. Скавр упрямо, по-бычьему, боднул головой воздух и с вызовом выставил вперед левую ногу, будто собираясь обнажить меч. Секретарь легата, тщедушный человечек с желтым, измученным лихорадкой лицом, истолковал это движение по-своему – к досаде Скавра, намеревавшегося во что бы то ни стало вывести царя Понта из равновесия, – он быстро подал послу пергаментный свиток с печатями Сената. Скавру ничего иного не осталось, как с вынужденным поклоном, больше похожим на небрежный кивок, передать послание Митридату Еввергету, присовокупив несколько приличествующих моменту фраз сдавленным от охватившей его злости голосом.

Владыка Понта, какое-то мгновение поколебавшись, неожиданно вручил свиток не своему логографу*, а стратегу Алкиму. Тот, с присущей ему невозмутимостью, нимало этому не удивился – развернув пергамент, принялся читать звучным басом:

– Великому царю Митридату, другу римлян, царствующему над всем Понтом, Каппадокией*, Вифинией*, Пафлагонией, Галатией...

Алким перечислял упомянутые в послании провинции Понта, племена, живущие в прибрежной полосе Понта Евксинского, и государства, в той или иной мере зависимые от Понтийского царства, не спеша, с поразительным спокойствием и выдержкой, хотя его серые, зоркие глаза успели подметить, как всколыхнулась и забурлила человеческая масса за спинами телохранителей-галлов, образовавших коридор, по которому шел легат Рима.

Стратег бросил быстрый взгляд на царя, но Митридат Еввергет с застывшим лицом глядел прямо перед собой. Как почему-то показалось Алкиму, царь с пристальным вниманием рассматривал роспись на противоположной стене андрона, где были изображены подвиги Геракла.

Волнение среди понтийской знати достигло апогея, когда Алким закончил читать – римский Сенат требует Фригию?! Рим заявляет, что имеет на нее законные права?! Всю Великую Фригию, с ее тучными пастбищами, золоторунными овцами, на чью шерсть не могут сложить

цены на эмпориях*; с ее выносливыми и неприхотливыми рабами, которых те же римляне покупают у понтийцев по меньшей мере за четыреста-пятьсот полновесных денариев*? Отдать, ничего не получив взамен?!

В андроне послышались ругань, угрозы. Начальник телохранителей царя Арторикс, зорко следивший за толпой, быстро бросил руку на рукоять меча. Повинуясь этому знаку, галлы дружно сделали поворот кругом, став лицом к возмутителям спокойствия, и сомкнули небольшие круглые щиты.

Митридат Евергет властно поднял вверх правую раскрытую ладонью к собравшимся. В андроне воцарилась тишина. Властелин Понта обратился к Скавру:

– Горько слышать нам, легат великого Рима, слова обидные и неприязненные, которые Сенат положил на этот пергамент, – царь взял свиток из рук Алкима. – Нужно ли говорить сейчас, что Понт – не провинция Рима, а свободное государство, союзник римлян. Вспомни, посол, сколько раз вы призывали наши войска на выручку, чтобы в очередной раз квириды могли отпраздновать триумф победы. И мы были верны союзническому долгу, ты это знаешь. Вот стоит стратег Алким, с которым ты, Марк Эмилий Скавр, дрался бок о бок против пергамцев.

Вон гиппарх Асклепидор, прикрывший своим телом в бою консула Мания Аквиллия. Покажи свою руку, Асклепидор!

Хмурый, седобородый гиппарх* молча высвободил левую руку из складок одежды и с трудом поднял ее на уровень плеча – она не сгибалась в локте. Глубокие шрамы исполосовали ее, словно соха пахаря иссушенную зноем темную глину.

– Эти раны красноречивее меня! – повысил голос Митридат. – Я уверен, – царь потряс свитком, – то, что здесь написано, всего лишь мнение некоторых сенаторов, недружелюбно настроенных против Понта. Это не может быть окончательным решением Сената! Или Рим таким способом хочет найти повод к войне с нами?

– Я не вправе толковать послание Сената, – Скавр pokrивил губы в пренебрежительной ухмылке. – Я всего лишь легат, и мои полномочия не простираются дальше того, что мне предписано. В послании достаточно ясно изложена основная мысль – Великая Фригия должна принадлежать Риму. Этого требует безопасность наших границ.

– Безопасность... ваших границ? – Митридат с трудом сдержал гнев. – Границ, находящихся на расстоянии нескольких тысяч стадий* от Фригии? Чтобы преодолеть это расстояние, нужно истоптать не одну пару калиг*.

– Дальних расстояний для римских легионов не существует, – отчеканил Скавр, с упрямством одержимого разжигая грозно ворчащую толпу. – Великий Рим устанавливает свои границы там, где находит нужным.

Это был прямой вызов. В андроне вновь стало тихо. Только за дверью позвякивали доспехи и оружие римских легионеров, да слегка поскрипывали ремни облачения Арторикса – он неслышным шагом подошел к трону и стал позади посла, готовый к любым неожиданностям. Все не сводили глаз с царя.

Митридат Евергет, сдвинув брови, откинулся на спинку трона, увенчанного золотой фигуркой Диониса. Он почувствовал, как снова больно трепыхнулось сердце, и лоб покрылся испариной. «Душно... – неожиданно и совсем не к месту пришла мысль. – Перед грозой...» Бросил взгляд в окно. Там виднелся темно-серый кусочек неба, который время от времени кромсали всполохи дальних молний.

Рядом шевельнулась царица Лаодика. Царь невольно посмотрел на супругу и, встретив ее предостерегающий взгляд, отвернул голову несколько резче и быстрее, чем следовало бы. Перед его мысленным взором вдруг предстал стратег Дорилай, и царь почувствовал облегчение, вспомнив прощальный разговор с ним.

Царь Понта Митридат V Евергет принял решение. Поднявшись, он сказал кратко:

– Мы подумаем...

Разочарованному легату, ожидавшему неминуемой вспышки царского гнева, которая должна была лишить Митридата сдержанности и благоразумия, ничего другого не осталось, как откланяться – прием закончился. Направляясь к выходу, Скавр случайно поймал взгляд одного из царских сыновей – крепко сбитого подростка с упрямым квадратным подбородком. И едва не споткнулся – столько ненависти плескалось в янтарных глазах юнца.

«Опасен... Весьма опасен... – думал легат, вышагивая в окружении охраны к своим покоям. – Волчонок. Если это наследник престола, то я буду просто глупцом, не позаботившись, чтобы его молочные зубки не выросли в опасные для Рима клыки...»

Пока в андроне дворца шел прием легата, Авл Порций гостил у ростовщика Макробия. Тот был хром, горбат, его длинные руки с узловатыми пальцами свисали почти до колен. Лицо Макробия напоминало череп набальзамированной обезьяны. Только круглые совиные глаза, постоянно меняющие цвет – от черного до блекло-коричневого, в зависимости от настроения, – тревожно и остро поблескивали в орбитах, жили своей жизнью, кипучей и энергичной, совершенно не похожей на ту, которая едва теплилась в немоющем болезненном теле.

– ...Прекрасное вино, Макробий, – Авл Порций задумчиво отхлебнул глоток из фиала египетской работы; поставил его на стол, повертел вокруг оси, с интересом рассматривая тонкую вязь рисунка из электровых перегородок, залитых разноцветной эмалью.

– Родосское, – обронил Макробий; при этом у него получилось примерно так – «рлодош-склое».

Авл Порций рассмеялся про себя – косноязычие Макробия вошло в поговорку и родило в Синопе уйму анекдотов. Тем не менее внешне римский агент остался бесстрастен – Макробий был обидчив до крайности, а нажить в его лице врага из-за глупой несдержанности ему вовсе не хотелось.

Неожиданный визит Авла Порция заинтриговал Макробия, но он терпеливо ждал, пока купец не соизволит высказать то, главное, что привело его в дом ростовщика.

Туберон пребывал в тяжких раздумьях и сомнениях – не рано ли? Ведь опрометчивость может обойтись ему дорого – Сенат далеко, а карающий меч владыки Понта висит над самой шеей. То, что Скавр не добьется от Митридата уступок, он знал почти наверняка. А значит, приказ Сената нужно выполнить, и чем скорее, тем лучше.

Первым не выдержал Макробий, тонко подметив несвойственную Авлу Порцию нерешительность. Когда их разговор и вовсе перестал клеиться, ростовщик доверительно сказал:

– Уважаемый Авл Порций, я человек не любопытный, и ты это знаешь. Но я так понимаю своим ничтожным умишком, что нам, возможно, придется принять участие в событиях немаловажных и, похоже, в ближайшем будущем. Поэтому, позволь испросить у тебя совета: не пора ли мне свернуть свои дела в Понте? Ибо время бежит, как молодая, необъезженная кобылица, а мне не хотелось бы оказаться под ее копытами.

От непривычно длинного монолога Макробия даже в пот бросило. Смахнув рукой капельки пота с чела, он потянулся было к фиалу с вином, но передумал и взял сушеный финик. Пожевал его все еще крепкими крупными зубами, проглотил, морщась, испытующе посмотрел на купца.

Авл Порций медлил с ответом. Они знали друг друга достаточно давно. Авл Порций ценил Макробия за могучий ум, по прихоти капризной Фортуны избравший себе такое незавидное вместилище. А тот, в свою очередь, относился с пониманием к тайной деятельности купца, о которой догадывался, и помогал, чем мог. И все же дело, затеваемое Тубероном, было такого свойства, что могло стоить не только карьеры купца на варварском Востоке, но и жизни.

– Неумолимое время... – наконец решил Авл Порций, по-своему обыкновению начав издали. – Ты прав, уважаемый Макробий, – оно летит, скачет, как дикая кобылица, и нужно

иметь немалую сноровку, чтобы удержаться в седле. А совет... Что ж, совет дать легко, да только будет ли от него прок?

– Умный совет от умного человека на худой конец может послужить утешением. А это не так мало.

– Утешением в торговых делах является прибыль, – Авл Порций не обратил должного внимания на тонкую лесть в словах Макробия. – Но скажу прямо, – боюсь, что наша коммерция в скором времени будет приносить одни убытки.

– Та-ак... – протянул ростовщик и надолго углубился в размышления.

Авл Порций не мешал ему, сидел молча, потягивая вино и рассматривая непритязательное убранство комнаты – ростовщик, один из богатейших дельцов азиатского Востока, любил скромность и чистоту как в обстановке, так и в одежде.

– По правде говоря, – медленно начал Макробий, – я со скучился по Риму. Но не настолько, чтобы бросить здесь все и сломя голову мчаться туда. Из-за реформ достопочтенного Гая Гракха мне там придется довольствоваться ролью полунищего менялы.

– Все в этом мире имеет начало и конец, – приободрился Туберон – похоже, Макробий согласился ему помочь. – Гай Гракх не вечен, как и его брат Тиберий...

– Ты думаешь? – уколол купца пронзительными черными глазами Макробий.

– Я знаю мнение многих сенаторов, в том числе и консула Луция Опимия. Республика приходит в упадок из-за раздоров и смут, посеянных и возвращенных реформами. А истинные патриоты Рима этого допустить просто не могут. Не сомневаюсь, что и для Гая Гракха найдется кинжал, и не один.

– Значит, ты советуешь мне все же направить свои стопы в Рим?

– Не так скоро, не так скоро, дорогой Макробий, – растянул тонкие губы в улыбке Авл Порций. – Прежде, чем готовить поклажу на повозки, нужно убедиться, что довезешь ее в целостности и сохранности...

– Ибо не все зависит от мулов, запряженных в нее, пусть даже резвых и выносливых, – подхватил мысль гостя Макробий – он уже начал догадываться, куда клонит Авл Порций.

– Вот именно.

– И все же, лучше возническому потерять груз, но спасти голову.

– Не скажи, дорогой Макробий. Что лучше, что хуже – судить трудно. Потому как возничий – всего лишь слуга, и как знать, что придет на ум господину при виде пустой повозки.

– Мысль мудрая, уважаемый Авл Порций, – ростовщик уловил скрытую угрозу в словах гостя; но, по здравому размышлению, не обиделся – видимо обстоятельства сложились так, что его приятель пребывает сейчас в крайне затруднительном положении. – Из двух зол нужно выбирать меньшее. Хотя слуге от этого все равно не легче...

– Если он достаточно умен, то господин несомненно не оставит без внимания и награды его усердие и преданность.

– Все дело как раз и упирается в размер вознаграждения, ибо ничто так не облегчает страдания и не придает силы, как благосклонность Меркурия*.

– Глубокочитимый Марк Эмилий Скавр в разговоре со мной дал понять, что Меркурий на этот раз будет весьма щедр.

– М-м... – Макробий быстро потер ладони, будто его вдруг зазнобило, – он наконец понял, откуда ветер дует. – Марку Эмилию верить можно. Но от обилия слов и обещаний, увы, кошелек тяжелее не станет.

Теперь он уже точно знал, что услуга, которая от него потребуется, наверняка небезопасная. Но понимал также, что отказать – значит навлечь на себя беды: за спиной Скавра скалой высился Сенат. Оставалось единственное – не продешевить.

«Пора... – подумал Авл Порций, с удовлетворением заметив, как потускнел нестерпимо-черный блеск в глазах ростовщика; это был верный признак, что Макробий покорился

неизбежному. – Но, однако, Макробий, ты хват...» – с некоторым сожалением отметил про себя купец, запуская руку в свою вместительную дорожную сумку, прицепленную к поясу, где хранилось золото, полученное от легата. Львиную долю ему хотелось оставить себе, но прижимистого Макробия провести было трудно, ибо его любовь к Риму возрастала в прямой зависимости от количества золотых монет, подкрепляющих это чувство.

При виде кожаного кошелька с золотом сердце невозмутимого Макробия сладко трепыхнулось в груди. Чтобы удостовериться, что это не сон, он распустил завязки, вынул несколько ауреусов* и взвесил кошелек на руке. И неожиданно почувствовал страх, который редко посещал его черствую, практичную натуру: за какую же услугу столько?!

– Это... все? – хрипло спросил, не отрывая взгляд от кошелька.

– Половина... – поколебавшись, ответил Авл Порций; на самом деле в кошельке находилась треть того, что дал ему легат.

– А когда остальное? – Макробий от волнения стал говорить еще невнятной; но купец его понял.

– Когда Плутон* воздаст должные почести тому, кто в ближайшее время, – с нажимом сказал римский агент, – предстанет перед его взором.

– Плутон? Почести... – у Макробия задрожали руки; боясь, что ослышался, он переспросил: – Кому почести?

– Ты правильно меня понял, досточтимый Макробий.

Именно – почести. Ибо в царстве Плутона их может удостоиться только тот, чей род происходит от богов великих и бес смертных.

Макробий помертвел. Широко открыв глаза, он отдернул руку от кошелька с такой скоростью, будто вместо красного шнурка завязки увидел змею. Авл Порций с кривой ухмылкой поднял кошелек, тряхнул; послышался мелодичный звон золотых монет.

Ростовщик опомнился. Туберон смотрел на него жестко, требовательно. Глаза Макробия снова потускнели, лицо стало хмурым, сосредоточенным. Подняв взгляд на купца, ростовщик обречено вздохнул, скривившись так, будто жевал незрелое яблоко.

– У меня есть на примете... один человек... – тихо начал Макробий, собравшись с мыслями.

– Я этим не интересуюсь, – поспешно перебил его купец.

– Почему? Разве мы теперь не в одной упряжке?

– Если ты за свои услуги получишь деньги, и немалые, то я буду довольствоваться только сознанием честно выполненного долга.

– Видят боги, я в своей жизни никогда не заключал сделки, более невыгодной, чем теперь, – печально ответил ростовщик. – Кто знает, понадобятся ли мне эти деньги когда-нибудь... – И добавил с неожиданной твердостью в голосе: – Но то, что в этом предприятии мне очень пригодится твоя проницательность, в этом у меня сомнений нет.

Авл Порций понял, что это решение Макробия – окончательное.

– Кто этот человек? – спросил он, подавив вздох сожаления – ему до смерти не хотелось влезать так глубоко в лабиринт опасной интриги.

– Клеон, сын Хариксена.

– Клеон? Который в чести у царицы Лаодики?

– Да.

– Этот трусливый сердцеед? И ты думаешь, он способен...

– Он – вряд ли. Но с его помощью мы найдем нужного человека.

– Думаешь, согласится?

– Куда он денется, – глаза Макробия хищно блеснули. – В этом он заинтересован не меньше нашего. А если нет...

– Тогда что?

– Есть верные люди... Чтобы его язык не сплел нам петлю... Но я уверен, что он согласится. Клеон занял у меня под проценты некую сумму, а срок уплаты уже давно истек.

– Что ж, это довод весьма убедителен. Разумно, разумно...

В это время над притолокой двери от удара крохотного молоточка тонко запел, зазвенел серебряный диск.

– Зайди! – позвал Макробий.

Вошел слуга, рослый мальчик с хитрой физиономией и суетливыми движениями.

– Что там? – спросил ростовщик.

– Записка... – Слуга протянул ему небольшой пергаментный свиток в ладонь шириной.

– Царица Лаодика... – разглядев печать, в недоумении пробормотал Макробий, разворачивая свиток. – Ты еще здесь? Пошел вон! – свирепо вытаращил он глаза на слугу, пытавшегося через его плечо прочитать записку.

Слуга, как ошпаренный, опрометью выскочил за дверь.

– Клеон... – ростовщик протянул записку купцу. – Про что.

Купец быстро пробежал глазами скоропись царицы, нахмурился и вопросительно посмотрел на Макробия.

– Она просит отсрочить выплату долга на два дня, – пожал плечами ростовщик.

– Просит... – хмыкнул Авл Порций. – Такие просьбы в устах порфирородных особ звучат весьма убедительно. И отказать... – Он с огорчением покачал головой.

– И все же, мне интересно знать, где он достанет такую сумму? Клеон – полунищий. Хорион этого прощельги из-за его непомерных трат пришел в упадок.

– Заплатит царица. Ей не впервой.

– Даже Лаодике это не так просто. Уж не думаешь ли ты, что она подступит к Митридату с просьбой выделить из казны деньги для любовника?

– Марк Север... – тихо сказал купец; Макробий понял.

– Ах, превеликие боги! Марк Север... – ростовщик приуныл.

– Только у него...

– Все рушится, все рушится... – безнадежно склонил голову ростовщик.

– На этот раз от Марка Севера она не получит ни сестерция*, – твердо сказал Авл Порций, поднимаясь. – Прости, я тороплюсь.

– Он не посмеет отказать.

– А он и не откажет.

– Тогда... как?

– Просто у Марка Севера появились срочные дела. Например, в Амисе. И они требуют его личного присутствия. Он прямо-таки обязан туда поехать. Притом сегодня, немедленно.

– Авл Порций, ты мой Гений*, – засиял ростовщик и довольно хихикнул, потирая руки. – Клеон, голубчик...

Макробий даже не услышал, как хлопнула дверь за купцом. Он погрузился в глубокие раздумья – сеть, которую ростовщик собирался сплести для своего клиента, на этот раз должна быть прочна, как никогда прежде...

Глава 4

Синопа погрузилась в вечерние сумерки. Гроза прошла стороной, лишь редкие капли, подхваченные низовым ветром, рассыпались темными точками по серым плитам городских улиц. Море ворчалось глухо, устало; в воде отражалась узкая светлая полоска неба; медленно истончаясь, она стекала в черную зыбь у горизонта.

В главной гавани столицы Понта дневная суета уступила место разгульному ночному веселью: в многочисленных харчевнях, лепившихся за складами, коротали время команды судов, вольноотпущенники и нищие.

Возле посольских либурнов неторопливо прохаживался высокий, немного сутулый человек в длинном просторном плаще. Воины охраны, примерно половина манипулы*, оставив по дозорному на каждом из пяти суден, собрались на либурне, чей форштевень был украшен с обеих сторон резными фигурами зубастых крокодилов. На его палубе горели факелы, дымилась жаровня с древесными углями, слышался говор и смех, раздавался дробный стук, будто кто-то горстями швырял на палубу крупные бобы – легионеры играли в кости.

Гребцы-рабы по случаю удачного плавания получили на ужин дешевое кислое вино и теперь веселились, как могли. Кто-то из них затянул высоким, срывающимся голосом песню; ее тут же подхватили остальные:

Эй-я, гребцы, пусть нам эхо отдаст наше гулкое: Эй-я!
Глуби морской властелин, улыбнувшись радостным ликом,
Выровнял синюю гладь и дыхание бурь успокоил;
В долгом безветрии спят – не колышутся тяжкие волны.
Эй-я, гребцы, пусть нам эхо отдаст наше гулкое: Эй-я!
От равномерных толчков пусть дрогнет корабль и помчится.
Неба улыбчивая синь – и на море нам обещает
Ветром надуть чреватые наши ветрила.
Эй-я, гребцы, пусть нам эхо отдаст наше гулкое: Эй-я!
Нос, как веселый дельфин, ныряй, рассекая пучину,
Глубь, застони под веслами и вставай на руках, подымаясь,
Борозды пенные пусть расходятся долго кругами.
Эй-я, гребцы, пусть нам эхо отдаст наше гулкое: Эй-я!
Дышит над далями Кор, назовем его нашим: Эй-я!
Светлое море у нас под кормою запенится: Эй-я!
Гулкими стонами нам побережье откликнется: Эй-я!

Похоже, человеку в длинном плаще эта песня была хорошо знакома. Он прослушал ее до конца, повторил негромко припев: «Эй-я!» – и коротко вздохнул.

Тем временем прозрачные сумерки постепенно заволокло туманом, который, казалось, изливался из невидимых трещин в земле, поднимаясь все выше и выше, – сначала вровень с крышами приземистых складов, потом от подножья к вершине горы Педалион, а затем и вовсе утопил звездное небо в серую мглу.

Дождавшись полной темноты, человек в плаще, окидывая из-под капюшона цепким взглядом встречающихся на пути людей, свернул в узкий переулок между складами, откуда вышел на одну из улиц города. Несмотря на поздний час и густой туман, улица отнюдь не была пустынна, как того, судя по его поведению, хотелось человеку в плаще: гремела доспехами и оружием ночная стража, шныряли какие-то подозрительные личности с мягкой кошачьей

поступью и способностью внезапно появляться и тут же исчезать словно бестелесные призраки, шли знатные горожане в сопровождении слуг с факелами.

Стараясь держаться поближе к домам, где была самая густая темень, человек наконец добрался до городской агоры. Там было еще болеелюдно, нежели на улицах, и он долго в нерешительности топтался на месте, прежде чем подошел к дому с великолепным портиком*, украшенным беломраморными фигурками наяд*. Поколебавшись самую малость, человек в плаще взял молоток, подвешенный на бронзовой цепочке, и постучал им в массивную дубовую дверь.

Это был дом стратега Дорилая Тактика. Он напоминал потревоженный пчелиный улей – домочадцы стратега собирали его в дальнюю дорогу. Сам хозяин занимался весьма важным делом – подбирал оружие и доспехи для себя и сыновей, Лагета и Стратарха. Служанки его жены укладывали дорожные сумы и сундуки; дочь Дорилая, шестнадцатилетняя смуглянка Аристо, усердно трудилась над составлением описи имущества, которое стратег пожелал оставить в Синопе под присмотром городского агораном*. Только племянник Дорилей не принимал участия в сборах, – уединившись в одной из комнат с матерью, слушал ее наставления и просьбы, нередко прерываемые невольными материнскими слезами.

Человек в длинном плаще молча склонил голову перед удивленным стратегом. Дождавшись, пока удалился слуга, сопровождавший незванного гостя, Дорилай горячо обнял его со словами:

– Приветствую тебя, Рутилий! Вот уж кого не ожидал увидеть в Синопе... Какими судьбами?

– И я приветствую тебя, Дорилай Тактик, – гость снял плащ и небрежно бросил на скамью. – Мне удалось устроиться на один из посольских либурнов проревсом*.

– Ты смыслишь и в мореплавании? – удивился стратег.

– Научили... – горькая улыбка чуть тронула крупные, резко очерченные губы гостя. – Мне довелось два года служить вольнонаемным транитом* военного флота Эллады*. Пока нашу триеру* не пустили на дно киликийские пираты... Потом меня привезли на остров Делос, где продали по сходной цене пергамскому купцу. В Пергаме мы с тобой и встретились, стратег.

– Как ты очутился в Риме?

– После поражения Аристоника я некоторое время скрывался в лесах. Но нас травили словно волков, и мне ничего иного не оставалось, как бежать из Пергама. В трюме грузового судна я перебрался в Афины*, а оттуда – в Рим. Там меня, понятное дело, не искали – кто мог подумать, что один из ближайших соратников Аристоника Пергамского осмелится сунуть голову в пасть льву?

– Я от всей души рад увидеть тебя в живых, – с невольным восхищением посмотрел на гостя Дорилай. – Приглашаю тебя отужинать...

Ужинали вдвоем, из предосторожности – так захотел Рутилий. После обильной трапезы их беседа продолжилась.

– ...Прости, Рутилий, возможно, мой вопрос покажется тебе бестактным... Но, все-таки, как мог ты, римский гражданин, поднять оружие против Рима?

– Римлянин... Сын доблестных родителей, оставивших ему в наследство десять югеров* земли, дряхлого вилика*, распутную девку-ключницу, четырех престарелых рабов, от истощения едва державшихся на ногах, и около двух тысяч денариев долга, – в низком, немного хрипловатом голосе гостя звучал сарказм. – Чтобы не быть закованным в кандалы должника, мне пришлось записаться в легионеры. Два наградных венка – за храбрость и за взятие крепости – центурион... Тяжелое ранение – и пленник иллирийцев*. Тогда клеймо раба мне наложить не успели – бежал в Элладу. Чтобы не помереть с голоду, нанялся гребцом на триеру. Киликийские пираты, Пергам... Сначала раб в черепичной эргастерии*, затем вольноотпущенник. Заслужил свободу тем, что спас хозяина от грабителей. Поступил на службу в войско царя

Аттала III, где уже через год под моим командованием была тысяча отборных гиппотоксотов*. И наконец – дружба с Аристоникум. Остальное тебе известно.

– Ты так и не ответил на мой вопрос.

– И вряд ли отвечу... – Рутилий стал угрюм, черты его смуглого, покрытого шрамами лица затвердели, длинный орлиный нос еще больше заострился. – Даже себе. Все случилось помимо моей воли. Возможно, из-за дружбы с Аристоникум. Я не мог его предать.

И добавил после раздумий:

– Но, вернись время вспять, я поступил бы так же.

– Опасный ты человек, Рутилий...

– Римскому Сенату это хорошо известно, – хрипло рассмеялся гость стратега. – За мою голову обещано столько золота, сколько она весит, – и уколол Дорилая пронзительным взглядом.

– Надеюсь, ты не считаешь, что у меня денежные затруднения? – понял его Дорилай и обиженно нахмурился.

– И что Дорилай Тактик любит Рим больше своей отчизны... – подхватил его мысль Рутилий. – Конечно нет. Потому и пришел сегодня именно к тебе. Ты был во дворце на приеме легата?

– Нет.

– Почему? – удивился Рутилий. – Ты в опале?

– У меня нашлись дела поважней... А если честно, то физиономия distinguished Марка Эмилия Скавра мне надоела еще со времен пергамской войны.

Рутилий понимающе улыбнулся.

– Но о чем шла речь, я знаю.

– Фригия?

– Да.

– Давно и хорошо отработанный прием римской дипломатии. Понту нужно готовиться к большой войне.

– К сожалению... – Стратег наполнил фиалы вином из кратера. – Судя по всему, жрецы Беллоны* скоро принесут свои секиры в храм богини.

– Поэтому я и стремился во что бы то ни стало пробраться в Понт.

– Я так и понял. И с нетерпением жду твоего рассказа.

– Могу утешить тебя, стратег. Риму пока не до Понта. Похоже, там зреют события, последствия которых непредсказуемы. Гая Гракха на этот год трибуном не выбрали. Консуляр* Фульвий Флакк, эта грубая, несдержанная скотина, вместо того чтобы помочь ему, сутками пьянствует и устраивает оргии. Гай Гракх теряет единомышленников. Новый консул Луций Опимий не скрывает своих намерений покончить с реформами братьев Гракхов, а значит, и с бывшим трибуном. Свободных легионов для похода на Восток у Рима нет – идет война с арвернами и аллоброгами.

– Спасибо тебе, Рутилий, – крепко сжал кисть его руки стратег. – Ты вселил в мою душу надежду.

– Я еще не все сказал. Вместе с Марком Эмилем в Синопу прибыл Авл Порций Туберон.

– Купец? Ну и что из этого? – с недоумением воззрился на гостя стратег.

– Берегитесь его. Я не знаю, что он замышляет, но этот хитрый лис немало попортил нам крови в Пергаме. Он такой же купец, как я римский сенатор.

– Авл Порций был в Пергаме?

– Под чужим именем. Он представлялся там киликийцем. Снабжал войска Аристоникума продовольствием и оружием. У него много друзей среди киликийских пиратов.

– Но ведь он помогал вам...

– Еще как... – в глазах Рутилия зажегся опасный огонек. – Мне очень хочется отблагодарить его за эту помощь... Солонина, за которую мы платили, не скупясь, была протухшая, с червями. От вяленой рыбы воины маялись животами и даже умирали. Зерно оказалось отравлено мышами...

– А оружие?

– Щиты раскалывались, как ореховая скорлупа, мечи были не каленые, а луки ломались после десятка выстрелов.

– Но он купец. Его бог-покровитель Меркурий всегда слыл обманщиком.

– Это еще не все. Где лестью, где золотом он сеял раздоры среди стратегов Аристоника. А когда не помогало ни то ни другое, пускал в ход иные средства – удар из-за угла ножом или яд.

– Неужто Авл Порций...? – на лице стратега явственно отразилось недоверие к словам Рутилия. – И вы, зная об этом, доверяли ему?

– Узнали чересчур поздно. Когда внезапно умершего Марка Перперну сменил Маний Аквиллий. Но тогда нам уже было не до купца. Он, кстати, внезапно исчез, будто провалился в царство Плутона.

– Я предупрежу начальника следствия... – Дорилай сурово сдвинул брови. – Он, пустит по его следу своих ищек. А тебе, Рутилий, моя искренняя благодарность, – голос его потеплел. – Что ты собираешься делать дальше?

– Думаю остаться в Понте. С твоей помощью, стратег.

– Можешь не сомневаться в моем добром расположении к тебе. Нам очень нужны опытные, закаленные в боях воины. Место гопломаха* тебя на первых порах устроит?

– Это больше, чем я мог надеяться...

В этот же час в доме царского лекаря иудея Иорама бен Шамаха собрались члены тайной секты ессеев*.

В просторной комнате с совершенно голыми стенами царил дрожащий полумрак. Только три жировых светильника в дальнем конце ее, напротив входа, высвечивали фигуру хозяина дома с изрядно потертым пергаментным свитком в руках. Иорам бен Шамах размеренным голосом читал слова молитвы, вырисованные древнеэллинским языком «койне» на тонкой, почти прозрачной коже искусным каллиграфом. Единственное окно комнаты было тщательно занавешано.

– ...И дела, неугодные Господу, Богу своему, стали творить, и построили себе высоты во всех городах своих...

Словно приглушенное эхо вторили словам Иорама бен Шамаха молящиеся, стоявшие коленопреклоненно на простом тонком коврик.

– ...И стали совершать там курения на всех высотах, и служили идолам...

Среди сектантов были люди самого разного возраста и сословия: ремесленники, купцы, вольноотпущенники, городской демос, мореплаватели, гоплиты... Большинство составляли «сыны Израилевы», переселившиеся в Понт, чтобы спастись от преследований саддукеев* и фарисеев*, а также нынешнего царя Иудеи, жестокого и властолюбивого Иоханана Гиркана, сына Симона Маккавея. Но были здесь и каппадокийцы, и эллины, и персы, и представители других племен, населяющих Понтийское государство.

– ...И закончится греховное царство тьмы, и придет Сотер*, и воздаст сынам света...

«Сотер... Сотер... – иступленный шепот постепенно перерастал в гул. – Воздаст сынам света... Не пройдет род сей...»

Седые волосы Иорама бен Шамаха, сзади подсвеченные светильниками, образовали вокруг головы нимб, в глазах загорались и гасли оранжевые искры, и вся его фигура, закутанная в белый плащ, казалось, парила над полом...

После моления есσει перешли в соседнюю комнату, где был накрыт длинный деревянный стол для священной трапезы – только недорогое красное вино и по лепешке на брата. При полном молчании отведав вина и хлеба, они стали прощаться с хозяином дома. Иорам бен Шамах обнимал каждого, прикасаясь щекой к щеке единоверца. Одному из них, коренастому юноше с коротко подстриженными кудрявыми волосами, он шепнул на ухо: «Останься...», и тот покорно отошел в темный угол, дожидаясь, пока последний ессей не покинет дом.

– Следуй за мной, – приказал юноше Иорам бен Шамах, когда проверил надежность засовов на входной двери.

Освещая путь сильно чадящим глиняным светильником, наполненным земляным маслом, он повел юношу внутрь дома.

Комната, куда они вошли, была уставлена сосудами всевозможных форм и размеров из керамики, стекла и металла. Воздух в ней был напоен запахами трав, связками висевших на всех четырех стенах от пола до потолка. Посреди комнаты стоял круглый стол и два диффра*.

Иорам бен Шамах молча указал юноше на один из них, а сам, насыпав в шаровидный сосуд из стекла серебристо-белый порошок, зажег его. Комната осветилась ярким голубоватым светом. Сдвинув сосуд в центр стола, и потушив глиняный светильник, лекарь сел и надолго задумался, глядя на перламутрово-белую сферу, внутри которой рождалось таинственное голубоватое свечение. Юноша с почтением и опаской наблюдал за хозяином дома, не смея шелохнуться.

– Папгий... – голос Иорама бен Шамаха был усталым и бесцветным. – Я доволен твоим прилежанием и твоими успехами.

– Спасибо, танаим*...

– Не называй меня так, – глубокая борозда перечеркнула высокий лоб иудея от корней волос до крупного горбатого носа. – В этой комнате мы прежде всего слуги Асклепия*. Потому, если хочешь, зови меня впредь просто учителем.

Папгий молча склонил голову в знак согласия.

– Восемь раз плодоносили оливы с тех пор, как твой отец Менофил привел тебя за руку в этот дом. Своими знаниями в высоком и благородном искусстве врачевания делился я с тобой без утайки и теперь очень рад – у меня появился достойный преемник. Ибо я уже стар и смертен, несмотря на то что многие тайны человеческого организма мне понятны и ведомы...

Юноша встрепенулся, хотел что-то сказать своему учителю, но тот ласково положил ладонь на его колено, заставив умолкнуть на полуслове.

– Выслушай меня до конца... – Иорам бен Шамах задумчиво погладил черную с седыми прядями бороду. – Тяжелые грядут времена. Ненасытные римляне не успокоятся до тех пор, пока весь Понт Евксинский не станет Маре Романум*. Остановить их, тем более – победить, невероятно трудно. Понту нужна твердая рука, железная воля и могучий ум великого стратега. К большой кручине нашей, такого человека пока нет.

– Прости, учитель, – а царь Митридат Евергет?

– Я с тобой всегда был откровенен. Не покривлю душой и на сей раз. Я преклоняюсь перед его мужеством и дальновидностью. Он мне люб, как брат. Но... – лекарь горько улыбнулся. – Великий царь Понта потерял главное, что движет любым человеком, – надежду. Он не верит в победу над Римом. Безверие – болезнь страшная, неизлечимая. Она притупляет ум, делает человека безвольным, слабым, легко поддающимся чужому влиянию.

– Что же... тогда?

– Я не гарусник* и будущее по куриным потрохам предугадывать не умею, – нескрываемая ирония звучала в голосе Иорама бен Шамаха. – Мое дело – лечить раны телесные. Говорят, большую душу умеют исцелять жрецы Айгюптоса*. Мне подобное искусство, увы, неизвестно. Как не дано проникнуть и в божьи помыслы. Но все, что зависит от меня и тебя, мой юный брат по вере, мы обязаны сделать.

– От меня? – удивился Паппий.

– Да. Отныне ты назначен врачом старшего сына царя. Молодой Митридат – личность сильная, целеустремленная. Он ненавидит Рим. Нужно помочь ему подняться на крыло. Митридат умен – уже сейчас он знает семь языков. Знаком он и с трудами выдающихся философов, историков и географов. Усиленно изучает воинское искусство. Он честолюбив и в достаточной мере скрытен. Это тоже неплохо. По моему глубокому убеждению сын Митридата Еввергета именно тот человек, который способен возвеличить Понтийское государство и дать отпор Риму.

– В чем заключается моя главная задача?

– Ты правильно меня понял, Паппий, – с удовлетворением улыбнулся Иорам бен Шамах. – Лечить болезни – твое ремесло. Но ты, ко всему прочему, должен стать тенью будущего владыки Понта, его вторым «я». Нужно во что бы то ни стало оградить юного Митридата от злых умыслов, приобщить его к нашей вере, единственно истинной и справедливой. Ты хочешь мне возразить? Что ж, твои сомнения не беспочвенны. Митридат вряд ли когда-нибудь примет нашу веру. Да это и не требуется. Основное – посеять в его душу зерна мудрости, взятые из колосьев истинной веры, а затем бережно возвращать и лелеять ростки. Что получится в конечном итоге, предугадать трудно. Помни: на благодатной почве хорошо произрастают не только хлеба, но и плевелы...

Проводив юношу, Иорам бен Шамах зашел в молельню, встал на колени перед светильниками и долго молился. Три огненных цветка исторгали из своих жарких глубин белесые струи. Ароматный дым благовоний приятно щекотал ноздри, но, вместо благостного приподнятого состояния, душа царского врача наполнилась дурными тягостными предчувствиями.

Глава 5

Звон клинков нарушал знойную истому полуденного покоя царского дворца. Неподалеку от его стен, на утрамбованной ногами до каменной твердости фехтовальной площадке гимназия*, азартно сражались затупленными мечами сын царя Понта Митридат и его друг Гай.

Площадка была посыпана тонким слоем речного песка, и маленькие вихри, взлетая из-под сандалий подростков, окрасили прозрачный весенний воздух в желтый цвет. Пот, смешанный с пылью, щедро орошал надетые под тяжелые учебные доспехи полотняные туники, заливал глаза. Но юные воины рубились, не обращая внимания на зной, подзадоривая друг друга краткими окриками.

Шагах в десяти от них под навесом стоял, скрестив на груди жилистые руки, гопломах Тарулас – наблюдал за поединком. Его лицо было неподвижно и бесстрастно. Только ноздри носа, похожего на клюв хищной птицы, изредка раздувались от скрытого волнения, когда гопломах подмечал особо удачный выпад или удар.

Громкий смех и веселые голоса позади заставили Таруласа вздрогнуть. Он резко обернулся.

Несколько поодаль, возле набитых соломой чучел, на которых упражнялись в точности колющего удара, расположились на отдых эфебы* – пять или шесть юношей восемнадцати-двадцати лет, отпрыски самых знатных семейств Синопы. Они только что вышли из бани, обязательной после фехтования и гимнастики, и их смуглые тела, натертые оливковым маслом, блестели на солнце как хорошо полированная бронза.

– Ола! Ола! Молодые петушки! Ха-ха-ха! – смеялись они, радуясь солнечному дню и переполняющей их мускулистые тела энергии.

– Эй, малыш! Ты, который длинный! – вскричал один из них, невысокий, с мощным торсом. – У тебя в руках не фаллос, а меч. Разить врага нужно в грудь или живот, а ты им тычешь между ног.

Грохнул смех – эфебы дурачились. Таруласа они словно не замечали. Этот новый гопломах был из племени траков – фракийцев, и молодые аристократы могли себе позволить такие вольности в его присутствии, на что не решились бы, будь он перс или эллин.

Митридат и Гай опустили мечи. Сын царя, посверкивая сквозь прорези забрала учебного шлема глазами, полнившимся вскипающим янтарем, неторопливо подошел к эфебам.

Крепыш-шутник, смеясь, протянул руку к мечу Митридата:

– Отдай эту игрушку. Иначе натрешь мозоли. Вон то тебе больше подойдет, – показал он на метлу, которой рабы-уборщики подметали площадку для прыжков в длину.

– Возьми, – коротко ответил Митридат – и ударил эфеба в челюсть почти без замаха.

Тот покатился по земле. Но тут же, кипя от злости, вскочил и, обнажив меч, ринулся на сына царя. Клинки скрестились, лязгнули...

– Стоп!

Голос, рокочущий, властный и немного хриплый, прозвучал уже тогда, когда мечи словно обрели крылья – сверкали в воздухе, будто невиданные железные птицы, выбитые из рук страшными по силе ударами.

– Не смей! – гопломах Тарулас встал между Митридатом и эфебом.

Опешившие эфебы схватили за руки своего товарища, уже готового вне себя от ярости броситься на самого гопломаха.

– Стыдно! – Тарулас говорил по-эллинически с легким акцентом. – Затевать ссоры и драки в стенах гимназия запрещено правилами. И вы их знаете. Тем более – обнажать оружие против младшего по возрасту. Какое наказание может за этим последовать – не мне вам говорить.

Но будем считать, что ссоры не было. Просто – недоразумение. Вы можете уйти, – тоном, не терпящим возражений, отчеканил эфебам гогломах.

Митридат снял шлем, полностью скрывавший его лицо, и с вызовом тряхнул медными волосами.

– Царевич... Митридат... Сын царя... – тревожный шепоток послышался среди эфебов, и они в смущении и раскаянии склонили перед ним головы...

Эфебы поторопились исчезнуть. Вскоре за ними ушли и Митридат с Гаем. Гогломах, проводив их задумчивым взглядом, уселся на сложенные стопкой соломенные борцовские маты и принялся неторопливыми, но уверенными движениями точить свой кривой фракийский меч-махайру*. Увлечшись, он не заметил, как чья-то темная, согбенная фигура промелькнула за колоннами портика и исчезла в путанных переходах между строениями гимнасия...

Это был Авл Порций Туберон. Легат Рима, все еще гостивший в Понте в ожидании ответа царя Митридата, не забыл своей клятвы в андроне. Он попросил купца-агента не спускать глаз с царевича, чтобы узнать его привычки, наклонности, а в случае удачи – и мысли. Что предпринять в дальнейшем, Скавр еще не решил. Пока он с нетерпением ждал развязки затеянной им интриги, где главная роль была отведена ростовщику Макробию.

Авл Порций торопливо вышагивал по улицам Синопы, погруженный в воспоминания. Его обычно загоревшее до черноты лицо теперь напоминало плохо вычищенный и отбеленный, а потому серый, пергамент: лжекупца обуял страх.

«О, превеликие боги! Или я сошел с ума, или... Этот гогломах – кто он? Двойник? Не может быть... Но он так похож... Неужто остался в живых? Тогда почему он в Синопе? И это имя – Тарулас. Фракиец... – Авл Порций споткнулся и больно ушиб палец на правой ноге; боль неожиданно вернула ему способность трезво мыслить. – Из царства Плутона еще никто не возвращался. А значит, если, конечно, Грайи* не пошутили со мной чересчур зло, он и впрямь не призрак. Нужно пустить по его следу псов Макробия. Иначе, если он до меня доберется...» – от этой мысли римлянину стало дурно. Он привалился к стене какого-то дома и в отчаянии возопил в мыслях к покровителю своего рода...

Царица Лаодика принимала Скавра. Они ужинали на свежем воздухе – в перистиле*, возле фонтана.

– ...Я не склонен к преувеличениям, глубокочтимая Лаодика. Но тебе достаточно известно о том исключительном положении, которое занимают римляне среди прочих народов. Мы ни в коей мере не претендуем на абсолютную власть, а всего лишь стараемся нести благоденствие как своим подданным, так и тем, кто погряз в беззакониях и варварстве, кто поклоняется вместо светлоликих олимпийских богов поганым идолам.

– Государственное устройство Понта не менее разумно и целесообразно, чем в республиканском Риме. – Лаодика жестом выпроводила обслуживавших их рабынь. – Законоуложения Митридата Ктиста и Фарнака Понтийского освящены великой мудростью богов олимпийских. Капища идолопоклонников в Понте давно разрушены. И, наконец, мы всегда поддерживали Рим, видели в нем светоч, надежную опору в нашей борьбе против варваров.

– Все это так, прекрасная... – Скавр с вождением смотрел на печеного осетра, фаршированного куриной печенью. – В Риме ценят дружбу Понта. В особенности расположение к римлянам царственной Лаодики, – легат расплылся в улыбке. – Я уполномочен Сенатом поблагодарить тебя за помощь, оказываемую нашим торговым людям и дипломатам. Прими этот скромный подарок в знак того, что в Риме не забывают своих друзей... – с этими словами Марк Эмилий взял из рук секретаря, будто по мановению волшебной палочки появившегося в перистиле, объемистый сверток и передал его царице.

Лаодика трепетной рукой развернула пурпурную ткань и тихо ахнула, не в силах сдерживать восхищения – золотая царская китара*, украшенная камнями, засверкала, заискрилась в лучах заходящего солнца.

Посол, довольный произведенным впечатлением, мысленно похвалил себя – Сенат не соглашался на подобное расточительство во время войны, но он настоял. Пользуясь паузой в разговоре, Скавр приналег на осетрину, щедро поливая ее острым соусом.

– Благодарю тебя и в твоём лице Сенат, мой дорогой Марк Эмилий... – Лаодика была на вершине блаженства.

– М-м... – поспешил прожевать очередной кусок посол и окунул жирные пальцы в чашу с водой. – Рад тебе услужить, порфирородная, – он вытер руки о свою тогу с пурпурной каймой и осушил залпом вместительный фиал с вином. – И позволь мне, рабу твоей несравненной красоты, слово молвить о делах очень важных, напоминания о коих неуместны за этой великолепной трапезой; но, увы, они безотлагательны.

– Да... да, я слушаю... – царица никак не могла расстаться с подаренной китарой, разглядывая ее со всех сторон.

– Меня волнует и тревожит недоброжелательное отношение царя Митридата Еввергета к Риму.

– Слухи, сплетни... – поморщилась царица и со вздохом сожаления отложила китару.

– Это не только мое личное мнение, но и точка зрения Сената, – с нажимом сказал посол.

– Точка зрения... Сената? – Лаодика неожиданно почувствовала легкий озноб – до нее лишь теперь дошел смысл сказанного.

– Фригия – вся Фригия! – нужна Риму, и она будет нашей провинцией. Это несомненно, – надменно вскинул голову Скавр. – Последствия неразумной политики царя Митридата могут быть совершенно непредсказуемы. И в первую очередь для Понта.

Открытая угроза, прозвучавшая в словах легата, испугала царицу. Но, воспитанная при царском дворе Селевкидов, где интриги, заговоры и дворцовые перевороты были делом обычным, она сдержала свои чувства – сделала вид, что не придавала особого значения высказываниям Скавра, и с любезной улыбкой принялась угощать его редкими восточными сладостями и густым кносским вином.

Но легат не обладал такой выдержкой, как Лаодика, привычная к восточной дипломатии, где подчас говорят одно, а подразумевают совершенно противоположное. Он с раздражением отхлебнул вина, поморщился – оно было сладковатым и отдавало паленой костью – и, не дожидаясь, пока встанет царица, поднялся со скамьи. Скавр знал, что этот поступок означает неуважение к сану Лаодики, и все же сдерживать себя не мог, да и не хотел. Внутри у него кипело, он проклинал и Сенат, всучивший ему посольские полномочия, и вынужденное трехнедельное томление в ожидании ответа царя на послание, и острую жирную восточную кухню, после которой мучили колики в животе и изжога поутру, и, наконец, медлительного и сверхосторожного Макробия, так долго и пока безрезультатно плетущего сеть опасной интриги.

– А еще в Риме обеспокоены тем, что ты, мудрая правительница, не в чести у своего мужа, – посол тяжело, со значением, посмотрел на царицу. – Твоим друзьям это вдвойне обидно. Они просили передать, что, как в прежние времена, готовы оказать всяческую поддержку и предоставить, если понадобится, кров, соответствующий твоему высокому сану.

– Нет! – возглас вырвался непроизвольно; Лаодика изменилась в лице, вскочила и прикрыла рот ладонью, будто пыталась остановить слова, рвущиеся наружу.

Она смотрела на Марка Эмилия расширенными глазами, в которых билась птица со сломанными крыльями...

«Да, да! – удовлетворенно думал посол, принимая вечером горячую ванну. – А чтобы мои намеки были восприняты правильно, любезнейший Марк Север, на днях возвращающийся из своего вынужденного путешествия, – рассмеялся жирным смешком, – нижайше попросит

царственную Лаодику изъять ему большую милость – превратить данные ему долговые расписки в нетленный металл...»

Гопломах Тарулас не спеша шел по ночной Синопе. Сегодня занятия в гимнасии закончились поздно, и пока под его руководством дежурные эфебы приводили в надлежащий вид учебное оружие и доспехи, стемнело. Впрочем, домой он не торопился – убогая каморка, его жилище, не была тем местом, куда после трудов праведных могла стремиться для отдохновения человеческая душа.

Легкий бриз посеял на черное небо необычайно яркие звезды. Сложный и приятный аромат цветущего разнотравья изгонял из легких запахи разопретой кожи ремней, пота и пыли фехтовальной площадки. Тарулас почувствовал, как непонятное томление вдруг заставило сильнее забиться сердце, хмельной волной хлынуло в голову. Юность, радостная и беззаботная, где ты? Да и была ли она у него? Просто сон, призрачное видение...

Холодный металл клинков, осиними жалами метнувшихся к его груди из темноты перелюк, он не увидел, а скорее ощутил кожей. Привычка старого воина всегда быть настороже и на этот раз сослужила ему добрую службу. Тарулас мгновенно пригнулся и приемом кулачного боя, которому научился у эллинских гоплитов, опрокинул на землю одного из убийц. Второй, судя по всему, фехтовальщик неопытный, вместо того чтобы тут же повторить удар, растерялся и неуклюже отскочил в сторону. Это промедление для гопломаха оказалось спасительным – перехватив руку второго убийцы с коротким персидским акинаком, Тарулас со страшной силой швырнул его через себя на каменные плиты. Бандит коротко охнул и затих в беспомощности.

Но был еще и третий. Он прыгнул на гопломаха с крыши заброшенного дома словно барс. Махайра Таруласа рассыпала в темноте золотые искры, отбив коварный удар в бок.

Теперь у гопломаха противник был достойный. Его широкий римский меч находил самые уязвимые места в защите Таруласа, и только самообладание и отменная выучка бывшего центуриона позволяли ему избежать смертоносного удара.

– Барра*! – наконец подал голос противник Таруласа и сделал молниеносный выпад с колена, целясь в незащищенный живот гопломаха.

Но и этот, почти неотразимый, удар встретила махайра Таруласа.

– Гром и молния! – вскричал плохо различимый в темноте противник гопломаха, отскочив на безопасное расстояние. – Пусть меня поглотят волны Коцита*, но я не верю! Это невозможно! Только один человек был способен защититься от этого удара! Но его нет в живых...

– Пилумн?! – Тарулас опустил махайру. – Ты?! Здесь, в Понте?

– О, боги, я сплю! Прочь, прочь! Наваждение... – противник гопломаха в страхе прижался к стене и забормотал заплетаящимся языком заклинания: – Прозерпина благая, красная, жена Плутонова, Сальвию зовома, выставь на мой выклик пса трехликого, да прогонит он от меня злых лемуров. Три жертвы я тебе обещаю...

– Товарищ мой старый, опомнись. Я не приснился тебе. А в царство Плутона мне еще рано, дружище, – и Тарулас с облегчением рассмеялся – противником оказался бывший легионер его центурии, прозванный за силу и буйный нрав Пилумном*.

– Рутилий! Брат... – Пилумн бросил меч и упал перед гопломахом на колени. – Как же это... Я тебя, своей рукой... У-у, горбатый пес! – он погрозил кулаком в темноту.

– Встань, – помог ему подняться Тарулас. – Ты как здесь оказался?

– Об этом потом... – Пилумн прислушался.

Где-то неподалеку послышался топот ног и тревожные оклики.

– Ночная стража! – вскричал Пилумн. – Уходим! – потянул он за собой Таруласа-Рутилия.

– Куда?

– Есть места, – коротко хохотнул довольный и радостный Пилумн. – Там и поговорим...

Харчевня, куда привел Пилумн бывшего своего центуриона, пользовалась в Синопе дурной славой. Называлась она «Мелисса»*, по ночам и впрямь напоминала дупло с пчелиным роем, но цветочной пылью и душистым медом там и не пахло. Собирались в харчевне большей частью прощелыги, стареющие гетеры и бесшабашный портовый сброд, поклоняющийся Лаверне*.

– Вина! – Пилумн пинками согнал со скамеек двух попрошайек, отсчитывавших медные оболочки* в ладонь растрепанной, нетвердо держащейся на ногах гетеры, одетой в замызганную бассару*. – Прочь, вшивота! Вина, синопский циклоп!

На его зов прибежал хозяин «Мелиссы», вольноотпущенник-фригиец, толстобрюхий, одноглазый уродец на удивительно тонких, кривых ногах; его, словно в насмешку, прозвали Сабазий*.

– Убери эту кислятину! – Пилумн, отхлебнув из кувшина, принесенного Сабазием, с отвращением сплюнул на замусоренный пол. – Еще раз подашь мне такое паскудное пойло, и я проткну твоё брюхо вертелом. Неси сюда из своих личных запасов, старый скупердяй.

– Слушаюсь, господин... – угодливо изогнулся хозяин харчевни, что при его фигуре было делом нелегким, и с удивительной быстротой засеменял короткими кривыми ногами к двери в подвал.

– Садись, брат, садись, – приглашал гоппомаха Пилумн, смахивая со стола полой хламиды* остатки скудной трапезы попрошайек. – Тут все свои. Ищейкам царя Понта сюда ходу нет.

Видно было, что Пилумн пользуется в обществе, собиравшемся в «Мелиссе», немалым авторитетом.

– Этот горбатый пес! – Пилумн с любовью смотрел на Таруласа. – Случись то, что он задумал... О, боги! – отставной легионер одним духом опорожнил вместительную чашу. – Я бы умер от горя.

– О ком ты говоришь? – Тарулас только теперь почувствовал, как он проголодался; подвинув к себе истекающую горячим жиром баранью ляжку, он с наслаждением вонзил все еще крепкие зубы в хрустящую подгоревшей коркой мякоть.

– Макробий, будь он проклят! Гнусный кровопивец, сквалыга, каких свет не видывал. Это он нанял меня, чтобы я отправил тебя к праотцам. Прости.

– Кто он?

– Ростовщик. Римлянин. Сын блудницы и вонючего козла... – Пилумн выругался.

– Нанял тебя? – гоппомах посуровел. – Мне не приходилось с ним встречаться... – Он задумался.

– А и правда, с чего это он вдруг? – Пилумн попытался принять глубокомысленный вид, но это ему удалось плохо – голова его работала куда хуже рук.

– Авл Порций... – Глаза гоппомаха опасно сверкнули. – Значит, он узнал меня. Увидел. И нанес удар первым... – Тарулас хмуро улыбнулся в ответ на недоумевающий взгляд Пилумна. – Старые счеты. Макробий всего лишь орудие мести другого человека.

– Это опасно? – с тревогой спросил Пилумн.

– Еще как, – Тарулас дружески похлопал отставного легионера по мускулистой руке. – Сегодня я в этом уже убедился, – он подмигнул смутившемуся Пилумну. – А Макробий, судя по всему, дока в таких делах. Знал, кого нанимать. Таких молодцов, как ты, немного.

– Можешь на меня рассчитывать. Я не подведу, – с горячностью сказал Пилумн.

– Спасибо. Не сомневаюсь. Кстати, ты мне, наконец, расскажешь, какие ветры занесли тебя на варварский Восток?

– А... – беспечно махнул рукой отставной легионер, наполняя чаши золотистым вином. – Простая историйка. Ты же знаешь мое везение... Центурионом я не стал, хотя имел все права на этот чин. Свои фалеры* я пропил, как и золотой венчик за храбрость. Возвратился в Рим с

пустым кошельком. Во время заварухи, устроенной врагами Тиберия Гракха, отправил в Эреб* богатого всадника*. Ну и, сам понимаешь, решил, что золото ему ни к чему... Погулял всласть. Эх, были времена! – Блаженно улыбаясь, он допил свое вино.

Тарулас последовал его примеру. Вино в высокогорлом кувшине и впрямь оказалось отменным. Сабазий, издали украдкой наблюдающий за Пилумном, вздохнул горестно, словно застонал – этот римлянин пьет, будто вол, а свои счета оплачивать забывает.

– Но вскоре я попал, словно кур в ошип, – продолжил рассказ Пилумн. – Денарии мои сплыли, как вешние воды, меня разыскали родственники покойника... Короче, пришлось бежать из Рима. Нанялся я в охрану к одному купцу. Служил у него почти три года. В Нико-медии* подрался с ночной стражей, ранил двоих – и попал в эргастул. Откупиться было нечем, а купец, дерьмо собачье, даже не попытался вытащить меня из ямы, удрал восвояси. Нацепили на меня ошейник раба, заковали в кандалы и отправили в каменоломню. Бежал, скитался в горах. Притащился в Синопу, весь в струпьях, как дохлятина. Сабазий свел меня с Макробием. С тех пор он мной покровитель, – невеселая улыбка промелькнула на квадратном лице бывшего легионера.

– Ростовщик Макробий... – Тарулас задумчиво поглаживал рукоять махайры. – Послушай, Пилумн, мне нужно с ним встретиться.

– Зачем? Я эту горбатую вонючку и сам придушу. – Пилумн с силой сжал широченной ладонью медную чашу и смял ее в лепешку.

– Не стоит спешить. Успеется, – восхищенно покачал головой гопломах, глядя на бесформенный кусок меди. – Макробий, похоже, знает многое. А мертвые, как тебе известно, глухи и немые...

Тем временем в харчевню зашел бродячий музыкант-кифаред в поношенной экзомиде*. Угостившись вином, он настроил кифару* и ударил по струнам. Подгулявшие завсегдагаи раздвинули столы, и несколько гетер закружили в буйном вакхическом танце. В открытую дверь «Мелиссы» вливался свежий воздух, и бассары женщин казались парусами судов, попавших в штормовое ненастье.

Глава 6

Митридат Евергет от ужина отказался. Он съел немного сушеных фруктов в меду и запил ключевой водой из священного источника, в которую было добавлено несколько капель дорогого фасосского вина. На завтра был назначен прием римского легата, и царь Понта перед вечером принес посвященные жертвы в храме богини Ма. Когда главный жрец Даипп полосонул бронзовым ножом по горлу черного козла с белой отметиной на лбу, кровь, ударив ключом, неожиданно обрызгала плащ царя, стоявшего чересчур близко к жертвенному камню. Митридат едва не свалился без чувств. Ему в этот миг почудилось, что поры тела раскрылись, и его кровь просочилась сквозь одежды. До самого ужина он ощущал, как мириады иголок покалывают кожу, постепенно скапливаясь где-то под сердцем.

Когда царя облачали в ночные одежды, он вдруг почувствовал режущую боль в желудке. Испуганный постельничий помог Митридату Евергету добраться до спального ложа и побежал за лекарем.

Иорам бен Шамах застал владыку Понта в беспамятстве. Царь лежал на полу в разорванных одеждах, изо рта текла мутная пена, лицо исказила гримаса нестерпимой боли.

– Воздуха! Откройте окна! – вскричал иудей. – Помогите те! – он попытался поднять Митридата.

Начальник телохранителей Арторикс и постельничий подхватили царя под мышки и уложили на постель. Внимание лекаря привлекли сушеные фрукты в меду – небольшое блюдо с остатками скромной царской трапезы стояло неподалеку от ложа на невысоком круглом столике. Иудей бросился к фруктам со стремительностью коршуна, понюхал, лизнул подогретый мед и тут же с омерзением сплюнул.

– Кто?! – обернулся лекарь к постельничему. – Кто готовил?! – показал на фрукты. – Бакхий?

– Н-новый п-повар... – заикаясь от страха, выдавил из себя постельничий.

– Арторикс! Перекрыть все выходы из дворца! Всех под стражу! Паппия немедленно сюда!

Галл все понял. Словно тисками сжав руку помертвевшего постельничего, он потащил его за собой. Тот не упирался, ковылял заплетающимися ногами, обреченно ссутулившись.

Когда в опочивальню царя вошел запыхавшийся Паппий, лекарь уже сумел напоить пришедшего в себя Митридата отваром трав, и владыку Понта рвало.

– Цикута*... – тихо и коротко ответил иудей на немой вопрос своего ученика.

– Есть надежда...? – Паппий изменился в лице.

– Боюсь, что нет...

– Почему, учитель? У нас ведь есть противоядие.

– Пена... – Иорам бен Шамах показал на медный таз; его держал перед царем один из телохранителей-галлов. – Там не только цикута. Смесь. Если бы точно знать, что именно... Тот, кто готовил зелье, чересчур сведущ...

Арторикс искал повара, недавно заменившего старого Бакхия. Со стариком случилось несчастье: дня три назад он выпил лишку и угодил в пустой рыбозасолочный чан. Нашли его утром, едва живого и со сломанной ногой.

В поварне нового повара не оказалось. Не добившись толкового ответа от рабынь-кухарок, куда тот мог деваться, разгневанный Арторикс едва не бегом пропустил по запутанным переходам царского дворца. За ним шли несколько его верных галлов, обшаривая каждую комнату, каждый закуток.

– Сюда! Арторикс, сюда! – позвал начальника телохранителей один из его подчиненных, выскакивая из темной каморки, служившей кладовой.

Там, на куче серой морской соли, лежал новый повар с ножом в груди. Широко открытые глаза отражали свет факелов, и казалось, что он еще жив. Арторикс тряхнул его за плечо, и окровавленное тело медленно сползло на пол.

– Объявить общую тревогу. Оцепить дворец снаружи, – скомандовал хмурый Арторикс. – Послать гонцов к стратегу Алкиму, наварху Гермаие, гиппарху Асклепидору. Вызвать сюда Даиппа, главного жреца богини Ма.

Вскоре дворец осветился многочисленными факелами, наполнился звоном оружия и топотом грубых воинских сандалий.

– Обыскать все комнаты! – приказал Арторикс. – Муж чин, кого найдете, в перистиль. Да, да, всех! – и выругался в ответ на вопрос одного из воинов стражи, робко заинтересовавшегося, как поступать с придворной знатью.

Сам Арторикс с тремя галлами направился на женскую половину дворца. Жирный евнух попытался преградить путь, тонким визгливым голосом предупреждая о неминуемой каре за подобную дерзость, но галл с брезгливой миной на лице отшвырнул его пинком ноги.

– И этого холощенного недомерка в перистиль, – мимоходом бросил своему подчиненному.

Разбуженные необычным в такой поздний час шумом, из комнат выскакивали полураздетые женщины. Одна из них, при виде грозных лиц вооруженных до зубов галлов, упала в обморок; кто-то взвизгнул, некоторые с испугу плакали.

Не обращая внимания на женщин и предоставив обыскивать их комнаты своим галлам, Арторикс постучал в дверь гинекея царицы. Лаодика на стук вышла сразу, будто давно и с нетерпением ждала кого-то. Арторикс про себя подивился – царица еще не облачилась в ночные одежды, хотя обычно ложилась спать рано.

– Арторикс? – смятение и, как почему-то показалось галлу, страх звучали в ее голосе.

Царица была бледна и не очень твердо держалась на ногах.

– Как ты посмел! Сюда... Прочь! Немедленно!

– Прости мою вынужденную дерзость, царица, – поклонился галл. – Меня привел долг, – он твердо посмотрел прямо в лихорадочно блестящие глаза Лаодики. – Покушение на жизнь твоего мужа, великого и мудрого владыки Понта.

– Покушение? О, боги... – Лаодика, теряя силы, прислонилась к стене. – Как... когда?

– Его пытались отравить. Царский повар убит. Недавно. Мы ищем убийцу.

– Царь... жив? – шепотом спросила царица.

– Да... – колебавшись мгновение, ответил Арторикс – пока они искали повара, все могло случиться.

– Ты думаешь найти убийцу здесь, в моем гинекее? – к царице постепенно возвращалось самообладание.

– Я должен обыскать весь дворец, – упрямо боднул головой галл.

– Кроме моей опочивальни, – Лаодика надменно посмотрела на начальника телохранителей. – В ней нет посторонних.

– Но... – попытался возразить галл.

– Ты забываешься, Арторикс, – царица повысила голос. – Слуга господину приказывать не волен. Проводите его, – повернула она голову к евнухам, сбежавшимся на шум и вооружившимся всем, что попало под руку, вплоть до щипцов для углей.

Галл, стиснув до скрежета зубы, круто повернулся и, не поклонившись, как того требовал дворцовый этикет, поспешил покинуть гинекей царицы. Только в одном из переходов он дал волю гневу. Завидев в полумраке человека, пытавшегося укрыться в нише, он схватил его за руку и с такой силой рванул на себя, что тот упал.

– Ай! – вскрикнул от боли поверженный. – П-почему?

За что?

Арторикс только теперь узнал царского конюшего. Из-за приоткрытой двери одной из комнат выглядывала испуганная девица, чья-то служанка.

– Блудливый пес! Взять! – зарычал взбешенный галл.

– Куда, зачем?! – возопил конюший.

– Иди, иди... – подтолкнул его кто-то из воинов. – Не то я тебя пощекочу вот этим... – он кольнул конюшего острием меча под ребро...

Около полуночи царю стало легче. Он лежал, стараясь не шевелиться. Малейшее движение вызывало нестерпимую боль во всем теле.

Возле его ложа, кроме лекаря-иудея и Паппия, собрались старые друзья и соратники: Асклепиодор, Алким, Гермайя, жрец Даипп и Моаферн, родственник Дорилая Тактика, недавно назначенный царем начальником следствия. Он был еще совсем молод, и покушение на владыку Понта потрясло его до глубины души.

– Иорам... – царь нашел глазами лекаря. – Сколько...

«Мне осталось жить», – понял недосказанное Иорам бен Шамах и в отчаянии склонил голову.

– Говори... правду... – Grimаса боли исказила восково-бледное лицо царя. – Не нужно... – остановил Паппия – тот хотел напоить его успокаивающим отваром трав.

– Все в воле богов... – попытался уклониться от ответа лекарь; но, встретив жесткий, требовательный взгляд царя, со стоном молвил: – Недолго. Противоядия нет.

– Спасибо. Ты никогда не кривил душой... – Митридат Евергет перевел взгляд на Даиппа, искоса, с неодобрением, следившего за хлопотами Иорама бен Шамаха.

Главный жрец храма богини Ма недолюбливал лекаря-иудея. Сикофанты* не раз доносили ему про тайные сборища в доме Иорама бен Шамаха. Но проникнуть внутрь они не могли. Даипп подозревал иудея в идолопоклонстве. В Понте к различным верованиям относились терпимо, но не настолько, чтобы позволить нанести ущерб храмовой казне, куда шли щедрые дары и пожертвования почитателей богини Ма. Только высокий пост иудея и дружеское расположение к нему царя сдерживали Даиппа от жестоких мер к участникам ночных сборищ и самому Иораму бен Шамаху.

– Даипп... – прошептал царь. – Позови Лаодику... И мое го логографа... Завещание... – Мутная волна дурноты подступила к горлу, и он, крепко стиснув зубы, закрыл глаза...

Едва Арторикс вышел из гинекея, царица поторопилась захлопнуть дверь и закрыть ее на засов. В опочивальне было темно; только факелы стражи, окружившей дворец, бросали сквозь окна неверные колеблющиеся пятна оранжево-красного цвета на пушистые белые ковры из шерсти горных козлов. Лаодика долго стояла в полной неподвижности, прислонившись спиной к двери, а затем упала на пол и забилась в беззвучных рыданиях.

Чья-то темная фигура выскользнула из смежной комнаты и на цыпочках двинулась к выходу из опочивальни. Свет факелов на мгновение высветил лицо Клеона и серебристую полоску короткого клинка в его руке. Он подошел к двери, приложил к ней ухо, прислушался. Затем, облегченно вздохнув, вложил меч в ножны и склонился над царицей.

– Все обошлось, моя несравненная... – прошептал он дрожащим голосом. – Успокойся. Ты теперь единственная владычица Понта. Больше никто не осмелится тебе перечить. Любое твое желание станет для всех законом.

– Митридат... Муж мой... – Тело Лаодики сотрясала крупная дрожь. – Мой повелитель... умирает... Ты! – Она вдруг изогнулась как дикая кошка и впиалась ногтями в шею Клеона. – Ты убил его! Будь проклят тот день, когда я тебя встретила!

Клеон в испуге отскочил, а затем упал на колени и зажал ладонью рот царицы. Полузадушенная Лаодика кусалась, царапалась, но, наконец, силы оставили ее и она потеряла сознание.

Очнулась царица не скоро. Перепуганный до полубморочного состояния Клеон брызгал ей в лицо холодной водой из кувшина и что-то жалобно лопотал. Лаодика молча отстранила его

и встала. Слегка пошатываясь, она подошла к окну. Вокруг дворца полыхал целый лес факелов – подоспели поднятые по тревоге гоплиты личной хилии* царя Понта.

– Одеваться... – тихо проронила она.

– Позвать... служанку?

– Не нужно. Я сама. До моего приходи сиди здесь. Не открывай никому. Я прикажу поставить охрану у двери. Когда ты сюда входил, тебя видел кто-нибудь?

– Главный евнух. Он меня узнал.

– Я о нем позабочусь... – хищно сверкнула белками глаз царица. – Одеваться, – она повернулась к Клеону и неожиданно с силой, наотмашь, ударила его по лицу. – Это, чтобы ты впредь всегда знал свое место...

А в это время Тарулас-Рутилий и Пилумн подходили к дому ростовщика Макробия. Отставной легионер был в хорошем подпитии и болтал без умолку, как старая сорока. Правда, шепотом – осторожный гопломах всякий раз, как только Пилумн повышал голос, цыкал на него.

Возле входа в дом они разделились: Тарулас спрятался за колонной портика, а Пилумн, вместо того чтобы воспользоваться молоточком, подвешенным на цепи, грохнул три раза в дубовые доски двери своим железным кулачищем.

– Кто это там, в такой поздний час? – проскрипел через некоторое время голос за дверью.

– Открывай, старый пень! Это я.

– Да уж кто еще... Хех, хех, – прокашлялся страж дома Макробия. – Хозяин спит. Приходи утром.

– Тебе говорят – открывай! – Пилумн пнул дверь ногой. – Дело срочное.

– Ладно, погодь чуток. Хех, хех...

Звякнули засовы, и на пороге появился сморщенный, как сушеный гриб, старичок.

– Ты не один? – встревожился он, заметив Таруласа.

– Не видишь, что ли... Посторонись, красавчик, – заржал Пилумн, одной рукой схватил старика за пояс, без видимых усилий поднял и переступил через порог.

– Оставь меня, богопротивный! – запищал старичок, дергая ногами.

– Запри дверь и веди к хозяину, – смилостивился Пилумн, опуская его на землю.

Что-то обиженно бормоча под нос, старичок, освещая путь жировым светильником, засеменял впереди полуночных гостей.

Ложиться спать Макробий и не думал. Все его мысли были во дворце. Чтобы хоть как-то успокоиться, он принялся за подсчет своих барышей от недавно проданной пшеницы, доставленной в Понт грузовыми судами из Ольвии*.

Когда к нему ввалился Пилумн, ростовщик едва не упал в обморок: с перепугу ему почудился царский палач.

– Иди спать, мухомор, – смеясь, Пилумн дал пинка под зад старичку-сторожу, путающемуся под ногами. – Я тебя отпускаю. Здорово, Макробий!

– Т-ты... З-зачем...? – заикаясь, проблеял ростовщик, понемногу приходя в себя.

– О, вино! – отставной легионер заметил на столе почти полный кратер, схватил его и жадно прильнул к краю. – Уф-ф... – сказал он, когда сосуд показал дно. – Живут же люди... Эй! Ты еще здесь? – Пилумн обернулся к старичку – из-за приоткрытой двери тот знаками пытался что-то объяснить своему хозяину. – На! – ткнул ему в руки пустой кратер. – Наполни под завязку. Самым лучшим вином. И смотри, без обману! Иди, иди, это приказ хозяина. Видишь, он кивает.

– Как посмел! – наконец прорвало Макробия. – Грубая, неотесанная скотина!

– А вот это ты зря... – добродушно заметил Пилумн; к нему после дармовой выпивки вернулось хорошее настроение. – Я к тебе гостя привел.

– Поди вон... – уже сдержанней проговорил Макробий, только теперь заметив за широ-
ченной спиной Пилумна худощавую фигуру незнакомца.

– Почему ты хотел моей смерти, Макробий? – спросил Тарулас, отстраняя Пилумна.

– Ты... ты кто? – побледневший ростовщик встал.

– Это тот человек, за жизнь которого ты мне сегодня пообещал два золотых ауреуса.
Всего-то! – негодующий Пилумн выругался.

– Меня предали... – прошептал чуть слышно Макробий и рухнул на скамью, как подко-
шенный.

– Макробий, ты не ответил на мой вопрос, – в глазах Таруласа сверкнул опасный огонек.

– Говори, горбатая образина, когда тебя спрашивают! – рявкнул Пилумн. – Слушай,
брат, – обратился он к Таруласу, – что ты с ним церемонишься? Дай я ему для начала врежу
как следует. Чтобы у него в голове прояснилось, – отставной легионер сжал кулаки.

– погоди, – остановил его гопломах, склоняясь над помертвевшим ростовщиком. – Мак-
робий, мне нужно знать, по чьей воле ты задумал это черное дело? И берегись – если солжешь,
я не дам ломаной лепты* за твою жизнь.

– Уж я об этом позабочусь, будь спокоен, – снова встрял Пилумн. – Придушу, как клопа.

– Я... я все скажу... – отчаявшийся ростовщик сполз со скамьи на пол, пытаясь встать
на колени. – Только пощадите. Это все Авл Порций, будь он проклят. Пригрозил... и я испу-
гался...

– Ха! – не сдержался Пилумн. – Пригрозил, испугался... – передразнил он косноязычную
речь Макробия. – Лисий хвост, змеиное жало! – выругался. – Не верь ему, брат. Лжет, лукавый
сатир, даю голову на отсечение. Позволь, я ему пятки поджарю, – протянул руку к светильнику.

– Нет, нет! – в ужасе замахал руками ростовщик. – Останови его! – он вцепился в плащ
Таруласа. – Я говорю правду! А чтобы ты мне поверил, расскажу все, что мне известно, о
замысле страшном. Авл Порций, все Авл Порций...

Неожиданно Пилумн неслышным кошачьим шагом подскочил к двери, рывком отворил
ее и втащил в комнату здорового парня. Это был уже знакомый нам слуга ростовщика,
толстощекий, крепко сбитый мальчик с блудливыми глазками.

– Не суй свои ослиные уши в каждую щель, – назидательно сказал Пилумн и отвесил ему
такую затрепину, что парень кубарем покатился по полу.

Отставной легионер принял горделивую позу с намерением произнести нравоучитель-
ную речь, но слуга оказался на удивление быстрым и строптивым – мигом вскочил на ноги,
выхватил нож и бросился на Пилумна. Нимало не смутившись, Пилумн точным движением
перехватил руку с клинком и с лентой ударил парня кулаком по лбу, будто быка обухом на
бойне – сверху вниз. Даже не вскрикнув, слуга свалился у ног отставного легионера.

– Вот что бывает с глупцами, – назидательно обратился Пилумн к Макробию. – Те два
ауреуса, что ты мне должен, можешь потратить на похороны этого осла, – он показал на тело
слуги. – И поторопись, Макробий, не зли меня. Говори.

– Да, да... конечно... – Ростовщика трясло, как в лихорадке. – Все Авл Порций, это все
он...

«Только бы успеть, лишь бы не опоздать...» – единственная мысль билась в голове Тару-
ласа. Он бежал по улицам ночной Синопы, не выбирая дороги. Гопломах торопился во дворец.
То, что рассказал Макробий, казалось невероятным, но не верить ростовщику он не мог – в
смертном страхе за свою жизнь ростовщик выболтал все подробности заговора. А подобное
вымыслить трудно, да и небезопасно даже такому хитрецу и пройдохе, как Макробий.

Пилумн давно отстал – бежал он неважно. Впрочем, нельзя сказать, что отставной легио-
нер торопился: возле дворца можно было нечаянно встретить тех, у кого Пилумн позаимство-

вал без их согласия кошельки, чтобы оплатить Сабазию за вино и любимый им бараний окорок, нашпигованный чесноком.

Дворец был окружен огненным кольцом факелов. Гоплиты стояли стеной, суровые и молчаливые: страшная весть о покушении на Митридата Еввергета, любимого ими за простоту в общении и храбрость в боях, уже выметнулась из царских покоев словно лесной пожар в летнюю сушь. Толпы синопцев кружили водоворотами, стекая ко дворцу ручейками из улиц и переулков, – они неведь как узнали о случившемся несчастье.

Обессилевший гопломах при виде столпотворения у стен дворца застонал в отчаянии – поздно... Поздно! Понутив голову, он медленно, с трудом переставляя ноги, побрел прочь, в темноту, подальше от тревожно мерцающих огней.

Когда в одном из проулков на Таруласа упала прочная сеть, и чьи-то грубые руки заваляли его наземь, сопротивляться он уже не мог – его вдруг охватила смертельная усталость и безразличие. Только инстинкт самосохранения заставил гопломаха встать на четвереньки, чтобы стряхнуть с плеч потные тела напавших. Но подняться на ноги и разрубить сеть он не успел – тысячи зарниц полыхнули перед глазами, склубились в огненный шар, сжигающий мозг, и ввергли его в грохочущую бездну...

Глава 7

«Клеон, сын шакала и змеи! Негодяй, каких свет не видывал! И этот трусливый прелюбодей возомнил себя великим полководцем? Ха-ха! Стратег Понтийского государства Клеон, сын Хариксена. Видят боги, смешнее не придумаешь...» – так размышлял таксиарх* Диофант, сын гиппарха Асклепиодора, молодой, но уже заслуженный воин. Он возвращался с унижительного приема во дворце, где ему пришлось отдавать воинские почести новоиспеченному стратегу.

После похорон Митридата V Еввергета на трон села царица Лаодика. В завещании, которое верховный жрец богини Ма Даипп обнародовал на городской агоре при большом стечении синопцев, царь назначил своим наследником сына Митридата. Но по законоуложениям Фарнака I Понтийского править государством мог только тот, кому исполнилось восемнадцать лет. Поэтому до совершеннолетия Митридата его должна была опекать мать Лаодика, на это время увенчавшая свою голову царской китарой.

Царица Лаодика свой крутой нрав показала сразу же. Едва свершились погребальные церемонии, как она отстранила от больших государственных дел всех тех, кто был в чести у ее усопшего мужа.

Стратега Алкима царица направила в пограничные епархии* Понта для усмирения катойков*, грабивших купеческие караваны и сборщиков форося*. Войск ему Лаодика не дала, приказав, словно в насмешку, собрать ополчение из кардаков*. Земледельческие работы были в самом разгаре из-за поздней весны, и кардаков можно было поставить в строй только с помощью арканов.

Наварха понтийского флота Гермайю она услала в его родной город Амис, где тот должен был присматривать за постройкой судов на верфях, чем до этого занимался с успехом купец-вольнотпущенник из племени тавров*. От такой «милости» Гермайя слег, и его домочадцы не без основания опасались, что он не дотянет до лета.

Начальника следствия Моаферна царица вообще отстранила от дел, посчитав виновным в скоропостижной смерти супруга. Чтобы не искушать судьбу, Моаферн, имевший кое-какие соображения по поводу убийства царя, поторопился исчезнуть в неизвестном направлении вместе с женой и малолетним сыном.

А гиппарх Асклепиодор, сославшись на преклонный возраст, сам подал в отставку и уехал в свой богатый хорион выращивать оливы и разводить тонкорунных овец.

Только главный жрец богини Ма, хитроумный Даипп, оказался царице не по зубам. Он по-прежнему продолжал плодить сикофантов, с большим рвением травивших вероотступников и опустошавших бездонную храмовую казну – за каждый донос полагалась круглая сумма.

Жили сикофанты припеваючи, безбедно – после кончины царя в народе пошел разброд и смута. Тому способствовало и то, что воцарившая Лаодика весьма благоволила к Риму – словно стервятники на падаль слетались в Понт римские купцы, ростовщики и просто авантюристы всех мастей, любители поживиться за чужой счет. Ремесла стали приходить в упадок, крупные эргастерии прибрали к рукам все те же римляне, а торговлю знаменитой синопской краской цвета огненного заката, которой расписывали стены дворцов, посуду и добавляли в керамические изделия, перекупил ростовщик Макробий с помощью горе-стратега Клеона.

Народ нищал, понтийские купцы и владельцы хорионов роптали, наемные гоплиты пьянствовали, попрошайки становились ворами и убийцами, а среди придворной знати, поначалу весьма благосклонно отнесшейся к перемене власти, нарастало недовольство – золотой поток, благодаря «стараниям» неутомимых и жадных квиристов, значительно иссяк, и их кошельки стали напоминать тощее вымя старой козы...

Таксиарх Диофант шел к иудею Иораму бен Шамаху. Царица Лаодика от услуг старого лекаря отказаться не решилась – достойной замены ему подыскать не удалось. Паппий был не в счет: молод, неопытен; его приставили к будущему царю Понта юному Митридату.

Диофант был строен, высок и легок в ходу. Черные выющиеся волосы, высокий лоб мыслителя и быстрые, умные глаза выдавали в нем натуру ранимую, увлекающуюся и небесталанную. Так оно и было – молодой таксиарх, кроме воинских доблестей, обладал незаурядными способностями к сочинительству. Особенно Диофанта привлекла история. Его трудами по истории Понта восхищались такие признанные авторитеты, как поэт Мирин, грамматик* Тиранион и даже сам патриарх понтийских мыслителей престарелый философ Тимофей Патрий. А астроном Биллар, творец огромной сферы, изображающей небесный свод вокруг Земли и движение планет (она была выставлена в Синопе для всеобщего обозрения возле бронзовой статуи основателя города Автолика*, изваянной знаменитым скульптором Сфеннидом), подарил Диофанту в знак признания его заслуг на поприще истории многократно уменьшенную копию своего творения из электра*.

Но, как мы уже знаем, совсем иные мысли обуревали Диофанта – историческим коллизиям в них места не было...

Иорам бен Шамах, как всегда, был приветлив и гостеприимен. Смерть царя полностью выбелила его пегую бороду и проложила новые морщины на лице, но держался иудей по-прежнему прямо, а в глазах светились огоньки острого ума и пронизательности.

– ...Клеон, этот негодяй и растлитель, посчитал себя ровней людям знаменитым и заслуженным! – Диофант был вне себя от негодования. – Лаодика тоже хороша – не успело остыть ее супружеское ложе, как она затащила туда Клеона. Блудливый пес! Он уже примеряет царскую китару. Срамота!

– Клеон... – Лекарь задумчиво оглаживал бороду. – Весьма глуп, развратен, но хитер... Такие люди способны на любое преступление ради удовлетворения своих низменных страстишек и тщеславия.

– Он трус! Жалкий, ничтожный человечешко, – презрительно покривил полные, резко очерченные губы Диофант.

– Молодость... – с мягкой улыбкой покачал головой иудей. – Но это пройдет. К сожалению... – он вздохнул. – Если самого никчемного запаршивевшего кота загнать в угол, он может превратиться в бешеного барса.

– Я едва не помер от стыда на приеме у царицы. Перед этим... «барсом» склоняли головы самые знатные и уважаемые граждане Синопы. Нужно было видеть, как он пыжился, нужно было чують, какие запахи источали его одежды. Несло благовониями, словно от дешевой уличной гетеры.

– А ты? Как поступил ты, мой юный друг?

– Уж я-то голову перед ним не склонил, – с вызовом потрянул кудрями Диофант. – Постарался встать позади всех.

– Мудро, – с одобрением посмотрел на него Иорам бен Шамах. – Не нужно дразнить змею без нужды.

– Я хочу оставить службу. Буду писать трактаты по истории. Нет сил пресмыкаться перед этим выскочкой.

– А вот этого делать не стоит.

– Почему?

– Диофант, ты нам нужен. Очень нужен. И именно там, где требуются твои воинский талант и гражданское мужество.

– Нам? Прости, Иорам, но я не понял... Кому?

– Не требую от тебя слова в сохранении тайны, которую ты сейчас узнаешь. Ибо верю, что честь для таксиарха Диофанта – не пустой звук... Скоро грядут великие перемены в Понте. К ним надо быть готовым, но их необходимо поторопить, положив ради этого немало сил, а то и жизней.

– О каких переменах ты говоришь?

– Царица Лаодика управлять Понтом не способна. Мы постепенно превращаемся в провинцию Рима. Позор! На троне должен быть юный Митридат. Только он способен продолжить начатое его отцом. Свобода – не отвлеченное понятие. Смысл его – это сильное, способное постоять за себя, государство Понт. Где властвует умный правитель, где все веры равны, и никто не будет отбирать у нищего последний кусок хлеба, чтобы заплатить дань Риму, и где вместо грязных доносов и наушничества, ведущих к распрям, воцарятся труд и благоденствие. Уже есть люди, готовые поддержать и словом и делом будущего царя Понта Митридата. И ты, надеюсь, тоже будешь в их числе.

– Я готов! – взволнованно воскликнул Диофант. – Что от меня требуется?

– Выдержка и еще раз выдержка. Ты должен войти в доверие к Лаодике и получить под свое командование царскую хилию, а также галлов. Да, я знаю, что это будет трудно, – правильно истолковал Иорам бен Шамах сомнение, проявившееся на лице Диофанта. – Митридат Евергет был чересчур благосклонен к сыну гиппарха Асклепиодора. Правда, за его воинские заслуги. Но я знаю и то, что гоплиты хилии и Арторикс не потерпят тугоумных бездарей, метящих на место хилиарха* при посредничестве Клеона. А царица вовсе не глупа, и бунта в своих отборных войсках не допустит. Думаю, ей подскажут, кто достоин этого поста... – хитро улыбнулся иудей.

– Это все?

– Нет. Самое главное – уберечь юного Митридата от злого умысла. Я боюсь за его жизнь.

– Ты думаешь...?

– В этом я почти не сомневаюсь. Мне довелось предпринять кое-какие меры, чтобы убереечь его от отравителей. Но зло многолико, а Митридат не Ахилл*. Убийца царя до сих пор не найден. Кто знает, не готовит ли он снова свое зелье...

– Мне сообщили, что внезапно исчез главный евнух.

– Я знаю. На следующий день после смерти Митридата Евергета. Кто-то старательно замывает следы. Могу сказать больше – нового повара взяли в царский дворец по велению Лаодики.

– Неужели?... – Диофант содрогнулся.

– Мысли человеческие нельзя прочесть, а поступки – предугадать. И в том великая мудрость творца нашего. Добро и зло непредсказуемы, но в их противоборстве рождается то равновесие, которое не позволяет царству тьмы завладеть Землей. Как день сменяет ночь, так и эти два противоположных начала мироздания находятся в вечном движении, ведут между собой бесконечный спор. И истина в этом споре – раннее утро, когда черные тени голубеют, а свет еще не настолько ярок, чтобы ослепить зрячего. Лаодика – женщина, пусть царского рода, но в ее жилах течет кровь такого же цвета, что и у храмовой иеродулы...

Царица Лаодика бесцельно слонялась по андрону. Пустынный зал множил звуки шагов, вызывая тревожное чувство ожидания чего-то таинственного, какой-то неведомой опасности, непостижимой уму. Временами ей казалось, что следом кто-то крадется; она резко оборачивалась, ее глаза впивались пустоту и неяркий свет заката, и вздох облегчения невольно вырывался сквозь пунцовые губы.

В андрон она приходила часто. Что-то влекло ее сюда; может, жажда уединения, а возможно, и нечто другое, о чем Лаодика боялась даже подумать.

Государственные дела, в которые она поначалу окунулась с головой, теперь стали ее раздражать. По-прежнему ей нравилось лишь одно: восседая на троне, принимать чужеземных послов, рассыпать царские милости, а особенно – вершить высокий суд над смутьянами: их оказалось на удивление много. Преемник опального Моаферна, новоиспеченный стратег Клеон, из жадности решивший совмещать две весьма важные в Понте должности, находил заговорщиков даже там, где их и в помине не было. То, что он просто сводил счеты со своими недругами, царицу особо не волновало, хотя об этом ей не раз докладывали придворные. Главным для нее было, чтобы конфискованное у заговорщиков имущество не миновало царской казны.

– Госпожа... – служанка-галатка появилась в андроне бес шумно, словно призрак.

Лаодика вздрогнула и отшатнулась, едва сдержав возглас испуга.

– Негодная... – перевела царица дух и больно дернула служанку за ухо. – Как ты посмела... в этот час?

– Простите, госпожа, но Авл Порций Туберон... – галатка склонила голову, стараясь скрыть невольные слезы.

– Убирайся вон, дерзкая! Видят боги, я долго терпела твоё своеволие. Я приказала до ужина меня не беспокоить! – царица распалась все больше. – Вот как ты исполняешь мою волю! Грязная девка! Эй, кто там! – царица хлопнула в ладони. – Стража!

На зов Лаодики, не очень поспешая, явился хмурый бородатый галл.

– В эргастул эту мерзавку! Ну, что ты стоишь, как пень?!

Уведи ее.

Галл, что-то ворча под нос, слегка подтолкнул рабыню к выходу и равнодушно кивнул, изображая поклон.

– И скажи, пусть пригласят сюда римлянина! – крикнула ему вслед царица.

Авл Порций выглядел неважно. После отъезда Марка Эмилия Скавра он остался единственным полномочным представителем Рима в Понте. Тайное стало явным – римский агент теперь вместо варварских одежд носил ангустиклаву* и занимался делами весьма далекими от торговых операций. Он еще больше похудел, а в глазах появился тревожный, лихорадочный блеск, так не свойственный его меланхолической натуре.

– Приветствую тебя, несравненная, – склонился он перед царицей.

– Ты, как всегда, не вовремя, – Лаодика все еще была во власти гнева. – И конечно же с плохими новостями. Я их слышу каждый день, мне это надоело.

– Вовсе нет, царица. Наоборот – известие, полученное мною сегодня из Рима, надеюсь, и тебя обрадует.

– Наверное, авгуры* нашли журавля, несущего золотые яйца, – съязвила Лаодика.

– Даже такое божественное знамение, случись оно, не могло бы принести квиритам больше радости, нежели смерть Гая Гракха.

– Да? Я знала его... Что с ним случилось?

– Народ не смог больше терпеть его бесчинств. К тому же он осквернил себя убийством. Когда Сенат пригласил Фульвия Флакка и Гая Гракха для оправданий, они не подчинились и, вооружившись, бежали на Авентинский холм*, а затем заняли храм Минервы*. Консул Опиций – хвала ему! – действовал решительно, послав две манипулы, чтобы арестовать мятежников. Гай Гракх пытался бежать, но был убит своим рабом.

– Но какая лично тебе польза от его смерти? Ты ведь принадлежишь к всадническому сословию, а братья Гракхи для вас сделали немало. Чего стоят одни только судейские полномочия над всеми римлянами, в том числе и над патрициями, полученные всадниками из рук трибуна Гракха.

– Я – квирит! – Авл Порций был раздосадован словами царицы. – Республика была в опасности по вине братьев Гракхов. А укрепление могущества Рима – обязанность всех его граждан, независимо от сословий.

– Мне мало понятны ваши распри, – устало сказала царица, опускаясь на скамью. – Но какое отношение гибель Гая Гракха имеет к Понту?

– Самое прямое. Теперь никто и ничто не сможет помешать нам направить войска в Пафлагонию, чтобы помочь тебе, блистательная, подавить мятеж...

Восстание в Пафлагонии, вспыхнувшее с легкой руки Эмилия Скавра, несмотря на то что он достиг своей цели иными путями, теперь уже тревожило и Сенат. Одно дело отхватить добрый кус от владений Понта и получить новую богатую провинцию, а другое – приобрести на свою голову сильного противника. События в Пафлагонии, где восставшие стали избивать римских купцов и ростовщиков, как раз и предполагали второе.

– Помощь и впрямь нужна. И в большей мере деньгами, а не войском. Нам нечем платить гоплитам.

– Если хорошо поискать, деньги можно найти и в Понте, – вкрадчиво сказал Авл Порций. – Казначей царя Митридата Еввергета выдал стратегу Дорилаю Тактику весьма солидную сумму. Интересно, для чего? Прикажи ему своей царской властью, чтобы он вернул полученное золото в казну.

– Дорилай Тактик... – Лаодика гневно сдвинула тонкие шнурочки выщипанных бровей. – Он теперь на Крите. В Синопу вернуться отказался. Предатели, везде предатели и заговорщики! – Царица вскочила со скамьи и погрозила кулаком в сторону открытого окна. – Ненавижу! Выжечь эту скверну каленым железом!

– Что верно, то верно... – Авл Порций невозмутимо поигрывал массивной золотой цепью, висевшей на шее – дань варварским обычаям Востока. – И чем скорее, тем лучше. Кстати, у Дорилая остался в Синопе приличный дом и кое-какое имущество. За это на торгах можно кое-что получить. Если на то будет твое высочайшее соизволение, ростовщик Макробий готов еще раз послужить тебе.

– Несомненно, – неприкрытый сарказм прозвучал в мелодичном голосе Лаодики. – У Макробия нюх шакала и жадность оголодавшего волка, режущего овец без разбору не для того, чтобы насытиться, а по принципу – если уж не мне, так пусть и другим не достанется.

– Так ведь и риск немалый, царица. У Дорилая Тактика вполне достаточно в Синопе родни, чтобы сделать Макробию еще один горб.

– Ладно... – царица вздохнула. – Пусть будет Макробий... Я прикажу агораному передать Макробию опись имущества и ключи от дома Дорилая.

– А о новом займе для нужд Понта я похлопочу. Можешь на меня положиться. – Авл Порций помедлил, затем вкрадчиво спросил: – В скором времени в Рим отправится караван торговых судов, и мне хотелось бы знать, как себя чувствует человек, которого я поручил заботам твоих тюремщиков? Его нужно отправить туда в полном здравии.

– Он в эргастуле. За ним следят неусыпно и кормят хорошо. Я помню свое обещание. Впрочем, можешь удостовериться лично.

– Я признателен тебе, несравненная, – Авл Порций склонил голову. – А теперь позволь мне откланяться.

– Ты не останешься на ужин?

– Прости, царица, дела. К сожалению, день так короток...

Авл Порций торопился к ростовщику Макробию. Горбун после ночного визита к нему Пилумна и Рутилия-Таруласа теперь редко выходил из дому даже днем. Он нанял десяток телохранителей, звероподобных горцев, и завел огромного сторожевого пса.

– ...Этот проклятый Восток меня в конце концов доконает, – пожаловался Макробий римскому агенту. – Вместо при были одни расходы – на лекарства. Негодный иудей, царский

лекарь, дерет за свои отвратительные вонючие снадобья три шкуры. А Фебрис* по-прежнему колотит меня денно и ночью. Трясусь, как заячий хвост.

Вид Макробия и впрямь оставял желать лучшего. По его желтому, изможденному лицу расползлись островки красной сыпи, а лихорадочно блестящие глаза казалось вот-вот выскочат из орбит. Он сидел на скамье, закутавшись в пенулу*, несмотря на то, что на исходе был самый жаркий месяц, гекатомбеон*, и даже ночи не приносили жителям Синопы желанной прохлады.

– Обратись к Паппию. Он молод, но весьма искусен. Многие знатные люди Синопы предпочитают лечиться у него, а не у старого иудея.

– Ай, какая разница! – в раздражении воскликнул Макробий и отхлебнул из фиала несколько глотков подогретого вина с пряностями. – Их бог Асклепий такой же сребролюбец, как и наш Меркурий.

– Хвала богам, что хоть воздух бесплатный, – ухмыльнулся Авл Порций и потянулся к кратеру, чтобы налить себе вина.

И тут же в испуге отдернул руку – в триклинии* раздался хриплый и злобный рык.

– Тише, тише, успокойся, Луперк*... – Макробий положил руку на загривок широкогрудого пса, лежащего у его ног.

Кличка была удачной – пес и впрямь смахивал на матерого волка: темно-серая густая шерсть, мощные лапы, массивные челюсти с огромными белыми клыками, острые уши торчком и горящие злобой глаза, следившие за каждым движением гостя.

– Ты и здесь верен себе, Макробий, – раздраженно проворчал Авл Порций. – Другие заводят для развлечения рабынь, а ты приобрел пса. Не так накладно – одевать и дарить дорогие украшения не нужно, а кормить можно объедками и костями.

– Он мне обошелся недешево, – ласково погладил тихо урчащего Луперка ростовщик. – Зато я могу быть уверен, что этот пес меня не обманет и не предаст.

– Вольному воля... – не стал возражать гость. – Я к тебе по важному делу, Макробий.

– А когда ты приходил ко мне просто так, чтобы проведать всеми забытого, больного старика? – ехидно осведомился ростовщик.

– Ты еще меня переживешь. Волнения и заботы, выпавшие на мою долю здесь, в Понте, видят боги, уже изрядно укоротили мой век.

– Зато тебе за твои великие заслуги еще при жизни отольют из бронзы памятник и поставят его на Форуме*, – снова съехидничал Макробий.

– Эти слова доказывают, что болезнь не притупила твой острый ум, мой дорогой. А он-то как раз мне сейчас и нужен.

– Ты опять что-то затеваешь? – встревожился ростовщик. – Оставь меня, наконец, в покое! Мало ли я передрожал совсем недавно.

– Надо же как-то возместить твои расходы на лекарства, – растянул губы в улыбке Авл Порций.

– Бессмертные боги! – поднял глаза к потолку Макробий. – Будь проклят тот день, когда я ступил на корабль, чтобы плыть в эту дыру! Стоило ли мне претерпеть столько бед и невзгод, чтобы встретить тебя здесь, Авл? Вижу, вижу, как моя неприкаянная тень блуждает в царстве Плутона, несчастная и отверженная всеми... – горестно вздохнул он и украдкой посмотрел на ухмыляющегося гостя. – Так что тебе снова пришло в голову?

– Волчонок показывает зубы...

– Ты с ума сошел! – вскричал в ужасе ростовщик; пес вскочил и зарычал. – Фу, Луперк! Нет, мне и впрямь не миновать виселицы.

– Он дерзок и упрям. Царице Лаодике с ним никакого сладу нет.

– А нам что за дело? Это ее личное горе.

– Не скажи, Макробий... Юный Митридат ненавидит римлян. И даже не скрывает этого. Он чересчур умен. А это очень опасно. Трон Понтийского государства ждет его, и не за горами то время, когда он наденет китару и накинёт на плечи палудамент*. И как ты думаешь, против кого тогда царь Митридат повернет копьё своих гоплитов? Долго гадать тут не приходится.

– Я не думаю, что будет именно так, но случись это, тогда и...

– Тогда будет поздно, – бесцеремонно перебил ростовщика Авл Порций.

– Я стар и немощен, – жалобно простонал Макробий, плотнее укутываясь в пенулу. – Много ли проку от меня?

– Мне нужны твои люди, – сказал римский агент и добавил: – Уезжая, Скавр настоятельно просил меня присмотреть за юным Митридатом.

– Просил присмотреть... – повторил Макробий – он наконец понял, откуда ветер дует.

– По моему глубокому убеждению, царица Лаодика отнюдь не против воссесть на троне до тех пор, пока ей не вложат в уста навлон*.

– Все в этом мире перевернуто с ног на голову, – с осуждением сказал ростовщик; на его лице появилась гримаса отвращения. – Даже звери дикие не способны на то, что свершает высшее творение божественных дланей. Надеюсь, она не заявила тебе об этом прямо?

– Лаодика ненавидит юного Митридата. Уж очень он похож на отца. Я знаю – она спит и видит на троне второго сына, Хреста. Конечно, после своей кончины.

– Вот и верь после этого в женскую благодарность. Митридат Евергет, можно сказать, облагодетельствовал ее, взяв в жены. В приданое она получила благословение Сената, мало чего стоившее, да пеплум* и паллий* с чужих милостей. И ларец с неоплаченными долговыми расписками ее отца. Царица Понта – мало ли? Ладно про мужа – пусть его... Но сын?! Родная кровь. Нет, я отказываюсь понимать подобное.

– С чего это ты расчувствовался, Макробий? – насмешливо поинтересовался Авл Порций.

– Если я скажу, что ничто человеческое мне не чуждо, ты все равно не поверишь, – резко ответил ростовщик. – Но, клянусь Юпитером, в этом грязном деле принимать участия не буду. Ни за какие деньги. Я умываю руки, – Макробий встал. – Людей ты получишь. Можешь ими распорядиться по своему усмотрению. Но не от моего имени. Я отбываю из Синопы.

– Когда? – Авл Порций был поражен неожиданной строптивостью обычно падкого на деньги ростовщика.

– Видно будет... – уклонился от прямого ответа Макробий. – Я болен и хочу поехать на воды. Мечтаю снова ощутить благодное тепло целебных римских терм*. Прощай, Авл Порций. И мой тебе совет – не промахнись. И еще раз поклонись Консу*. Не лишнее. Трудно сказать, чего можно ждать от этой, с позволения сказать, женщины...

Авл Порций долго не мог прийти в себя от изумления: Макробий, расчетливый, прижимистый и жадный, как редко кто другой, на этот раз не захотел взять золото, само плывущее ему в руки! «По-моему, он и впрямь серьезно болен, – размышлял Авл Порций по дороге к своему дому. – Я бы не сказал, что он так уж испугался. Да и не впервой... Нет, он явно не в себе. Что делает с человеком болезнь...»

А Макробий, которого всю ночь трепал жесточайший приступ лихорадки, думал в редкие моменты просветления: «Нужно предупредить юного Митридата. Пусть поостережется. Конечно, не называя имен... Предупредить? Нет, это невозможно! Но мне нравится этот мальчик... Что делать?! Бежать! Куда глаза глядят, но только не мешкая...»

Глава 8

Подземный эргастул царского дворца казался впервые попавшему туда входом в страшное царство Аида. Когда-то здесь была каменоломня, где добывали желтовато-белый известняк для постройки зданий быстро растущего города. Но уже при Фарнаке I Понтийском, хитростью захватившего Синопу и сделавшего ее столицей Понта, замысловато сплетенный лабиринт выработок под дворцом перегородили железными решетками на каморки, а на вход навесили дубовую дверь, окованную медью.

От двери вниз вели двадцать три ступеньки из осклизлых камней. Стены подземелья были покрыты буро-зеленой плесенью, по ним стекала вода, скапливаясь в зловонных водосточках-канавках. Неподвижный воздух казался липким, густым, как патока. Факелы, закрепленные через равные промежутки по всему подземелью, горели тускло и чадно. Их почти бестрепетное желто-оранжевое пламя высвечивало лихорадочно блестящие глаза узников, с надеждой взирających на тюремщиков, сопровождавших очередную жертву эргастула, – вдруг случится долгожданное чудо: звякнут тяжело засовы, завизжат несмазанные петли и в лицо пахнет чистый и сладкий, как глоток родниковой воды, воздух свободы.

Но, увы, шаги и бряцание оружия затихали за поворотом, и снова воцарялась гробовая тишина, изредка нарушаемая слабыми стенаниями или кашлем. Громко разговаривать, а тем более кричать запрещалось. За подобные проступки несчастных бросали в каменный мешок, где пол был покрыт ледяной водой по щиколотки. Редко кто выдерживал там больше трех-четырёх дней...

Бедная галатка, служанка царицы, которую стражник швырнул на прелую солому в тесной камере, отгороженной от коридора толстенными ржавыми прутьями, едва не потеряла сознание – спина, иссеченная розгами до крови, горела, будто ее посыпали солью. Она уткнулась лицом в ладони и заплакала. «Будьте вы все прокляты! Пусть вас вечно преследуют эриннии! – шептала галатка искусанными губами. – Да поразит тебя, злодейка, страшная Ата*... – вспомнила она и свою госпожу, царицу. – О, Великая Кибела*, мать всего живого, заклинаю – свергни их всех в Таргар*, напусти на них львов и пантер своих...» Так и проплакала она, пока усталость не сомкнула очи.

Проснулась галатка от шороха и писка. Чьи-то тени метались по полу камеры, освещаемой догорающим факелом, закрепленным в стене коридора. Покрытый шерстью комок быстро прокатился по ее телу и ткнулся в лицо чем-то холодным и влажным. Крыса! Девушка, не помня себя, вскочила на ноги и закричала.

– Перестань... – негромкий хриловатый голос заставил ее умолкнуть. – Не то накличешь на себя большую беду. Это всего лишь крысы. Они мирные, нас не трогают. Во всяком случае, их общество куда приятнее вечно пьяных двуногих скотов, сторожащих эргастул.

– Кто это? Где ты? – воскликнула галатка, обрадованная участием, прозвучавшим в низком мужском голосе.

– Подойди к стене слева. Нагнись. Ниже. Говори тихо...

Девушка опустилась на колени и увидела, как из небольшого отверстия в стене высунулась рука.

– Я здесь, рядом. Буду теперь твоим соседом.

Галатка схватила руку узника и с благодарностью сжала ее.

– Мне страшно, – она всхлипнула, из глаз брызнули слезы. – Они такие большие и мерзкие. Бр-р...

– Ну-ну, не плачь, – рука исчезла, и сквозь дыру на нее уставился поблескивающий в полумраке глаз.

Неяркий свет факела высвечивал половину сурового, покрытого шрамами лица узника. Густая неухоженная борода закрывала подбородок и рот, над которым нависал большой нос.

– Стена здесь тонкая, вот я и проковырял дыру. Внизу камень рыхлый, а у меня есть металлическая пряжка от пояса. До тебя там был какой-то сумасшедший, по-моему, евнух. Он выл с полмесяца, все просил выпустить. Из-за него никому не было покоя. А потом начал буйствовать. Его бросили в яму, не кормили. Когда дня через три он сюда вернулся, то стал тихим и спокойным, как мертвец. Только кашлял до рвоты.

– И куда он девался? Выпустили? – в девушке проснулась надежда.

– Кгм... Кхр-р... – то ли прокашлялся, то ли так странно рассмеялся узник. – Вот уж чего не знаю... Был – и нет. Я крепко сплю... – и поторопился перевести разговор на другое: – Тебя как зовут?

– Селино... – девушка устроилась поудобней, подмостив под себя побольше соломы. – А ты кто? Как сюда попал?

– Как все, кто здесь гниет. Привели под руки, чтобы нечаянно не споткнулся... – Узник помолчал немного, затем спросил: – Кто теперь правит в Понте?

– На троне моя госпожа, Лаодика. Разве ты этого не знаешь? – удивилась галатка.

– Я тут начинаю забывать, как меня нарекли родители. А стражники с нами разговаривают только пинками и зуботычинами.

Это был гопломах Тарулас. Авл Порций оказался человеком весьма предусмотрительным – кроме Пилумна, нанятого Макробием, он пустил по следу Таруласа-Рутилия и своего телохранителя, рудиария* по имени Зоил, с которым никогда не расставался в своих скитаниях по Востоку. И бывший гладиатор-ретиарий* доказал, что не забыл, как пользоваться сетью...

Авл Порций пришел в подземную темницу через сутки после того, как там оказалась Селино.

– Отвратительно... – бормотал он, зажимая нос куском ткани, обильно политой благовониями. – Но – впечатляет. Думаю, наш друг останется доволен своими хоромами, – зло рассмеялся.

– Чего сказал, господин? – повернул к нему тупую физиономию тюремный страж, топавший впереди с факелом в руках.

– Иди, иди... Тебе послышалось.

Возле камеры Таруласа стражник остановился и рывкнул:

– Вставай, лежебока! Раскормили тут тебя, как борова.

– Дай сюда... – Авл Порций забрал у стражника факел и осветил угрюмого гопломаха, который, щурясь, поднялся и стал вычесывать пальцами запутавшиеся в бороде соломинки. – Оставь нас одних, – приказал он стражнику.

– Не положено, господин...

– Убирайся! – властно прикрикнул на него римлянин. – Ты смеешь мне перечить?! Вон!

– Слушаюсь и повинуюсь, господин, – стражник неуклюже поклонился и поторопился уйти. – Этим римлянам все можно, – злобно бормотал он себе под нос. – Он на меня кричит. Будто я скотина. Клянусь своим мечом, он мне заплатит за это...

– Сальве*, Рутилий! – иронично улыбнулся Авл Порций. – Не узнаешь?

– Старого барана в котле слышно по запаху, – невозмутимо ответил Тарулас.

– Ты все такой же строптивец, бывший стратег Аристоника. Но, по-моему, ты забыл, что мы сейчас не в Пергаме.

– Я это помню. Что ты хочешь? Говори и проваливай отсюда.

– Конечно же я уйду. А ты останешься. И будешь здесь гнить до тех пор, пока тебя не выбросят на поживу воронью.

– Хочешь меня запугать? – гогломах неожиданно рассмеялся. – А ведь ты меня боишься, Авл Порций.

– Признаюсь честно – побаивался. Но теперь... – римлянин пренебрежительно пожал плечами. – В этом эргастуле ты уже мертвец, Рутилий. Впрочем... – Авл Порций понизил голос. – Если мы с тобой договоримся...

– А вот это и впрямь на тебя похоже. Я никогда не сомневался, что ты недоношенный выкидыш Эриды*. Какую новую гнусность затеваешь?

– Зачем грубишь? Можешь не поверить, но я пришел в эту зловонную дыру, чтобы вытащить тебя отсюда. Ты считаешь меня своим врагом – не имею возражений. Это твое личное дело. Но я зла на бывшего стратега Аристоника не держу. И, согласись, победил тебя я. Как сумел – на мечях, сам понимаешь, я тебе не соперник.

– Что тебе нужно?

– Вот так оно лучше... – римский агент приободрился. – Ты выйдешь отсюда. Сегодня. Прямо сейчас. Но дай слово, что исполнишь одно мое поручение. Я знаю, клятве ты верен, потому не сомневаюсь, что не обманешь.

– Какое поручение?

– Поклянись, Рутилий. Только тогда я скажу. Поклянись, и ты снова увидишь солнце, будешь свободен как птица. Свобода стоит дорого, и это тебе хорошо известно. А я прошу всего лишь о незначительной услуге. Дай слово.

– Я тебе не верю. Сквозь твои медовые уста проглядывает змеиное жало.

– Рутилий, подумай. Повторяю – я тебе не враг. Так уж случилось, что наши пути пересеклись. Сражаясь против римских легионеров, ты просто заблуждался. Не обещаю тебе прощение Сената, но жизнь и свободу ты получишь. Мы ведь с тобой римляне. И помощь, оказанная тобой, будет во благо Рима. Цель не менее достойная, чем та, за которую ты сражался в Пергаме.

– Красно говоришь, Авл Порций. Не растрачивай понапрасну свой ораторский пыл. Он тебе пригодится в другом месте. И больше не упоминай Пергам. Ты все равно ничего не поймешь. По поводу твоего предложения... Любому человеку прежде всего нужна свобода. Все дело в том, какими дорогами ты к ней идешь. А вот тут мы с тобой и расходимся во мнениях. Потому я не хочу заниматься твоими грязными делишками, а что это так, готов побиться об заклад. Я достаточно хорошо знаю тебя, Авл Порций. Ты всегда мягко стелешь, да жестко спать приходится. Уходи.

– Это окончательное решение?

– Да, – твердо ответил Тарулас, глядя прямо в сузившиеся от гнева глаза римского агента.

– Пожалеешь... – зашипел Авл Порций, приблизив лицо вплотную к прутьям решетки. – Ты еще не знаешь, что тебя ждет. Внемли и содрогнись! Ты будешь закован в кандалы и отправлен в Рим, где тебя распнут, как паршивого раба. А затем положат твою голову на весы, и я... – Авл Порций торжествующе рассмеялся, будто зарычал, – слышишь, я! – узнаю точно, сколько она весит.

– Думаю, больше, чем твоя, – гогломах совершенно успокоился и стоял, скрестив руки на груди. – За мою голову ты получишь золотом, а вот за твою я бы не дал и медного асса*. Разве что мне когда-нибудь понадобится огородное пугало.

Авл Порций не ответил – захлебнувшись гневом, он круто повернулся и почти побежал по коридору темницы, мысленно изрыгая самые страшные проклятья.

Лишь на городской агоре возле фонтана он немного успокоился. «Строптивец негодный... – думал, наблюдая за радужными струйками. – Надо отдать должное, ты разгадал мои замыслы. Живым из Понта после этого я конечно же тебя бы не выпустил... Но мне так нужен был твой меч и верная рука. Один удар – и юный Митридат лег бы на погребальную колесницу.

Чего проще для тебя, Рутилий. Отказаться от свободы, чтобы заживо гнить в эргастуле или быть распятым? Нет, я этого не понимаю...»

– Кто этот человек?

Робкий девичий голосок прервал размышления Таруласа. Он сел и дружески подмигнул испуганным глазам, смотревшим на него сквозь дыру в стене.

– Негодяй, по ком давно плачет петля.

– Он убьет тебя, – с тоской сказала Селино. – И я останусь здесь одна. И крысы...

– Не бойся, девочка. От судьбы еще никто не ушел.

Тарулас неожиданно встрепнулся: какая-то новая мысль пришла ему в голову.

– Послушай, Селино, – заговорил он шепотом, плотно прильнув к стене темницы. – Если выйдешь отсюда – а так будет, верь! – выполни одну мою просьбу.

– О, Тарулас, пусть твои слова услышит Великая Матерь! Клянусь всеми богами галатов, если меня выпустят, я исполню все, о чем бы ты ни попросил.

– Выпустят, не сомневайся. Провинность твоя ничтожна, а царица, – гоплюмах хмуро улыбнулся, – не захочет нести убытки, покупая новую рабыню. Такие, как ты, Селино, дорого стоят... Ты знаешь, где находится харчевня «Мелисса»?

– Приблизительно. Найду.

– Разыщешь хозяина харчевни, его кличут Сабазий, и попросишь, чтобы он свел тебя с Пилумном. Запомни хорошенько это имя – Пилумн. Расскажешь ему, где я нахожусь. Если ты кому-либо проговоришься, то погубишь и себя, и меня, и еще человек десять.

– Я скорее проглочу свой язык, чем сболтну лишнее. Верь мне, Тарулас...

Галатку выпустили из эргастула через двое суток – Тарулас оказался прав. Лаодика в услужение к себе ее пока не взяла, а отправила в назидание исполнять на кухне самую грязную и тяжелую работу – мыть полы и посуду. Впрочем, и этой немилости девушка была рада без памяти.

Спустя четыре дня, вечером, Селино отправилась на розыски «Мелиссы», упросив повара, чтобы он доверил ей закупки дешевого кислого вина для кухарок. Харчевня, как всегда, полнилась людьми. В этот вечер их было даже больше, чем обычно – ремесленники Синопы отмечали праздник Вулканалий*.

Чужеземцу, впервые приехавшему в Понт, трудно было разобраться в обычаях и верованиях понтийцев. Невообразимое смешение племен и народов породило не менее невероятную смесь религий. Здесь поклонялись богам олимпийским и каппадокийским, фригийским и сирийским, божествам Персии, Египта, Фракии, Галлии, Иудеи – всех не перечесать.

Главенствующее положение в этом сонме божеств занимала богиня Ма, жрецы которой пользовались поддержкой понтийских царей и знати. Главный храм Ма-Эннио находился в Комане* Понтийской, а верховный жрец богини имел право носить диадему и был вторым лицом в государстве после царя.

Римляне и италики*, наводнившие Синопу в последние годы, тоже внесли свою лепту в многоликость религиозных верований, что весьма поощрялось коллегией понтификов* Рима. Поэтому Вулканалии, как и другие праздники римского календаря, щедро оплачивали купцы и ростовщики-квириты, устраивая дармовые угощения для демоса. Пусть вино было прокисшим, а лепешки черствыми, и вместо мяса подавали кости, но нищим попрошайкам и полуразорившимся из-за тех же римлян ремесленникам и это казалось даром небес...

– Иди к нам, красotka! Выпей!

– Дай обнять тебя, п-птичка... М-му...

– Оставь ее в покое, пьяный сатир! Она моя, я плачу. Иди ко мне, девочка, я сегодня щедр...

Таковыми возгласами встретили в харчевне оробевшую Селино. Кто-то из гуляк схватил ее за руку, но она вырвалась и спряталась за спину старой гетеры, тощей галатки с плоской грудью и желтым, испитым лицом.

– Вы, курошпы! – прикрикнула гетера на пьянчужек. – Не про вас товар. Убери свои клешни, сын ослицы, не то тресну по башке кувшином! – голос у нее был хриплый, словно простуженный.

– Спасибо тебе... – пролепетала испуганная Селино.

– Еще чего... Не за что. Зачем пришла сюда? – опытным взглядом гетера окинула с ног до головы стройную девичью фигуру. – Если хочешь хорошо заработать, у меня есть на примете богатый господин. Тебе он заплатит, сколько попросишь. Но учти – отдашь мне четвертую часть. Ну, идем?

– Мне нужен Сабазий...

– А! – воскликнула гетера с непередаваемой смесью презрения и удивления в голосе. – Ты меня сразила наповал, милочка. Зачем тебе нужен этот скопец? Что он будет с тобой делать? – она расхохоталась и добавила такое, от чего Селино покраснела до ушей: – Да он скорее удавится, чем переплатит лишний обол.

– Я хочу видеть Сабазия, – уже тверже сказала Селино, немного освоившись в чадной жаре харчевни.

– Ты просто глупая девчонка. Ну, как знаешь... Поди туда, – показала гетера на неприметную дверь рядом с пылающим очагом, над которым дюжий раб-кликиец ворочал огромный вертел с двумя нанизанными бараными тушами. – Там и найдешь этого сквалыгу...

Сабазий как раз смешивал вино в амфоре – доливал к доброму, выдержанному кипрскому кислое и водянистое боспорское.

– Что ты здесь забыла? – злобно блеснул он на Селино единственным глазом.

– Где я могу найти Пилумна?

– Откуда мне знать? – насторожился Сабазий. – И вообще – почему о нем ты спрашиваешь у меня?

– Один человек сказал, что тебе известно, где он находится.

– И кто этот всезнайка?

– А вот это я скажу только Пилумну, – твердо отрезала девушка.

– Не было мне забот... – проворчал хозяин харчевни, испытующе глядя на Селино. – Пилумн... Это был самый несчастный день в моей жизни, когда он впервые пришел в «Мелиссу»... – Он закрыл дверь на засов. – Идем.

Сабазий повел девушку в глубь подвала, где за пифосами* с соленой рыбой была потайная дверка. Отопкнув ее, он, пыхтя, поднялся по ступенькам, вырубленным в скале, и постучал в потемневшую от времени и сырости дубовую дверь.

– Кого там несет? – выругался кто-то грубым голосом. – Ты, Сабазий? Я просил тебя не тревожить. Если ты насчет денег, то проваливай. Я заплачу. Позже.

– Пилумн, открой, тут к тебе с поручением...

За дверью послышались тяжелые шаги, затем грохот опрокинутой скамьи, и на пороге появился красный, как вареный рак, Пилумн с обнаженным мечом в руках.

– Ну! – рявкнул он на перетрусившего Сабазия.

– Вот... – подтолкнул Сабазий вперед Селино. – У нее к тебе дело.

– Симпатичная мордашка, – ухмыльнулся Пилумн, покачиваясь – он был пьян. – Входи, – поманил Селино рукой. – Сабазий, а ты... ик!.. ты потом ей заплатишь.

Девушка замялась в нерешительности; но тут Пилумн схватил ее, как кот зазевавшуюся мышь, и словно перышко внес в свое пристанище. Закрыв дверь на тяжелый засов, он сказал:

– Садись... – и сам рухнул на ложе, сколоченное из тол стальных досок и прикрытое куском грубого войлока. – Вы пей... – он пододвинул к Селино вместительный фиал, до половины наполненный вином.

Пилумн перевероршил всю Синопу в поисках исчезнувшего Таруласа. На него работали все бродяги и попрошайки, от которых ничего не могло укрыться в городе и окрестностях и которые в точности знали, сколько статов* звенит в кошельке того или иного синопца. Но тщетно – гоппомах словно сквозь землю провалился. Тогда Пилумн запил. Сабазий вырвал на голове не один клочок волос, когда в стенаниях подсчитывал, сколько вина исчезло в бездонной утробе отставного легионера. Тем более что платить за выпивку и еду Пилумн не собирался.

– Выпей... – настойчиво предлагал он испуганной Селино. – Не бойся, я добрый. Горе у меня. – Он нащупал на полу изрядно отощавший бурдюк с вином и отпил два богатырских глотка. – Не могу себе простить, что оставил его одного. Рутилий, брат... Прости, если ты меня слышишь... О-о-о! – зарычал Пилумн, как лев.

– Меня послал к тебе Тарулас... – наконец решившись, дрожащим голосом сказала девушка.

Пилумна словно обухом хватили между глаз. Вытаращившись на Селино, как на привидение, он схватил ее за руку.

– Повтори! – прохрипел Пилумн, трезвея.

– Ой, больно! – вскричала галатка. – Тарулас в эргастуле царского дворца.

– Я сплю... – помотал лохматой головой Пилумн. – Это мне снится... – Он подошел к тазу с водой, плеснул на лицо и грудь. – Сейчас все пройдет... – Словно незрячий, он прикоснулся рукой к девушке. – Нет, это не видение. Скажи еще раз.

– Тарулас просил тебя разыскать. Он надеется на твою помощь.

– Он жив... Жив! О, боги! – возопил просиявший Пилумн, подхватил девушку на руки и закружил по своему убежищу в каком-то нелепом диком танце. – Ай, Рутилий, ай, Тарулас... Барра!

Вход в эргастул был отгорожен от улицы высокой каменной стеной с воротами. В небольшом дворике слонялись унылые стражи подземелья – пятеро наемников из Крита. Стоял тихий летний вечер, и им были хорошо слышны звуки кифары, доносившиеся из распахнутых окон царского дворца. Там пиновала синопская знать и придворные. Царица Лаодика навестывала упущенное – при Митридате Еввергете празднества устраивались редко, в основном по случаю победы над врагами, в честь стратегов.

– Да, им весело... – один из наемников, узколиций и черноволосый, зло сплюнул. – А тут в горле пересохло, будто песку наглотался.

– Не мешало бы и нам пропустить глоток-другой хорошего винца, – философски заметил рослый гоппит с рассеченной верхней губой.

– И получить полсотни палочных ударов, – ехидно вставил третий, коренастый и короткокорукий.

– А кто узнает? – узколиций бросил мимолетный взгляд на двух стражей, чуть поодаль лениво игравших в кости на щелчки по носу.

– Если сами не проболтаемся или дежурный лохаг* не наскочит – никто, – рослый наемник с вожделием посмотрел на калитку в воротах – неподалеку от эргастула, на соседней улице, была харчевня, где столовались гоппиты царской хилии.

– С нашими дырявыми кошельками можно рассчитывать разве что на помои, подаваемые в харчевнях на пристани, – коренастый невесело ухмыльнулся.

И в это время кто-то с силой забарабанил в калитку.

– Эй, Фарнакион, открывай, ржавый якорь тебе в ребро!

– Посмотри, кто этот наглец, – приказал старший из стражников, узколиций, коренастый гоплиту.

Тот открыл калитку, и в дворик ввалился здоровенный детина в одежде моряка. В волосатых мускулистых лапищах он держал наполненный под завязку бурдюк. Его квадратное лицо расплылось в блаженной улыбке.

– Фарнакион, дружище! Вот я... Давай чаши. Нальем и... – моряк недоуменным взглядом окинул стражников. – К-куда я попал? Где Фарнакион?

– Он пьян, – коренастый выразительно подмигнул своим товарищам и кивком показал на бурдюк. – Эй, приятель! Что там у тебя? – он потянул бурдюк к себе.

– Э-э, куда? Меня звал Фарнакион... у него праздник... Где вы его спрятали? Фарнакион-он!

– Придет он. Скоро... – коренастый обнял моряка за плечи. – Подождем. А пока давай попробуем винцо. Или у тебя в бурдюке дешевая кислятина?

– Да ты... ты что?! Я его привез из... неважно откуда, но лучшего в Синопе вам не найти. Не веришь? Подставляй чашу!

Моряк распустил завязки бурдюка, и в шлем гоплита хлынула пенящаяся струя.

– Постой, – придержал старший коренастого, уже приложившегося к краю шлема. – Дай ему, – показал на моряка. – Сначала пусть он...

– Мр-р... – заурчал моряк, схватил шлем и прильнул к нему, как страждущий к роднику.

– Остановись, хватит! – коренастый с трудом забрал у моряка необычную чашу и в точности повторил его действия...

Вскоре во дворике царского эргастула стало весело – вино и впрямь оказалось отменным. Тем временем стало совсем темно и кто-то из стражников зажег факел. Моряк, окинув довольным взглядом изрядно захмелевших гоплитов, незаметно для них подошел к калитке, отодвинул засовы и тихо посвистел. Услышав такой же свист в ответ, он весело оскалил зубы и вразвалку подошел к пирующим стражам царской темницы.

Дальнейшее свершилось настолько быстро, что стражники не успели не только поднять тревогу, но и опомниться. Схватив двух наемников за шиворот, моряк столкнул их лбами, и они свалились, как подкошенные. Еще два удара огромным кулачищем – и на ногах остался только старший стражник. Он успел выхватить меч из ножен, но в дворик уже вбежали вооруженные люди, и кто-то из них ударил его мечом плашмя. Гоплит тихо охнул и медленно осел на каменные плиты.

– Связать! – приказал переодетый моряком Пилумн. – Где ключи?

Ключи оказались у старшего стражника.

– Четыре человека останутся здесь, остальные – за мной!

Если что – шумните...

Пилумн стремительно шагал по подземелью, считая повороты. За решетками он видел призрачные тени, мало напоминающие людей – изможденные, в истлевших одеждах, с безумными глазами. Они молча смотрели на Пилумна и его товарищей, и в их взглядах было что-то такое, от чего даже ожесточившееся из-за невзгод и лишений сердце бывшего легионера дрогнуло и больно сжалось.

«Превеликие боги! – бормотал он, чувствуя, как волна ненависти вдруг ударила ему в голову. – Зачем вы так несправедливо поступили с людьми, разделив их на господ и рабов? На нищих и богатых? На тех, кто строит темницы, и на тех, для кого они предназначены? Будь трижды проклят тот, кто впервые заковал своего ближнего в кандалы...»

– Эй, Пилумн! – радостный голос Таруласа вернул от ставного легионера к действительности.

– Рутилий, брат! Погоди, я сейчас... – не дожидаясь, пока подберут ключи, Пилумн оторвал замок и открыл камеру.

Тарулас и Пилумн обнялись; отставной легионер даже прослезился.

– Уходим, быстрее! – наконец опомнился Пилумн. – Ты можешь идти? – спросил он гопломаха.

– Да... – Тарулас исхудал, но на ногах держался твердо. – Пилумн, нужно освободить и остальных.

– Некогда, брат, некогда! Скоро сменяется стража, нужно успеть.

– Время есть... Выпустим их отсюда, Пилумн.

– Рутилий, я тебя понимаю. Но нас могут прихлопнуть здесь, как в мышеловке. Идем! – он потянул за собой упирающегося друга.

Неизвестно, чем бы закончился их спор, но тут в эргастуле раздался свист – сигнал тревоги.

– Бегом! – вскричал Пилумн, и они поторопились к выходу.

Возле калитки было шумно – со стороны улицы слышались ругань и звон оружия.

– Открывайте, бараны! Вы что, уснули? Или пьянствуете? Ах, скоты... Ну, погодите...

На ворота обрушился град ударов, сопровождаемый отборной руганью.

– Будем пробиваться... – шепнул Пилумн своим товарищам. – Держи... – он вручил гопломаху меч одного из стражников.

Калитка распахнулась, и в дворик ввалились возбужденные, галдящие гоплиты; их было около десятка – ночная стража во главе с лохагом.

– Барра! – взревел Пилумн и налетел на них словно смерч.

Неожиданность и непревзойденное искусство фехтования, которым отличались Пилумн и Тарулас, сделали свое дело быстро – ошеломленные гоплиты, роняя оружие, бросились враспынную, спасая жизни. А бывший узник царского эргастула и его освободители бесшумно растворились в ночи, будто призрачные видения кошмарного сна.

Глава 9

Вороной жеребец косил на Митридата огненно-фиолетовым глазом, фыркал, бил копытами, вставал на дыбы. Два дюжих конюха с трудом удерживали красавца с белой отметиной на лбу. Шерсть жеребца лоснилась, будто его натерли оливковым маслом, мышцы волнами перекачивались под упругой кожей, вызывая восхищение своей трепетной игрой.

– Этот? – спросил Митридат у царского конюшего, перса с ярко-рыжими волосами, который смиренно стоял рядом с ним, ожидая приказаний.

– Да, господин, – льстиво улыбнулся перс, кланяясь. – Подарок тебе от царицы Лаодики, пусть хранит ее великая Ма.

– Он уже ходил под седлом?

– Торговец, доставивший его из Парфии* в Понт, сказал, что жеребца объезжал лучший конюший парфянского царя Митридата II.

– Хорошо, – коротко бросил Митридат, потуже затягивая пояс туники. – Мне этот конь нравится. Хочу попробовать, как он в ходу. Помози.

Конюший придержал стремя, и Митридат одним махом очутился в седле. Жеребец всхрапнул, злобно заржал и попытался укусить царевича за ногу. Митридат рванул поводья и приказал:

– Отпускайте!

Конюхи отскочили в стороны, будто их огрели плетью со свинцовым наконечником.

– Пошел! – вскричал царевич, отпуская поводья.

Почувствовав свободу, жеребец закружил на месте, взрыхляя копытами влажный песок вперемешку с опилками. Затем встал на дыбы и едва не опрокинулся на спину, но Митридат вовремя упал ему на шею. Жеребец взбрыкнул несколько раз, пытаясь сбросить всадника, но Митридат сидел в седле, как влитой. Тогда конь, закусив удила, помчал галопом с такой скоростью, что со стороны казалось, будто он вовсе не касается земли, а летит стремительно, словно коршун на добычу. Какой-то миг – и под копыта жеребца, вместо ухоженной дорожки гипподрома, легла каменистая твердь, где падение на полном скаку грозило неминуемой гибелью, или, в лучшем случае, тяжелым увечьем.

Митридат попытался вернуть взбесившегося коня обратно, на большой круг скакового поля, но это было под силу разве что Гераклу; жеребец только захрапел, роняя кровавую пену с истерзанных удилами и псалиями губ. «И этот конь уже объезжен?!» – мельком подумал царевич, сжимая ногами бока скакуна до острой боли в окаменевших мускулах...

Гордый, слуга и оруженосец Митридата, схватил конюшего за грудки и принялся трясти, как яблоню с созревшими плодами.

– Негодяй! Ты должен был сам попробовать, первым, как конь ходит под седлом! Убью!

– Я не виноват, это Тараксипп* напугал жеребца... – выпучив глаза, твердил перепуганный перс.

– Тупая скотина! – Гордый швырнул его на землю. – Коня! – приказал конюхам, выводящим в этот момент застоявшихся жеребцов на разминку.

Вскочив на неоседланного скакуна, Гордый сорвал с колышка на стене конюшни аркан и помчал вдогонку за своим господином.

Царский конюший, потирая ушибленные места, смотрел ему вслед со злобной ухмылкой.

Гордый догнал Митридата на берегу моря, там, где дыбились острые каменные клыки скал у естественной насыпи из валунов и крупной гальки. Обезумевший жеребец нес царевича прямо на камни. Удачно брошенный аркан захлестнул шею коня; Гордый из всех сил потянул за сплетенную из конского волоса веревку, и полузадушенный, храпящий жеребец тяжело рухнул вначале на колени, а затем медленно завалился на бок.

– Господин! – слуга на скаку спрыгнул на землю и подбежал к Митридату. – Живой... – он освободил ногу царевича из стремени, подхватил на руки, отнес на мягкую песчаную отмель и положил. – Хвала покровителю твоего рода Дионису, он сегодня спас драгоценную жизнь...

Митридат лежал безмолвный, в странном оцепенении; из ладоней, изрезанных гривой скакуна, сочилась кровь.

Гордый подошел к жеребцу, помог ему подняться на ноги. Конь был в мыле; на ногах стоял нетвердо, как новорожденный жеребенок. Гордый расседлал его и ахнул: вся спина жеребца была в кровотокающих ранах, будто ее изгрызла коварная ласка. Он посмотрел на седло и заскрежетал зубами от ярости: из серого войлока подкладки торчали три острых шипа.

Конюхи были казнены в тот же день. Они пытались утверждать, что ни в чем не повинны, так как богато украшенное седло им дал царский конюший, но начальник следствия даже не захотел их слушать. Такая спешка озадачила искушенных в интригах придворных, но они держали свои мысли при себе. А дня через два после этого случая перс-конюший сломал себе шею, свалившись с обрыва. Исчезла и купчая с родословной жеребца и обязательными отметками о его выезде; ее очень хотел заполучить недоверчивый Гордий...

– Послушай, Паппий, я не хочу пить эту гадость, – Митридат с отвращением смотрел на небольшую керамическую чашу, наполненную желтоватой жидкостью, от которой тянуло на рвоту.

– Господин, это необходимо. Мудрый Иорам бен Шамах нашел в твоём теле болезнь, излечимую только этим снадобьем.

– Я верю ему. Он добр и мудр. Но мне временами бывает так плохо от этого лекарства, что свет становится не мил.

– Потерпи, мой господин. Еще немного и болезнь отступит. Вчера я тебя осматривал и потому уверен, что Телесфор* уже распрямил свои крылья, чтобы унести хворь.

– Пусть так, но поверь мне, Паппий, – моя душа содрогается от омерзения при виде этой чаши.

– Запей медовым отваром, будет легче.

Митридат, тяжело вздохнув, принял чашу из рук молодого лекаря и, закрыв глаза, стойчески выпил ее до дна. При этом на его лице не затрепетал один мускул.

– Отвар? – Паппий протянул царевичу фиал.

– Не нужно, – гордо отвел его руку царевич. – Я мужчина, воин, и должен научиться терпеть боль и... – Митридат с хитрецей улыбнулся, – лекарей, пичкающих меня всякой дрянью.

Паппий в ответ рассмеялся и развел руками. С тех пор как он стал личным врачом будущего царя Понта, в его душе все больше разрасталось чувство любви и преданности к этому своевольному, упрямому и смелому до безумия подростку.

– Сегодня опять пир, – Митридат нахмурился. – И снова мне нужно надевать тяжеленные златотканые одежды, истекать потом, слушать хвалебные речи пьяных обжор... – он побледнел от ненависти. – И смотреть на сытую слащавую рожу нового стратега Клеона.

– Царский сан предполагает не только удовольствия, но и тяжкие труды и многие неудобства.

– Знаю. И готов к этому. Но, клянусь Дионисом, когда сяду на трон, припомню этому наглецу его небрежение ко мне...

Царица Лаодика безумствовала. Страшный, испепеляющий жар запоздалой любви заполнил все ее естество, почти не оставив отдушины для других чувств. Клеон стал для нее кумиром, божеством; на его алтарь царица приносила любые жертвы, какие бы он ни пожелал.

В детскую она теперь заходила редко. С девочками Лаодика была безразлично холодна, лишь мимоходом гладила по головкам, да спрашивала няньку, как они себя ведут, слушая

ответы вполуха. Только при виде Хреста она оживлялась и целовала своего любимца. Не по годам расчетливый и хитрый, мальчик начинал капризничать, и царица-мать старалась выполнить любые его прихоти.

Митридата она видела чаще – будущий царь Понта обязан был присутствовать на всех торжествах, устраиваемых во дворце. При этом правящей царице-матери полагалось восседать на троне владыки Понтийского государства, а для царевича ставили с правой стороны, чуть ниже тронной возвышенности, скамью с позолоченной спинкой и разукрашенной драгоценными камнями подушечкой.

Для живой, деятельной натуры Митридата отягощенные различными церемониальными ухищрениями приемы и празднества были тягостны и скучны. А пренебрежение и неприкрытая неприязнь со стороны матери временами доводили его до с трудом сдерживаемого бешенства. После окончания очередного торжества Митридат спешил в гимнасий, где фехтовал до полного изнеможения, изливая таким образом свой бессильный гнев, или уезжал на охоту в сопровождении верных друзей. Среди них всегда были Гай, лекарь Паппий, оруженосец Гордий и бывший начальник телохранителей царя Митридата Еввергета галл Арторикс, которому царица не простила памятную ночь смерти мужа и назначила, словно в насмешку, лохагом царской хилии.

В этот раз пир был устроен по случаю прибытия послов царя Каппадокии – слабовольного, но хитроумного Ариарата VI Эпифана Филопатора. Он унаследовал престол своего отца, царя Ариарата V, погибшего в сражении с войсками Аристоника Пергамского.

После смерти царя Каппадокии претендентов на трон было много, но в жестокой междоусобной схватке неожиданно для многих победил не отличающийся особыми личными качествами Ариарат Эпифан, заручившийся мощной поддержкой царя Понта Митридата V Еввергета, который отдал ему в жены свою дочь, тогда четырнадцатилетнюю Лаодику-старшую. С той поры Каппадокия стала едва не эпархией Понтийского государства. Форос с ее подданных собирал стратег Понта, и большая часть его шла в синопскую казну и на нужды сильных гарнизонов понтийских гоплитов, стоящих почти во всех главных крепостях и городах Каппадокии.

Потому приезд каппадокийских послов не был событием, ради которого стоило устраивать торжества. Но царица Лаодика не упускала ни единой возможности покрасоваться на троне в своих лучших одеждах, чтобы лишний раз услышать хор придворных льстецов и поэтов, восхваляющих ее женские прелести и царские доблести...

– ...Выпей вина, мой друг, и ты забудешь о своих печалях. Поверь, божественный дар Диониса не менее ценен, нежели получаемый смертным от всех девяти муз*, прекрасных спутниц Аполлона*. Знаешь, я иногда преклоняюсь перед римлянами хотя бы за то, что они довольно точно определили некие общечеловеческие постулаты. Выпей, Мирин.

– Истина в вине... – поэт Мирин с иронией посмотрел на изрядно подвыпившего грамматика Тираниона, рано облысевшего, подвижного толстяка. – Чревоугодие и пьянство римских патрициев ты возводишь в ранг достоинств рода человеческого.

– Ах, тебе не нравится чревоугодие! Нет-нет, я не возмущен. Просто мне выпала изумительная возможность доказать, что ты не прав.

– Попробуй.

– Чего проще! – Тиранион с сожалением бросил обглоданную кость комнатной собачке, крутившейся у них под ногами.

(С некоторых пор среди понтийской знати пошла мода на этих гладкошерстных, пучеглазых существ с кривыми ногами, совершенно бесполезных с точки зрения здравого смысла. Для охоты они не годились, как сторожевые или боевые псы – тоже. При всей своей бесполезности стоили они баснословно дорого – их привозили купцы из Египта).

– Представь себе на миг, мой дорогой Мирин, что ты... ну, например, вольноотпущенник. Не знатный и полноправный гражданин Синопы, у которого есть неплохой дом и небольшой, но приносящий вполне приличный доход хорион, а человек без роду-племени, без крова над головой и с пустым желудком. Помощи ждать неоткуда, на подаяния надежд мало, за работу портовым грузчиком можешь получить два-три обола в день, и то, если повезет – не так часто приходят в гавань купеческие караваны. Но ты – поэт! Твоя муза денно и ночью шепчет любовно: “Бери стилос, пиши, и благодарные потомки восславят имя твое”. А в это время голос чрева назойливо напоминает: “Хозяин, ты голоден и давно забыл вкус мяса, а вчерашняя черствая лепешка только возмутила мое спокойствие... И неожиданно тебя осеняет, что возвышенность духа нуждается в довольно весомом подкреплении... ну, хотя бы в виде жаркого с ароматной подливой. И что только их союз способен заставить стилос воспроизвести твои великие творения на куске вычищенной телячьей кожи, кстати, тоже не валяющейся на улицах, – Тиранион с хитринкой подмигнул поэту. – Убедил?

– Почти... – рассмеялся Мирин.

– Творить свободно можно только тогда, когда не думаешь постоянно о том, как добыть хлеб насущный. Ибо в противном случае ты будешь заглядывать с собачьей преданностью в глаза своему «благодетелю» в ожидании, когда он соизволит бросить кость с пиршественного стола. И конечно же не даром – пока не сочинишь в его честь хвалебный гимн, подачки не получишь. А это омерзительно, потому что иссушает душу и топит талант в дерьме угодничества.

– Согласен. Вполне убедительно, – Мирин с презрением указал глазами на разжиревшего мужчину лет пятидесяти с тройным подбородком, все это время что-то быстро писавшего на восковых дощечках. – За примером далеко ходить не нужно. Вон тот уже готов разразиться словоблудием в честь нашей несравненной, многомудрой и царственной...

– Тише, мой друг, тише! – Тиранион крепко сжал руку поэта. – Здесь и стены имеют уши. А то в царском эргастуле тебе будет не до поэзии... Выпей, Мирин, выпей. И восславим Диониса за его доброту к несчастным, ибо нет иных радостей в их беспросветном, полускотском существовании, кроме божественного дара – вина...

Так беседовали знаменитый понтийский поэт Мирин, статный, молодой мужчина с нервным, худощавым лицом, и не менее известный на берегах Понта Евксинского грамматик Тиранион. Они расположились на скамейке у фонтана царского перистыля, куда выходила широкая двустворчатая дверь пиршественного зала. Их и некоторых других поэтов, ученых и мыслителей тоже пригласили на торжества по случаю прибытия послов Каппадокии – царица Лаодика тщицалась прослыть покровительницей талантов, как и ее усопший муж. В пиршественном зале было жарко, и друзья перебрались на свежий воздух в просторный перистиль, где стояли накрытые столы с вином, лакомствами и фруктами. Запасливый Тиранион, чей желудок предпочитал яства более существенные, нежели сладости, не забыл захватить с царского стола жареного гуся, от которого остались только приятные воспоминания в виде начинки из соленых ядрышек лесного ореха, запеченных в тесте.

– Сейчас начнется самое интересное, – Тиранион кивнул на открытую дверь пиршественного зала, откуда слышались звуки арф, форминг*, флейт и тимпанов*. – Если, конечно, не считать этого превосходного гуся, – он с блаженным видом похлопал себя по животу. – Ты увидишь танцы иеродул из храма Афродиты Пандемос.

– Скоро во дворец станут приглашать уличных гетер. Им тут самое место, – Мирин поискал глазами Лаодику, возле которой по левую руку восседал с важным видом стратег Клеон; справа сидел немного бледный Митридат. – А царский гинекей превратится в притон блудниц.

– Мирин, ты опять?.. – с укоризной сказал Тиранион, опасливо посмотрев по сторонам. – Ну какое нам дело до нравов власть имущих?

– О времена, о нравы... По-моему, так милые твоему сердцу римляне определили сущность человеческого бытия, изменяющегося в своей сути быстрее, чем с этим может смириться сознание, отягощенное предрассудками и законоуложениями древних.

– Мой друг, ты сегодня несносен. Какая муха тебя укусила? – Тиранион подозвал виночерпия и приказал ему наполнить опустевший кратер. – И почему ты так ополчился на римлян? Среди квиритов немало людей достойных и талантливых. Вспомни Ливия Андроника, сделавшего прекрасный перевод «Одиссеи» на латинский язык сатурновым стихом. Насколько мне помнится, ты и сам недавно восхищался Гнеем Невием, создателем первого римского эпоса о Первой Пунической войне. Прекрасные стихи.

– Со временем вкусы и предрасположения меняются, Тиранион.

– О вкусах не спорят, но позволь заметить, что привычка чересчур часто признавать свои заблуждения и ошибки дурно пахнет. Человеку талантливому зазорно быть очень уж прямолинейным, ибо это указывает на отсутствие настоящего осмысления многообразия житейских проявлений действительности. И в то же время змеиная гибкость собственного мнения выдает в незаурядной натуре такие скверные черты характера, как приспособленчество и угодничество, которые в конце концов возвращают обыкновенный примитивизм.

– Ты считаешь меня блюдолизом? – Мирин принял обиженный вид, в душе посмеиваясь над разгорячившимся другом.

– Прости, Мирин, – неужели я это сказал? – опешил грамматик. – Нет, нет, это вовсе не так... не то... – он совершенно запутался и быстро наполнил фиалы дорогим ароматным вином. – Выпей, Мирин, выпей. Клянусь Ваххом, я не хотел тебя обидеть. Ах, глупый, несдержанный язык...

– Успокойся, дружище, – Мирин обнял расстроенного грамматика за плечи. – Твои мысли мне понятны и я не нахожу в них ничего оскорбительного. В уме и мужестве квиритам не откажешь. Могу добавить к именам римлян, тобою названных, еще несколько, чье величие несомненно: Квинт Энний, поэт и живописец Марк Пакувий, знаменитый Тит Макций Плавт, лично знакомый тебе Гай Луцилий – да мало ли! Но разве можно смириться с пренебрежением, проявляемым римлянами к другим народам? С той жестокостью, с которой они топчут калигами своих легионеров чужие святыни, превращая свободнорожденных в рабов?

– Мы от них в этом отношении ушли не далеко... – Тиранион хотел добавить еще что-то, но в это время стройно ударили тимпаны, и тонкие, мелодичные голоса флейт вплелись в звенящие чистым серебром переборы струн. – Началось! – воскликнул он, поднимаясь со скамьи. – Подойдем поближе...

Иеродулы-танцовщицы, девушки необыкновенной красоты, образовали круг. Их длинные белоснежные бассары лидийских вакханок казались лепестками огромного диковинного цветка, сорванного ветром. В распущенные волосы рабынь были искусно вплетены алые розы, источавшие сильный аромат, заглушающий запахи пиршественного стола. Повинуясь мелодии, иеродулы кружили все быстрее и быстрее, постепенно сжимая трепещущее кольцо. Вот их лица почти соприкоснулись, крылья бассар взметнулись вверх и медленно заструились, потекли к мозаичному полу зала; цветок на глазах зрителей превратился в тугой бутон. Вихревой перебор кифар оборвался на высокой ноте, в последний раз жалобно застонали тимпаны – и музыка стихла; только одинокая флейта нежным беспомощным голоском тянула нескончаемое: «Ви-у... ви-у... ви-у...»

И тут неожиданный гром, сравнимый разве что с грохотом камнепада в горах, обрушился на пирующих – это подали голос большие тимпаны. Бутон из бассар иеродул рассыпался, превратившись в белую цветочную гирлянду, нанизанную на золоченую нить: девушки, взявшись за руки, опустились вначале на корточки, а затем грациозно распластались на полу, склонив головы на обнаженные плечи.

А в центре образованного вновь круга словно из-под земли выросла девушка неземной красоты. На ней была только коротенькая набедренная повязка из скрученных золотых шнуров.

Тимпаны стихли. И снова вступила флейта. Тело девушки, натертое оливковым маслом и благовониями, качнулось, по нему пробежала трепетная волна. Руки в браслетах зазмеились вдоль туловища, скрестились, переплелись над головой. Маленькие тугие груди с острыми сосками дрогнули, на животе танцовщицы, под шелковистой кожей золотистого цвета обозначились упругие мышцы.

Голос флейты стал громче, пронзительней; в него вплелись отрывистые, как хлесткие удары плети, звуки коротких и сильных щипков струн кифар. Изредка, словно первый весенний гром вдалеке, мягко рокотали малые тимпаны: «Тум-м, тум-м, фр-р-рум...»

Танцовщица раскачивалась все больше и больше. Ее стройные босые ноги, подвластные ритму, едва заметными глазу толчками вливали свою силу в крутые бедра, которые будто отделились от неподвижной верхней части туловища, волнуя сердца и будоража воображение собравшихся мужчин. Казалось, что золотые шнуры набедренной повязки ожили и превратились в клубок змей. Впечатлительному Мирину даже послышалось тихое, леденящее душу шипение; он с силой сжал руку Тираниона.

– Анасирма... Танец бедер... – прошептал грамматик, весь дрожа от разжигающего воображение зрелища.

Иеродула танцевала. Стратег Клеон, покрасневший, как вареный рак, пожирал сухими, округлившимися глазами юную танцовщицу. Лаодика, тоже взволнованная таинством ритуального танца, все же заметила похотливый взгляд возлюбленного. Нахмурившись и грозно сдвинув брови, она небрежным движением опрокинула ему на колени фиал с вином. Клеон от неожиданности вздрогнул, перевел глаза на царицу и в смущении потупился.

Звуки музыки нарастали, наполнились первобытным, звериным торжеством. Шнуры набедренной повязки, казалось, растворились в сверкающем эфире, почти полностью обнажив тело девушки. Вдруг лицо ее исказила судорога, глаза полыхнули жарким пламенем; она резко запрокинула голову назад, взмахнула руками, будто чайка крыльями, и под грохот больших тимпанов закружилась волчком. Взметнулись с пола бассары иеродул, их руки переплелись над танцовщицей, и она исчезла в белопенном вихре. Мгновение длилась эта неистовая вакханалия; и когда девушки отхлынули в стороны, в центре круга было пусто.

– О-ох... – перевел дух Тиранион, смахивая с лица обильный пот. – В мои годы такое зрелище противопоказано... Но, согласись, Мирин, этот танец достоин стилоса поэта. Ибо только натура возвышенная способна рассказать об увиденном. Притом только стихами. Проза пресна, она не способна воспарить выше Олимпа*, откуда видны все человеческие страсти и порывы... Мирин, ты меня не слушаешь? Что случилось?

– Посмотри на Митридата, – шепнул на ухо Тираниону поэт. – Кажется, ему дурно. Он пытается подняться...

– Не вижу... – Тиранион встал на цыпочки и вытянул шею. – И за что боги прогневались на моих родителей, наградив их сына таким маленьким ростом?

– Нет, все-таки поднялся... Идет пошатываясь...

– Да он просто пьян.

– Митридат не пьет вино. Здесь что-то другое... Он упал!

Музыка, вновь зазвучавшая после ухода иеродул, резко оборвалась. Стали слышны перепуганные возгласы придворной знати.

– Лекарь Паппий и оруженосец царевича Гордий подняли Митридата на руки... – взволнованный Мирин потянул за собой грамматика, пытаясь протиснуться поближе к месту событий. – Мальчик бледен, как сама смерть. По-моему, он без сознания. О, боги, неужто?

– Танат* свил гнездо под крышей царского дворца... – пробормотал нахмурившийся Тирианион. – Мне такое соседство не нравится, – он с огорчением покосился на столы, ломившиеся от яств, и сокрушенно вздохнул. – Пойдем отсюда, Мирин. Боюсь, что Харону вновь предстоит работа. Мне жаль Митридата. У него ясные глаза и добрая улыбка. Выпьем на дорожку, Мирин, закусим и пойдем...

Митридата рвало. Он уже в шестой раз выпивал до дна чашу с кислым козьим молоком, но спазм в желудке не позволял жидкости долго удерживаться внутри. Иорам бен Шамах и Паппий стояли возле ложа царевича с застывшими лицами, безмолвные и, казалось, отрешенные от мира сего. В комнате, кроме них, не было никого – иудей приказал телохранителям-галлам не пускать сюда даже царицу.

Наконец Митридата одолела икота, его взгляд стал осмысленней. Иорам бен Шамах с облегчением вздохнул и кивнул Паппию, в глазах которого застыл ужас. Юный лекарь быстро приготовил какое-то снадобье, налил в чашу из белого оникса и напоил царевича. Легкий румянец окрасил изжелта-бледные щеки Митридата, он несколько раз глубоко вздохнул, нашел глазами иудея и спросил тихим, но уверенным голосом:

– Мне подсыпали отраву?

– Да, мой господин, – не колеблясь, ответил лекарь.

– Я буду жить?

– В этом у меня нет ни малейшего сомнения. Боги милостивы к тебе.

– Благодаря твоему искусству... Я не забуду, Иорам, что обязан тебе жизнью.

– Не только мне, – возразил ему лекарь. – Истинный твой спаситель – Паппий. И то снадобье, которое он тебе готовил каждый день. Сколько трудов стоило ему уговорить тебя выпить...

– Что это за снадобье?

– Яд... – лекарь улыбнулся, заметив недоумевающий взгляд царевича. – Да, отвратительная, смертельная отравка, только в малой дозе. Твой организм постепенно привык к ее действию. И то, что для другого оказалось бы губительным, вызвало у тебя лишь рвоту.

– Ты... ты знал, что на меня готовится покушение?

– Я в этом был уверен. Убийца твоего отца до сих пор на свободе и поит смертоносные наконечники своих невидимых стрел ядом измены и ненависти.

– Клянусь всеми богами олимпийскими, я разыщу этого ублюдка! – с жаром воскликнул Митридат. – И предам такой казни, что мои враги содрогнутся...

В чистых янтарных глазах подростка засветилась неумолимая жестокость.

«О, Сотер! – мысленно обратился к Богу Иорам бен Шамах. – Моя душа в смятении, ибо я не в силах помочь этому мальчику укрепить его доброе начало всепримиряющей любовью. Посеянное недоброй рукой зло уже начинает давать всходы ненависти. Будь к нему милостив, Сотер, он в этом не повинен...»

Глава 10

Осень вызолотила склоны гор, окропила ржавчиной горные пастбища, усмирила быстрый бег ручьев. Со середины лета ни одна дождевка не упала в долине Фермодонта, а река Ирис обмелела настолько, что показывала дно даже в самых глубоких местах. Лишь заболоченных речных пойм не коснулась большая сушь – там по-прежнему ярко зеленели высокие травы и скрипели острым листом под редкими порывами вялого ветра буйные камышовые заросли.

Охотничья забава разбудила ранним утром сонные урочища предгорья. С высоты орлиного полета были хорошо видны шесть всадников, которые, быстро сближаясь, окружали ложбину, поросшую каштанами и кустарником.

Митридат, припав к гриве золотисто-рыжего жеребца, скакал во весь опор. Конь мчал напролом сквозь низкие, иссушенные зноем кусты, не выбирая дороги. Тем не менее он ни разу не споткнулся, каким-то сверхестественным чутьем распознавая встречающиеся на пути рытвины и камни.

– Ахей! – закричал царевич, доставая на скаку стрелу из колчана: впереди, немного левее, у взгорья, затрещали ломающиеся ветки, и небольшое стадо оленей выметнулось на лужайку.

Тетива издала тугой, рваный звук, будто лопнула струна кифары, и каленое жало острия вонзилось под левую лопатку вожаку стада, на голове которого красовалась ветвистая корона. Олень на предсмертном вскрипе сделал еще один скачок и с разбегу грохнулся о землю. Следующая стрела впиалась уже в дерево – второй ветвисторогий красавец, бык-трехлетка, совершив немислимый по силе и красоте прыжок, исчез в густом подлеске; за ним умчалось и стадо.

– Сюда! Ко мне! Оил-ла! – Митридат соскочил с коня и в радости принялся отплясывать вокруг поверженного оленя дикарский танец.

Вскоре к удачливому охотнику присоединились и его товарищи.

– Давно мне не приходилось видеть такой точный выстрел. – Арторикс потрогал древко стрелы – она вошла в оленью тушу почти до половины.

– Поздравляю, Митридат! – сияющий Гай обнял друга.

– Видно сама Артемида* направила твою руку, господин, – лекарь Паппий в восхищении покачал головой. – На полном скаку, и так...

Промолчали только двое: обычно немногословный Гордий и царский конюший, низкорослый, сутулый перс с неухоженной рыжей бородой. Оруженосец царевича принялся свежевать оленя, а конюший занялся лошадьми – расседлал, отер пот, укрыл их попонами, устроил коновязь.

Завтракать решили прямо здесь, на лужайке. Польщенный похвалами, Митридат с гордым достоинством распределил лучшие куски своей добычи между сотрапезниками. Поев и немного отдохнув, охотники вновь направили коней в горы, чтобы еще попытать удачи. Но солнце, поднявшееся уже довольно высоко, разогнало дичь по глухим лесным закуткам, куда и пешим забраться было нелегко. Потому, пообедав и искупавшись в неглубоком лесном озерке, решили возвращаться в Синопу...

Угрюмый, заросший до глаз густой черной бородищей человек сидел на плоском камне у входа в глубокую пещеру. Его одежда – грязная полуистлевшая рубаха, рваный плащ и замызганные кожаные штаны – выдавали в нем одного из тех несчастных варваров, которых было немало в епархиях Понта. Силой уведенные из родных мест и проданные в рабство, они так и не смирились со своей судьбой и при удобном случае убегали в леса и горы. Доведенные до отчаяния, голодные и полураздетые, беглые рабы быстро теряли человеческий облик и были способны на любое, самое страшное и жестокое преступление. На них устраивали облавы, травили собаками, жгли камыши, где они прятались, но толку от этого было мало – беглецы пре-

красно знали каждую лесную тропинку, протоптанную зверьем, имели укрытия высоко в горах, куда ни одного царского гоплита нельзя было заманить никакими земными благами, и легко уходили от преследователей.

Однако бородач скиталец отнюдь не выглядел затравленным и отошавшим – как раз он доглядывал здоровенную костромаху, запивая вином прямо из бурдюка. Неподалеку пестрела горящими угольями неглубокая яма-очаг; над ней на вертеле пекся, истекая жиром, козий бок, и бродяга с вождением посматривал в его сторону. При этом ноздри его широкого, приплюснутого носа раздувались, рыжеватые, опаленные огнем костров брови ползли вверх, к давно потерявшему форму фригийскому колпаку, прикрывавшему жесткие, как щетина дикого кабана, волосы, и большая медная серьга в левом ухе начинала раскачиваться в такт мычащим звукам – бородач, пережевывая мясо, что-то напевал.

Неожиданно бродяга вскочил и прислушался. Он стоял над обрывом высотой не менее двадцати локтей*, а внизу, по узкому извилистому ущелью бежала широкая каменистая тропа. И оттуда, из-за скального выступа по правую руку, доносились голоса и мерное цоканье лошадиных копыт.

Бородач удовлетворенно хмыкнул, быстро завязал полупустой бурдюк, забросал уголья землей, не без сожаления засунул недопеченный кусок мяса в дорожную сумку и достал из пещеры тугой лук с костяными резными щечками. Попробовал тетиву, выбрал из кожаного колчана стрелу, тщательно проверил оперенье и лег на самый край обрыва, спрятавшись за невысокими, чахлыми кустами.

Всадники приближались, хотя их еще не было видно. Бродяга, не отрывая глаз от тропы, сунул руку за пазуху и вытащил тяжелый кожаный мешочек, висевший у него на шее на крепком сыромятном ремешке. Взвесил в руках, слегка потрянул – мелодично звякнули золотые монеты. Оскалив крупные желтые зубы в хищной ухмылке, запихнул мешочек обратно, под рубаху; устроился поудобней, наложил стрелу на скрученную из тонких, но очень прочных и упругих воловьих жил тетиву и замер в полной неподвижности.

Галл Арторикс, ехавший чуть сзади царевича, посмотрел вверх совершенно случайно, повинувшись еще не осознанному до конца ощущению тревоги, что его весьма озадачило – он не отличался трепетной, чувствительной душой, больше свойственной людям искусства, нежели воинам. Широкий и плоский лепесток с зубуринками уже медленно клонился книзу, слегка вздрагивая от упругости натянутой тетивы. И все, что успел сделать Арторикс, так это поднять на дыбы своего скакуна, который одним прыжком поравнялся с жеребцом царевича.

– Митридат! О-ох... – галл, судорожно цепляясь за гриву коня, свалился на землю – стрела пробила ему шею навывлет.

Первым опомнился Гордий – схватив за поводья жеребца Митридата, он, нахлестывая его нагайкой, помчал в укрытие – к скале, козырьком нависшей над тропой.

А Гай и Паппий в это время засыпали стрелами верхушку обрыва...

Когда Гордий, обладающий кошачьей цепкостью, спустился вниз – он, невзирая на предостережения товарищей, все же рискнул подняться к пещере – Арторикс уже умер; стрела пробила сонную артерию. Митридат стоял на коленях над телом храброго галла и тихо плакал, Гай крепился, но его глаза тоже увлажнились, а Паппий хмуро вытирал окровавленные руки пучком травы – он пытался спасти Арторикса.

– Что там? – глухо спросил лекарь Гордия.

– Сбежал...

– Куда?

– Пещера... Не найти... В ней лабиринт, уходящий в глубь горы.

– Пошлем гонца, он приведет стражников. Выкурим, как лисий выводок из норы.

– Не получится. Я слышан про эту пещеру. У нее есть несколько выходов.

– Эх, – Паппий со злостью швырнул пучок на землю. – Кто бы это мог быть? И сколько их?

– Он был один. Ждал нас... – Гордый понизил голос до шепота, чтобы не услышал Митридат. – И долго. В пещере ложе из веток и травы, срезанной дней пять назад. Куча обглоданных костей, в очаге много золы...

– Понятно, в кого он целил... – сквозь зубы процедил Паппий, бледнея от гнева. – Но откуда он знал, что мы будем возвращаться в Синопу именно этим путем?

Перс-конюший, расслышав последние слова лекаря, поторопился отвернуться к лошадям. На его смуглом лице появилось выражение досады...

Спустя десять дней после этого случая в доме Иорама бен Шамаха собрались его старые друзья: стратег Алким, опальный гиппарх Асклепиодор и синопский купец Менофил, круглолицый, рослый мужчина пятидесяти лет с плешивой головой в венчике седеющих кудрей.

– ...Надо мной смеется вся Синопа, – обычно уравновешенный Алким кипел гневом. – Эти жирные придворные бараны, завитые на персидский манер, сплетничают и разносят гнусные слухи обо мне, словно рабы-уборщики общественных сортиров.

– Советую тебе сменить палудамент на мотыгу, – насмешливо посмотрел на него Асклепиодор. – Как я. Больше проку. Царица Лаодика теперь удостаивает почестей за иные заслуги.

– Усмирять бунтовщиков – дело начальника стражи. Я воин, а не палач! Катойки бросили свои селения и ушли в горы, где получили поддержку диких гептакометов. Царица требует, чтобы я принудил катойков к повиновению. Уничтожил, наконец. С кем?! Сотня гоплитов личной охраны – вот все мое войско. На кардаков надежды никакой – их больше интересует добыча. Сброд грабителей.

– Други мои, забудем сегодня все наши личные печали и невзгоды, – Иорам бен Шамах сидел, сгорбившись, как столетний старец, и говорил тихо, через силу, словно был поражен смертельным недугом. – Ты, Алким, славный полководец, и труды твои ратные неоднократно отмечены царем Понта и народом. Два раза золотой венок триумфатора возлагали на твое чело, беломраморная стелла в твою честь водружена перед храмом Зевса Поарина. Я уже не говорю об Асклепиодоре, удостоенном почетного звания «друг царя» при Митридате Еввергете. Все ваши нынешние беды – временные, ибо лай голодных шакалов не может остановить льва, скрадывающего осторожную, но глупую лань...

Гости иудея многозначительно переглянулись – лекарь витийствовал не хуже иного признанного оратора, и каждое его слово было наполнено глубоким смыслом.

– Я просил вас собраться здесь по делу, не терпящему отлагательства; от его благоприятного исхода зависит судьба Понтийского государства.

– Иорам, мое ли призвание участвовать в заговорах?! – Менофил забеспокоился. – Ты хочешь, чтобы я на старости лет стал изгоем, нищим изгнанником, за которым будут охотиться, как за беглым рабом? Или сгнил в эргастуле?

– Менофил, ты никогда не был трусом, – иудей мягко положил узкую ладонь на колено купца. – Мне это известно лучше, чем кому-либо. Просто сейчас в тебе говорит голос сытости, извечной болезни людей богатых и преклонного возраста. Но утешься и успокойся – в моем доме ни о каких заговорах не может быть и речи.

– Прости, Иорам... – Менофил покраснел от досады – он никак не мог догадаться, куда клонит осторожный и хитрый иудей. – Прости, по-моему, я бегу впереди лошади, запряженной в колесницу.

– Речь идет о спасении главной ценности Понта – жизни будущего царя, – Иорам бен Шамах выпрямился, посуровел. – Убийцы уже стали на след Митридата и идут по нему, как гончие псы. Остановить свору не в наших силах. Задержать – тоже. Они почуяли запах крови.

– Филоромей*... – Алким с ненавистью сжал рукоять меча. – Они не только лижут пятки римлянам, но и готовы бросить царский пурпур под калиги восточных легионов Рима.

– Ты не преувеличиваешь, Иорам? – недоверчиво спросил купец.

– Если бы... – лекарь тяжело вздохнул. – Два дня назад кто-то опять подсыпал яд в любимый Митридатом малиновый напиток. На этот раз Паппий был настороже... Но кто может поручиться, что боги не устанут охранять от гибели юного царевича?

– Митридата следует отправить на Боспор*, к царю Перисаду. Там он будет в полной безопасности, – наконец заговорил и Асклепиодор.

– Поздно. Теперь по приказу нового наварха ни одно судно не выйдет в море без досмотра.

– Это правда, – подтвердил слова иудея Менофил. – Во всех гаванях Понта усилена морская стража.

– Увезти царевича в горы, а там...

– Нет, Алким, невозможно, – Иорам бен Шамах тяжело поднялся и зашагал по комнате. – По крайней мере, очень трудно.

– Почему? – посмотрел на него с недоумением стратег.

– После покушения на его жизнь во время охоты царица Лаодика приказала везде сопровождать Митридата десятерым наемникам-киликийцам. Я знаю их – это люди Авла Порция Туберона. Живым царевича из Понта они не выпустят.

– Воистину этот римлянин исчадие лернейской гидры*, – Алким погрозил кулаком. – Клянусь Сераписом*, я не успокоюсь, пока не отправлю его в Тартар!

– Неужто нет выхода? – спросил у лекаря купец. – Я готов пожертвовать последний статар, но спасти царевича...

– Требуются люди, которым можно верить, как самим себе. Отважные воины, молодые и сильные, – иудей остановил жестом Алкима, поняв, что он хочет сказать. – Мы не имеем права рисковать, ибо чересчур заметны. И будем очень нужны здесь, в Синопе, для того чтобы царская китара как можно скорее воссияла на голове царя Митридата VI.

– Мой сын Диофант, – Асклепиодор положил руку на сердце. – Я ручаюсь за него головой.

– Прости, Асклепиодор, мне следовало бы сказать тебе это раньше... – лекарь скупно улыбнулся. – Начальник царской хилии Диофант посвящен в наши замыслы. Он возглавит тех, кто решится спасти царевича даже ценой своей жизни. Диофант смел и не по годам мудр. Именно такой человек способен свершить задуманное.

– Спасибо... – растроганный гиппарх склонил голову, чтобы скрыть подозрительно заблестевшие глаза.

– Кто еще? – лекарь остановил свой взгляд на Алкиме.

– Предлагаю Тибия, сына родного брата Дорилая Тактика. Он один из лучших фехтовальщиков Синопы. А также Моаферна, он сейчас находится в Керасунте*.

– Согласен. Пошлем к нему гонца, – кивнул иудей.

– По-моему, таксиарх Неоптолем и его брат, лохаг Архелай, тоже достойны доверия, – после долгих раздумий наконец высказал свое мнение и купец Менофил. – Неоптолем храбр, и, несмотря на молодость, уже награжден золотым венком за воинские доблести. Царица к нему не благоволит, а это Неоптолему вряд ли по душе.

– Неоптолем хороший воин... – Иудей задумчиво огладил бороду. – Спору нет. Но – скрытен. И лъстив... Впрочем, любой человек скроен из достоинств и недостатков, и трудно определить, где заканчиваются одни и начинаются другие. Даже если он надумает изменить, помешать побегу царевича уже никто не сможет – мы его известим о наших замыслах в последнюю очередь. А что касается Архелая... – он с сомнением покачал головой. – Умен, напорист, и в то же время жаден, как ростовщик Макробий. Подвигнуть на доброе дело Архелая может только кошелек с золотом, и вряд ли – веление сердца. А если кто предложит больше? Ненадежен.

– Архелая я беру на себя, – самодовольно похлопал Менофил по своей поясной сумке; звякнули монеты. – Он получит столько, сколько запросит. Торговаться я не буду. Но клятвен-

ное обещание хранить тайну Архелай мне напишет и скрепит своей кровью. Не думаю, что он осмелится нарушить обет, данный в храме богини Ма – проклятия жрецов страшнее самой лютой казни.

– Кстати, Иорам, скажи – Даипп знает о наших планах? – спросил Алким.

– Верховный жрец богини Ма думает, что свил гнездо под крышей царского дворца надолго. Это простительно, ибо человек по своей природе существо тщеславное и чаще всего власть над себе подобными ставит гораздо выше главных добродетелей – совести и чести, – горечь звучала в словах лекаря. – Не нам судить Даиппа за его чрезмерную гибкость в поясице. Все взвешено и определено в этом мире, и неумолимы мойры. И все же достойно сожаления, что он так быстро забыл царя Митридата Еввергета, коему обязан своим возвышением.

– Даипп опасен. Его коварство не знает границ, – мрачно сказал Асклепидор. – Я не уверен, что наш замысел уже не стал ему известен.

– О, боги! Если это так, то можно считать, что мы одной ногой в лодке Харона, – побледнел Менофил.

– Не думаю, – Иорам бен Шамах сурово сдвинул брови. – Даипп предусмотрителен и осторожен. Ему ведомо, что мы не одиноки и не беззащитны. И он понимает, что безнаказанно оборвать нити наших жизней невозможно...

Утром следующего дня сикофанты донесли верховному жрецу, что гости царского лекаря разошлись поздно и в хорошем подпитии. Узнав их имена, Даипп призадумался. А когда ему стало известно, что все они к вечеру в большой спешке покинули Синопу, жрец встревожился – такое единодушие не могло быть случайным совпадением. И Даипп послал логографа за помощником начальника следствия, своим ставленником...

Митридат придержал жеребца на взгорье и оглянулся. Позади синело море, а над ним блистал глубокий и прозрачный осенний небосвод. Восходящее солнце уже высветило красную черепицу крыш Синопы, и город казался пестрым персидским ковром, брошенным небрежной дланью гиганта среди скал полуострова.

Царевич вдруг почувствовал, как чья-то сильная, невидимая рука сдавила сердце. Слезная поволока затуманила взор, размывая очертания царского дворца с башнями. Митридат судорожно вздохнул и, выпятив подбородок, крепко, до скрежета, стиснул зубы: он сюда еще вернется! Рано или поздно, но это будет.

– Вперед, Тирс, вперед! – он ударил нагайкой золотисторыжего жеребца, пуская его с места в карьер.

По сторонам скакали хмурые, неразговорчивые киликийцы-телохранители...

Гай, Паппий и оруженосец Гордий ждали Митридата, как условились с вечера, возле развалин капища идолопоклонников, в сотне стадий от Синопы на старой дороге. Они выехали затемно, якобы в поисках оленьего стада, чтобы устроить облавную охоту. Но на самом деле им нужно было скрыть от соглядатаев туго набитые выюки с теплой одеждой, продуктами и оружием.

Завидев друзей, Митридат осадил скакуна и посмотрел на обугленный молнией дуб в три обхвата, под которым стоял глубоко вросший в землю алтарь кровавого бога варваров. Там, среди голых ветвей, трепетал на ветру лоскут пурпурной ткани. Это был условный знак, означавший, что Диофант со своим небольшим отрядом уже здесь, притаился в засаде.

Митридат властным жестом остановил телохранителей, собравшихся как обычно, взять его в кольцо.

– Слушайте! – зычно выкрикнул он. – Вы останетесь здесь. Дальше я поеду с ними, – показал на друзей. – Разожгите костер и ждите нас с добычей.

– Господин, по приказу царицы мы должны сопровождать тебя везде, – лохаг, начальник телохранителей, тронул поводья и подъехал к царевичу.

– Я не привык повторять дважды, – Митридат холодно посмотрел в недобро прищуренные глаза лохага. – Вы мои телохранители и обязаны повиноваться в первую очередь мне.

– Мы присягали царице Понта и ее приказ для нас – за кон, – с вызовом сказал лохаг.

«Видят боги, я хотел сохранить им жизнь, – с сожалением подумал Митридат. – Нити их судеб уже оборваны. Но они об этом, увы, не догадываются. Упрямые глупцы. Да сбудется предначертанное...» И царевич резко вскинул правицу вверх.

Из чащобы позади капища выметнулись всадники. Закованные в черные железные панцири, в гривастых шлемах с забралами, скрывающими лица, они показались суеверным наемникам божествами гор. Засвистели дротики, и два киликийца свалились на землю, сраженные наповал.

– Куда?! Назад! – вскричал, обнажая меч, лохаг, опытный воин, увидев, как ошеломленные внезапным нападением наемники стали поворачивать коней, чтобы спастись бегством.

Опомнившись, киликийцы сомкнули строй – нападающих было немного. Заскрежетали мечи, звонким эхом откликнулись скалы на удары по щитам – закованные в железо всадники молча обрушились на телохранителей.

Рубка была короткой, но страшной. Широко раскрыв глаза, Митридат следил за Диофантом; он узнал его по скакуну необычной, редкой в Понте масти – игреневой. Начальник царской хилии опрокинул одного наемника на землю вместе с конем, второго разрубил почти до пояса, а третьего оглушил ударом щита по голове.

Не выдержав напора железных всадников, киликийцы в страхе бросились врассыпную. И тут раздались зловещие посвисты – Гай, Паппий и Гордий, выбрав удобную позицию на пригорке, почти в упор расстреливали наемников из мощных, дальнобойных луков, чьи стрелы пробивали даже панцири катафрактариев*.

Лохаг киликийцев, щит которого напоминал спину дикобраза, столько стрел впилось в трехслойную буйволиную кожу, поднял жеребца на дыбы и, увернувшись от меча Диофанта, в мгновение ока оказался возле Митридата.

– Умри и ты! – хрипло взревел он и молниеносно ткнул коротким персидским акинаком в грудь царевича. – Я поклялся отправить тебя в Эреб, змееныш, и держу слово!

Клинок распорол хламиду Митридата, но только скользнул по двойной кольчуге, скрытой под одеждами.

Царевич, возбужденный впервые увиденным настоящим сражением, оскалится, как волчонок, схватил притороченный к седлу топорик и метнул его, целясь в голову лохага. Киликиец успел поднять щит, и серповидное лезвие топорика, срубив несколько стрел, застрявших в толстой коже, только чиркнуло вскользь по скуле наемника. Обезумевший от ярости убийца поднял акинак над головой Митридата, но опустить не успел – кто-то из закованных в железо всадников на полном скаку выпрыгнул из седла и коршуном налетел на лохага. Они оба свалились под копыта коней; сверкнуло лезвие ножа, и торжествующий крик слился с предсмертным стоном.

– Хайре*, Митридат, царь Понта! – сорвал с головы шлем спаситель царевича и поклонился.

Это был таксиарх Неоптолем, богатырского роста и телосложения юноша.

– Услуга, только что оказанная тобой, не будет забыта, – с достоинством сказал Митридат, огромным усилием воли стараясь сохранить невозмутимый вид и потушить внезапно вспыхнувший в душе огонь тщеславия – царь Понта!

– Посмотрите! – неожиданно вскричал Гай, указывая на дорогу.

Со стороны Синопы скакал отряд вооруженных всадников, сверкая ярко начищенными бляхами щитов. Их количество определить было невозможно – клубы пыли, поднятые копытами коней, скрывали едущих позади.

– Уходите в горы! – Встревоженный Диофант подошел к царевичу: – До встречи, Митридат. Мы будем тебя ждать, – он поклонился. – Пусть Дионис хранит тебя.

– А вы как? – спросил царевич.

– У нас есть надежное убежище. Там нас не найдут. А к вечеру возвратимся в Синопу...

Усталые, загнанные скакуны едва плелись. Багровый закат уже зажег верхушки деревьев неярким осенним пламенем. Дул легкий ветерок, и Митридат с наслаждением подставил разгоряченное лицо под упругие воздушные струи. Его янтарные глаза с надеждой смотрели вдаль – там, за мрачными лесными дебрями, вставали фиолетово-синие громады гор Париадра*.

Часть вторая. Псы удачи

Глава 1

Ковыльные степи Таврики* в месяце скирофорионе* напоминают хламиду бедного хейромаха*. Солнце выжгло в зеленом травяном покрове многочисленные рыжие проплешины, с высоты птичьего полета кажущиеся заплатами, наложенными на полуистлевшее рубище. Знойное безмолвие после полудня на человека, непривычного к «скифской равнине» (так называют степи жители Херсонеса), производит впечатление огромного нутра плавильной печи. Пышущий жаром небесный свод временами опускается так низко, что путник явственно ощущает его неимоверную тяжесть. Не шелохнется ни одна былинка, не подаст голос притомившийся жаворонок, длинноногий заяц не рассыплет свои торопливые следы по песчаным отмелям пересохших до самого дна речушек. Все живое и неживое затаилось, замерло в ожидании вечерней прохлады. Сколько видит глаз – равнина мертва, бездыханна.

Но что это? – лениво закивал метелками ковыль, и косматое существо, похожее на небольшого медведя, взобралось на пригорок. Безрукавка из лохматой овчины мехом наружу не могла скрыть широких плеч; под нею виднелась рубаха из тонкой замши, заправленная в кожаные штаны. Человек присел на корточки и внимательным взглядом окинул степь. Его раскосые черные глаза поблескивали остро и тревожно, но широкоскулое обветренное лицо было неподвижным и бесстрастным.

Неподалеку от него, на расстоянии двух-трех стадий, серебристую гладь ковыльного моря пересекала узкая лента степной дороги. Прямая, как тетива лука, она тянулась до самого горизонта, упираясь в пыльное облако, которое медленно росло, вспучивалось, приближаясь к пригорку, где притаился звероподобный человек. Вскоре уже можно было различить низкорослых мышастых волов, запряженных в тяжело нагруженные повозки. По сторонам каравана ехали всадники, безмолвные и понурые, изредка с надеждой поглядывающие на небо: не появятся ли тучи, чтобы закрыть хоть ненадолго беспощадное солнце, неподвижно застывшее в блеклой голубизне.

Сосчитав на пальцах всадников – это были воины охраны каравана, легко вооруженные наемные гиппотоксоты – человек в безрукавке издал тихий горловой звук, будто каркнул повороньи: «Кхр-р-рах...», что, похоже, означало удовлетворение, сполз с пригорка и словно растворился в высокой, по пояс, траве.

– ...Я плавлюсь, как кусок бараньего жира на противне, – боспорский купец Аполлоний, толстый, обрюзгший мужчина с маслянистыми карими глазами, жалобно посмотрел на странствующего рапсода* Эрота, ища сочувствия.

– До источника осталось не более двадцати стадий, – невозмутимо ответил рапсод.

Они расположились на передней повозке в тени холщового тента, закрепленного на двух дугах. На Эрота жара, казалось, не действовала вовсе. Он был худощав, невысок ростом, с крепкими жилистыми руками, не знавшими покоя. За время путешествия от стен Пантикапея* до этих мест рапсод успел смастерить две свирели, которые подарил возникшим, починил лук одному из воинов охраны, украсил резьбой рукоять нагайки. И сейчас он был занят – менял струну на своей выдавшей вида кифаре.

Рапсода Аполлоний подобрал в предместье столицы Боспора, возле харчевни, где тот в хорошем подпитии играл в кости. Эрот охотно согласился провести караван Аполлония через скифскую равнину к главному городу государства варваров Неаполису*, так как ему уже при-

ходило там бывать. Проигравшийся вдрызг рапсод на глазах изумленного купца отдал партнерам плащ и флейту и бодро вскарабкался на повозку.

От платы за свои услуги он, к тайной радости купца, отказался, в еде был непритворлив, зато вина любил самые лучшие, и Аполлоний только вздыхал от досады, наблюдая, с какой быстротой убывает дорогое книдское из вместительного дорожного бурдюка.

– Бывает и жарче, – заметил рапсод, отложил кифару в сторону и с явным удовольствием наполнил чаши. – Испей, Аполлоний, и дорога тебе покажется короче, а солнце скроется в облаках твоей умиротворенной души.

– О-о... – простонал купец и вместо вина отхлебнул из кувшина воды. – Нет, это невыносимо... – он вылил остаток на мокрый от пота хитон. – Если не умру, клянусь, больше никогда не пойду летом в эти края.

– Зимой нас бы уже занесло снегом, или сожрала волчья стая. От мороза в этих местах у человека стынет кровь в жилах и лопаются струны кифары. Весной свирепствуют ветры, которые могут свалить всадника вместе с конем, а осень приносит проливные дожди. Поэтому трудно сказать, что лучше: получить солнечный удар, отморозить ноги, нахлебаться воды по самую завязку или свернуть шею, свалившись от ураганного ветра в балку, – как ни странно, их на этой равнине хватает.

– Откровенно говоря, меня больше волнует другое... – Аполлонию, стало немного легче от обливания; он потянулся к чаше с вином, выпил. – Купцы, торгующие со скифами*, боятся везти свои товары в Неаполис из-за разбойников. Приходится пользоваться услугами посредников из Ольвии. Выгоды никакой, одни убытки – ольвиополиты чересчур дорого берут за это, – купец грузно заворочался, устраиваясь удобней. – Раньше я торговал хлебом, жил в достатке. Но кто теперь покупает нашу пшеницу? Египетская дешевле и лучше. Да и на море беспокойно – сатархи*, эти лестригоны*, порождения Ехидны*, подстерегают суда возле берегов Таврики, а киликийские пираты топят купеческие караваны у входа в Боспор Фракийский*. Прошлым летом я спасся от них чудом...

– Нужно было принести жертвы Ахиллу Понтарху, – назидательно сказал рапсод. – Богатые жертвы. Не забывай, что боги и богоравные герои благоволят больше к тому, кто не скупится. Отнеси на алтарь храма не какого-нибудь старого козла, а приличную мошну с золотом, и можешь быть уверен, что этот дар не останется незамеченным.

– Я так и сделал, – Аполлоний с подозрением покосился на Эрота – в голосе рапсода ему послышалась насмешка. – Но что-то в последнее время не замечаю особых милостей богов ко мне. Если так пойдет и дальше, через год я стану беднее самого последнего хейромаха.

– Это прискорбно, – рапсод принялся настраивать кифару. – Впрочем, мне ли об этом судить. Все мое богатство – стоптанные сандалии и эта кифара.

– А жизнь?

– Она не имеет цены. Когда покупают раба, платят не за то, что он просто живое существо, а за его крепкие ноги и руки. Когда раб умирает молодым, жалеют не о том, что еще одно творение природы не будет иметь своего продолжения, а потому, что придется снова раскошелиться на приобретение нового работника.

– Ты не дорожишь жизнью?

– Зачем? – пожал плечами Эрот. – Умру я не раньше и не позже назначенного мойрами срока. Так стоит ли об этом так сильно волноваться? – он неожиданно рассмеялся. – Но, если честно, в царство Аида я не тороплюсь, и то, что я туда в конце концов попаду, не вызывает в моей душе ликования. К сожалению, там не водится вот это, – рапсод похлопал по бурдюку с вином. – А у старика Харона даром не выпросишь даже места в его лодке. Боюсь, что при моих доходах мне заплатить ему будет нечем, и пойдет моя неприкаянная душа скитаться не по цветочным лугам, а по помойкам загробного царства.

– Все шутишь... – проворчал Аполлоний. – Тебе и впрямь терять нечего, – он вытер потное лицо куском тонкого полотна. – Жарко... Когда наконец мы доберемся до этого проклятого источника?!

– Потерпи еще немного. Хочешь, я спою?

– Мне все равно... – Аполлоний дышал широко открытым ртом, как выброшенная на берег рыба.

Рапсод в задумчивости пробежал длинными пальцами по струнам и запел. Голос у Эрота был сильный, звучный. Грозная мелодия победного пеана* разрасталась, ширилась, рвалась из-под тента вверх. Оживились измученные зноем воины охраны, подтянулись поближе к передней повозке. Возничие защелкали бичами, волю прибавили ходу. Приободрившийся Аполлоний начал потихоньку подпевать Эроту.

– Ахай-яа-а! Кхр-ра! Кхр-ра! – дикие вопли заглушили мелодию пеана.

Из балки неподалеку от дороги выметнулись всадники. Горяча коней, они мчали на караван, охватывая его дугой. Одетые в звериные и бараньи шкуры мехом наружу, они показались перепуганному до икоты Аполлонию чудищами Гекаты*, тем более что впереди звероподобных всадников бежали огромные псы.

– Разбойники! – рапсод соскочил на землю и потянул за собой купца, потерявшего дар речи; они спрятались под по возку.

И вовремя – в воздухе густо замелькали стрелы. Разбойники стреляли на скаку, целясь в наемных гиппотоксотов.

Вопли нападавших не смутили бывалых воинов. Повинуясь приказу начальника охраны, миксэллина*, в жилах которого текла кровь воинственных саев, гиппотоксоты сомкнулись, прикрываясь круглыми щитами. Так они и ударили в середину дугообразного строя разбойников – плотно сбитой массой, оцетинившись короткими копыями. Под их натиском разбойники разлетелись, как осенние листья, взвихренные ветром. Пали убитые, лошади без седоков разбежались по степи. Эта маленькая победа воодушевила гиппотоксотов, и они обрушились на левый фланг разбойников. Закипела сеча – в ход пошли мечи и боевые топоры.

И все же перевес разбойников был чересчур внушителен. Вскоре почти все гиппотоксоты полегли в жаркой схватке. Кое-кто из них сдавался в плен, пытаясь сохранить жизнь, но обозленные отпором разбойники убивали всех подряд.

Только гордый потомок саев, миксэллин, и остался в живых. Его конь был изранен стрелами, и начальник охраны, на скаку перепрыгнув на лошадь без седока, умчался в степь. Разбойники не стали его преследовать, а занялись грабежом повозок каравана.

– Фат, поди сюда! – позвал главаря один из них.

Угрюмый пегобородый великан подъехал к передней повозке. Там уже собрались его гогочущие подручные. Действо, представшее перед его глазами, вызвало на широком, грубо высеченном лице великана кривую ухмылку.

Возле повозки сидели псы разбойников, мохнатые широкогрудые зверюги, помесь волков и боевых собак персов. А внутри образованного ими круга стояли двое: посеревший от страха толстяк-купец и кифаред, который наигрывал какую-то заунывную мелодию и пел дребезжащим дискантом.

– Кто вы? – басом спросил Фат на смешанном скифосармато-эллинском наречии, распространенном в степях.

– Я бедный странствующий кифаред, – с достоинством ответил ему Эрот, кланяясь. – А он, – показал на Аполлония, – купец, хозяин этого каравана.

Аполлоний тоже хотел поклониться, но ноги неожиданно подкосились от страха, и он упал. Разбойники заржали.

– Не убивай его! – поспешил заговорить рапсод, заметив, что Фат потянул меч из ножен. – Он даст богатый выкуп.

– А ты? Сколько заплатишь мне ты? – спросил главарь разбойников с насмешкой.
– Могу предложить только своей череп. Из него тебе сделают чашу для вина.
– Кхр-р... – хмуро засмеялся Фат. – Шутник... Ладно, я согласен, – он вынул меч.
– погоди. Не торопись, – рапсод глубоко вдохнул жаркий полуденный воздух и крепче прижал к себе кифару. – Успеется. Позволь мне перед смертью потешить вас и себя... – Эрот ласково тронул струны, и они зажурчали, как родник ранней весной.

– Играй, – милостиво разрешил главарь разбойников; бесстрашие пленника вызвало в его зачерствевшей душе чувство, отдаленно похожее на уважение.

Рапсод оглядел разбойников и, вдруг, озорно улыбнувшись, подмигнул и ударил по струнам. Запел он веселые и скабрзные припевки пиратов-ахайев*, но на эллинском языке – успел заметить, что среди разбойников немало беглых рабов, уроженцев северо-восточного побережья Понта Евксинского.

Разбойники, довольные богатой добычей, развеселились – хлопали в такт ладонями, пританцовывали. Только Фат слушал с неподвижным и мрачным лицом, и пришедший в себя Аполлоний поглядывал на него с трепетом – что замыслил этот кровожадный убийца?

– Ну вот и все... – рапсод бережно положил кифару на повозку. – Спасибо, что позволил исполнить мое последнее желание, – поблагодарил он Фата.

– Играй! Еще играй! – закричали разбойники.

– Довольно! – прикрикнул на них Фат. – Нужно уходить. Скифские дозоры не дремлют. Им, – указал на пленников, – дать коней. Заберем с собой. Поторапливайтесь!

Разбойники принялись вьючить на лошадей тюки с персидскими тканями, понтийскими коврами, ларцы с украшениями, небольшие корзины с тщательно переложенными соломой амфорисками* и арибаллами* с благовониями и ароматическими маслами.

Приободрившийся было Аполлоний, мысленно вознесший молитву богам олимпийским за чудесное избавление от неминуемой гибели, снова впал в состояние, близкое к тихому помешательству при виде грабежа своих товаров. Обвисшие щеки купца тряслись, из глаз текли слезы, а на бледном до синевы лице блуждала безумная улыбка.

– Успокойся, Аполлоний... – поддерживал его под локоть рапсод. – Будь мужчиной. Из двух зол милостивая судьба ниспослала тебе меньшее. Возблагодари ее, жди и надейся. Ты меня слышишь?

– Мы-ы-ы... – промычал несчастный купец и в отчаянии вырвал из головы добрый клочок и так уже поредевших волос. – Я разорен... Скажи им... пусть лучше убьют меня...

– Это им недолго... – пробормотал рапсод.

Он поднял голову, окинул взглядом степь. И едва не вскрикнул от неожиданности: с южной стороны на караван грозовой тучей надвигалась конница. Всадники, низко пригнувшись к гривам низкорослых коней, скакали в полном молчании; густая трава глушила топот копыт, и лошади казались лодками без ветрил, гонимыми к берегу первым шквалом по застывшему перед бурей ковыльному морю.

Взволнованный Эрот украдкой посмотрел на беспечных разбойников, опьяненных видом богатой добычи – обычно весьма осторожные, на этот раз они даже не выставили дозорных. «О, Афина Промехос*, закрой разбойникам глаза туманом, устраши их своей эгидой*...» – неожиданно для себя взмолился он в предчувствии близкого избавления из плена и позорного для свободного гражданина рабства. Эрот не сомневался, что его продадут какому-нибудь царьку номадов* – красивые девушки, ремесленники, педагоги и музыканты были на невольничьих эмпориях в цене.

Но пегобородый великан Фат не дремал. Только он не принимал участия в грабеже, а стоял чуть поодаль, угрюмо глядя на свое разношерстное воинство, изредка пренебрежительно ухмыляясь. Его тяжелый взгляд остановился на одном из псов, который, насторожив уши, злобно оскалился и тихо зарычал. Фат поднял голову, увидел конный отряд и закричал:

– Скифы! – с неожиданной для его громоздкого тела тигриной грацией он вскочил на коня. – Уходим!

Разбойники заметались среди повозок, разыскивая своих лошадей. Скифы заметили этот переполюх, и их военный клич раскатился над степью:

– Вайу! Вайу! *

Рапсод юркнул под повозку, затащил туда купца, потерявшего способность что-либо соображать, и укрылся подвернувшейся под руку рваной циновкой. Впрочем, разбойникам было уже не до пленников – нахлестывая коней, они всполошенной вороньей стаей разлетались по степи, стараясь побыстрее укрыться в только им ведомых балках и яругах.

Скифские конники, повинувшись команде, разделились на два отряда и стали окружать разбойников, как волков на облавной охоте. Засвистели стрелы мощных дальнобойных луков, и предсмертные крики огласили степь. Эроту, до сих пор не видевшему скифских стрелков в бою, показалось, что у каждого из них по четыре руки, – с такой быстротой опорожняли они свои колчаны.

Под повозку, где затаились пленники, заполз, скуля и повизгивая от боли, пес разбойников – мохнатый, темно-рыжий, с черными ушами и мощными лапами. В одной из них торчала стрела.

– Пошел! – в страхе замахнулся на него Аполлоний обломком дротика, неведь каким образом очутившимся в его руках.

– Оставь его... – Эрот с укоризной посмотрел на купца. – Можно ли винить и ненавидеть бессловесную тварь за то, что ей попался плохой хозяин? Этот пес – раб своей преданности. Ах ты, бедняга... – погладил он дрожащего пса. – Дай-ка сюда свою лапу...

Рапсод осторожно обломал наконечник стрелы и резким движением выдернул древко из раны. Пес зарычал. Аполлоний при виде его огромных белых клыков опасно отодвинулся.

– Умница, умница... – тихо ворковал рапсод, поглаживая пса. – Сейчас я тебя перевижу... – Он оторвал от своего хита на полоску и стал бинтовать ему лапу.

Успокоенный пес при этом только миролюбиво ворчал и пытался лизать руки Эрота.

– Эй, вы там, под повозкой! Вылезайте, – безусый молодой скиф с обнаженным акинаком в руках, присев на корточки, дернул Аполлония за ногу.

Купец на четвереньках выбрался на свет ясный и, кряхтя, выпрямился. Рапсод тоже не заставил себя долго ждать.

Возле повозки, с трудом сдерживая разгоряченных коней, гарцевали скифские воины. Впереди всех, на прекрасном мидийском скакуне, важно восседал юноша лет восемнадцати в остроконечном войлочном колпаке, перевязанном у основания пурпурной лентой. Одет он был в кожаную безрукавку, из-под которой выглядывала богато расшитая золотыми нитками белая рубаха тонкого полотна; узкие шаровары из дорогой персидской ткани были заправлены в мягкие сапожки с невысокими голенищами. На широком боевом поясе, окованном железными пластинами, висел акинак, а в руке юноша держал бронзовый чекан, своего рода жезл, указывающий на знатность происхождения его владельца. Похоже он, несмотря на молодость, и был военачальником отряда.

– Ты эллин? – спросил юноша, обращаясь к купцу сильным гортанным голосом на языке жителей Эллады.

– Да, я купец из Пантикапея... – Аполлоний пока не знал, радоваться ему избавлению от разбойников или нет. Чуть помедлив, он добавил, на всякий случай кланяясь: – Господин...

– Куда держишь путь?

– В Неаполис, к великому царю скифов Скикуру*.

– Тебе повезло, купец, – улыбнулся уголками губ молодой военачальник. – Я сын царя Палак.

– О-о... – простонал купец в радости. – Пусть боги будут всегда милостивы к тебе, царевич.

– А это кто? – Палак указал чеканом на Эрота; рапсод, как ни в чем не бывало, спокойно поглаживал злобно урчащего пса.

– Я – трава перекасти-поле, гонимая ветром странствий, – опередил купца рапсод и взял в руки кифару.

– Бродячий музыкант... – строгие серые глаза юноши прояснились. – Мне твое лицо знакомо, – добавил он после некоторых раздумий.

– У сына царя скифов орлиный взор и память мудрой совы, – польстил царевичу рапсод. – Пять зим назад я был удостоен высокой чести усладить слух повелителя Таврики песнопениями о подвигах величайшего из героев, богоравного Геракла.

– Вспомнил! – на смуглом скуластом лице юноши появилось выражение восторга. – На весенних празднествах, посвященных прародителю скотов* Таргитаю*... – он церемонно прижал руку с топориком к груди и неспеша кивнул – поклонился. – Я приглашаю тебя во дворец отужинать вместе со мной. Коня! – приказал он.

Рапсоду подвели гнедого жеребца, захваченного у разбойников.

– Дарю, – с величественным жестом произнес Палак. – Мы поедем вперед. Вместе. Садись.

– Прости, царевич, но... – смущенный неожиданной милостью Эрот попытался что-то сказать, но мысли его спутались и он умолк на полуслове.

– Не беспокойся, купцу помогут мои воины, – понял рапсода Палак. – К ночи караван будет в Неаполисе. Я нетерпелив, – царевич рассмеялся. – И потому хочу как можно скорее услышать звуки твоей божественной кифары. А-эй! – Он поднял жеребца с места в галоп и помчал по дороге, увлекая за собой Эрота.

– Аполлоний! – прокричал уже на скаку рапсод. – Не оставляй пса! На повозку...

Его слова утонули в пыли, поднятой копытами скакунов телохранителей царевича; словно кентавры, скифы помчались вслед своему повелителю, оглашая степь криками и хлесткими щелчками нагаек.

Глава 2

Утренняя заря выкрасила небо над степью в прозрачный пурпур. На еще сонную равнину лился розовый свет, воздух был чист и прохладен, как глоток родниковой воды. Ночная темень постепенно таяла, уползала на запад, и в голубовато-сером предрассвете среди степи начал вырастать огромный скальный мыс, увенчанный зубчатой стеной с башнями. Его мрачные красно-коричневые скалы нависали над речным плесом, скрытым от глаз сизой колеблющейся дымкой тумана. И только вблизи можно было заметить, что за лето река обмелела, застыла в заводях, затянутых ряской, а местами истончилась в ручей, причудливо петляющий среди каменных глыб. Пахло тиной, свежескошенным сеном и дымом костра.

Костер уже погас. Только крохотные искорки посверкивали в пушистом пепле, да горячий пар над котлом с похлебкой приятно щекотал ноздри воинов ночной стражи Неаполиса, охранявших главные ворота столицы скифского царства. Бездомный пес, привлеченный запахом снеди, в голодном вожделии подобрался почти вплотную к воину, делившему между товарищами просяные лепешки, но, получив увесистого пинка, с жалобным визгом затрусил к храмам Деметры* и Гермеса*, расположенным в полустадии от крепостных стен. Святилища, построенные эллинами (переселенцев из Греции в Неаполисе было больше трети от числа горожан), предназначались в основном для простолюдинов. Люди богатые и знатные совершали богослужения в храмах акрополя*, защищенных толстенными стенами.

Город просыпался. Лениво тьякали сторожевые псы, пели петухи, перекликались хозяйки, разжигающие очаги. В небольших загонах возле храмов бляели ягнята, откармливаемые жрецами для продажи тем, кто хотел принести жертву богам.

Аполлоний проворочался ночь без сна. Его поселили в одной из комнат общественного здания, стоящего на городской площади напротив главных ворот Неаполиса. У противоположной стены комнаты на каменной лежанке, укрытой звериными шкурами, сладко похрапывал Эрот. Возле постели рапсода, положив лобастую голову на лапы, пристроился пес разбойников. Стоило купцу пошевелиться, как он открывал глаза и недружелюбно поглядывал в его сторону.

«Злопамятная псина...» – злился купец и с завистью вздыхал, глядя на безмятежного Эрота – после вечернего приема у царевича рапсода принесли на руках два дюжих телохранителя и уложили спать как младенца, подсунув под голову кошель с серебром.

Аполлоний вспомнил о своих потерях – в который раз! – и застонал, мысленно проклиная и разбойников, и скифских стрелков (их пришлось отблагодарить за помощь двумя амфорами вина и разными побрякушками). Расстроенный купец сел и принялся считать убытки. Запутался в вычислениях, сплюнул в досаде на глинобитный пол, застеленный грубошерстным ковром, и вышел на площадь, кутаясь в хламиду, отороченную мехом хорька, – после душевной теплыни спальни стылый рассветный воздух вызывал озноб.

Чисто выметенная и посыпанная белой известковой крошкой площадь была пустынна. Аполлоний подошел к воротам, по бокам которых грозно высились две сторожевые башни, сложенные из необработанных каменных глыб, зачем-то потрогал потемневшие от времени дубовые доски, скрепленные толстыми металлическими полосами, потом медленно возвратился и с интересом стал рассматривать свое пристанище.

Общественное здание украшали два портика, каждый о шести квадратных столбах, поддерживающих капитель. Между столбами стояли мраморные и бронзовые статуи, выполненные искусными мастерами, явно эллинами, отметил про себя купец: Деметра, Ахилл Понтарх, Афина Линдская и небольшое по размерам изваяние неизвестного Аполлонию бога верхом на коне.

Аполлоний неожиданно глуповато хихикнул – рядом с Диоскурами* и Гермесом растянула толстые губы в придурковатой улыбке главная богиня херсонеситов Дева с подобием посоха в руках, высеченная из цельной глыбы серого мрамора. Купцу было известно, что в свое время Херсонес* помогал царю скифов Агару строить новую столицу Неаполис. Предприимчивые дельцы надеялись задобрить могучих и непобедимых властелинов равнины, даже свой ксоан* подарили. Но варвары оказались хитрей и дальновидней херсонеситов: поднакопив силы и понастроив крепостей, они захватили почти всю хору* Херсонеса, в том числе Керкенииду* и Калос Лимен*. И теперь оказавшиеся в дураках эллины валят со стен заготовленный для построек камень на головы скифских воинов, обложивших их, как сурков в норе.

Спохватившись, Аполлоний мысленно отругал себя – получается, что он злорадствует. Конечно, теперь из-за войны со скифами торговые люди Херсонеса не могли тягаться с боспорским купечеством. Но радоваться несчастью соотечественников ему не пристало: кто может знать, куда в очередной раз полетят стрелы скифских конных стрелков...

– Аполлоний! Ты что, уснул стоя! – раздался насмешливый голос.

Купец, погруженный в мысли, вздрогнул и обернулся. На пороге общественного здания стоял, потягиваясь, рапсод.

– Что так рано поднялся? – спросил Эрот, зевая. – Не терпится начать торг?

– Прежде нужно принести жертвы богам, – рассудительно ответил купец и пощупал кошелек у пояса, наполненный серебрянными монетами – несмотря на испуг, он все же умудрился припрятать его от разбойников.

– В акрополе – храмы Аполлона и Афины, за стенами города – Деметры и Гермеса. Выбор не хуже, чем в Пантикапее. На все случаи жизни. Лучше, если не обделишь вниманием никого из богов Неаполиса, в том числе и скифских, – ухмыльнувшись, сказал рапсод.

И снова, в который раз, в голосе Эрота купцу почудились насмешливые нотки.

– Не мешало бы позавтракать, – сменил тему разговора рапсод и похлопал себя по животу. – Пусто...

“Знаю, знаю, чего тебе хочется, забулдыга...” – раздраженно подумал купец и горестно вздохнул – опять вспомнилось родосское вино, булькающее теперь в желудках воинов Палака. Не ответив на прозрачный намек Эрота, только неопределенно пожал плечами, он поспешил к воротам – их в это время открывали дюжие стражники.

– Вот так, дружище, – Эрот потрепал за ухо пса, сидящего на ступеньках и выгрызающего из лохматой шерсти блох. – Благодарность – чувство, которое умерло, еще не родившись.

Не будем его строго судить, – кивнул в сторону быстро удаляющегося Аполлония. – Голос наших пустых желудков чересчур тих для того, чей слух привычен к брэнчанью золотых и серебрянных монет. Идем, поищем доброго человека, и он угостит тебя костью с остатками мяса, а меня – глотком не прокисшего вина.

И рапсод направился в сторону квартала ремесленников, где его старый знакомый, лишенный жрецами за какие-то грехи ольвийского гражданства, держал убогую харчевню. За ним, припадая на раненую ногу, поковылял и пес...

Аполлоний был радостен и доволен – его товары шли нарасхват и по цене почти вдвое выше той, на какую он рассчитывал. Особенно хорошо брали вина и украшения. Свои повозки боспорский купец разместил на площади в центре скифской столицы. Обычно здесь занимались выездкой лошадей и обучали мальчиков верховой езде.

За товары скифы платили мехами, вычиненной кожей, кадушками с горным медом (его привозили в Неаполис тавры), кругами темного воска, реже – чеканной монетой самого высокого достоинства и государственной принадлежности: херсонесскими драхмами* и тетроболами*, статерами Понта и боспорскими халками*, ольвийскими лептами и аттическими оболлами, денариями и сестерциями Рима.

Благодуществующий Аполлоний обратил внимание на скифского подростка лет пятнадцати, в восхищении уставившегося на акинаки, выкованные кузнецами Пантикапея. Что-то очень знакомое почудилось купцу в чертах лица мальчика: крутые скулы, тяжелый подбородок, орлиный нос, серые до голубизны глаза, длинные темно-русые волосы...

И тут чья-то тяжелая рука опустилась на его плечо.

– Ба, кого я вижу? Ты ли это, мой старый друг? Не верю глазам своим – Аполлоний отважился на путешествие в Неаполис. Хайре, дружище!

– Евмен?! – купец с удивлением воззрился на низкорослого мускулистого мужчину с длинной седеющей бородой, подстриженной на скифский манер – лопаточкой. – Вот уж не ожидал...

Они обнялись.

– Отпусти, задавишь... Медведь... – лицо Аполлония покрылось красными пятнами, так крепко облапил его волосатыми ручищами Евмен. – Уф-ф...

– А ты все толстеешь... – посмеиваясь, похлопал его по загривку Евмен. – Но дела твои, похоже, оставляют желать лучшего, коль уж сам сюда пожаловал.

– Не совсем, не совсем... – смутился Аполлоний и спросил, торопясь перевести речь на другое: – Ну а ты как здесь очутился?

– Большим человеком стал, – подмигнул Евмен. – Ольвию прибрал к рукам царь Скилур, торговать хлебом ольвийским купцам он запретил, вот я и предложил государю скифов свои услуги. Теперь у меня титул придворного эмпора. Продаю скифскую пшеницу.

Он наконец заметил мальчика, который в этот миг робко дотронулся до чеканных электрических бляшек, украшающих ножны дорогого акинака. Подметив что-то необычное во взгляде старого приятеля, Аполлоний спросил:

– Ты его знаешь?

– Еще бы... – Евмен говорил вполголоса. – Это сын царя Савмак.

– Что?! Сын... Царевич? – изумился Аполлоний. – У него ведь Палак... – только сейчас он сообразил, кого напоминал облик подростка – Савмак был очень похож на старшего брата.

– У Скилура три законных жены и двадцать наложниц, – рассмеялся Евмен, глядя на обескураженного приятеля. – И сыновей с полсотни. Дочек я не считал. Их тоже немало. Палак – соправитель Скилура, будущий его преемник. Недавно царь заказал камнерезам Ольвии барельеф. На нем должен быть изображен он вместе с Палаком. Плиту с барельефом установят в портике общественного здания. Это своего рода завещание, чтобы после смерти Скилура у его подданных не возникало сомнений в праве Палака на царский скиптер.

– Савмак... – боспорский купец все еще не мог прийти в себя от такой неожиданности. – Но он так бедно одет...

– Ничего удивительного. Его мать Сария когда-то слыла первой красавицей Неаполиса. Она дочь миксэлина из Танаиса*. Отец дал ей прекрасное образование, но не сумел вымолить у богов для Сарии хотя бы малую толику счастья. Когда Савмаку было два года, взбесившаяся кобылица во время дойки вышибла ей копытом глаз. С той поры Сария покинула гарем повелителя скифов и влачит жалкое существование. Правда, живет она в акрополе в какой-то каморке, но на положении прислуги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.